

Планеты внутри

Предисловие

«Что есть звезды?» - спрашивает персонаж Шона О`Кэйси, обнаружив, что край космического пространства, наиболее удаленного от него, является основой его собственной тайны. Вместе с флорентийцем пятнадцатого столетия Марсилио Фичино, мы могли бы задать такой же вопрос по существу о планетах, осознавая, что на самом деле нас интересует не физическая устройство этих небесных тел, а загадка нашего собственного субъективного опыта. При этом эти два явления, планета и человек разыгрывают диалектическую драму, зеркальный танец, в котором один не может существовать без другого. Таким образом, использование слова «внутри» в названии этой книги просто способ обособить их от физических знаний. Планеты в астрологической системе эпохи Ренессанса и современной формулировке психологии «внутри», как если бы они являлись просто символами личностных черт: Марс – гнев, Венера – секс. Они «снаружи», так как мы обнаруживаем наши души снаружи в вещах, в отношениях. Ни планеты внутри, как если бы мы их содержали в себе, как если бы они являлись подкатегорией нашей собственной субъективности. Они также содержат в себе нас; в этом случае, мы находим наше собственное сознание и волю погруженными в паттерны мысли и чувств, названных именами планет, которые мы как ни надумали в своем воображении, так и ни обладаем властью отказаться. «Что есть звезды» ничто иное как стойкое приглашение к расширению границ воображения, деперсонализации субъективного опыта, настройке на Душу Мира (Anima Mundi) «внутри», которую кружат планеты.

Если первой проблемой, с которой сталкивается читатель данной книги является размещение планет, то вторая – разобраться с иллюзиями историографии. Так как Фичино, являющийся объектом данного исследования, опубликовал соответствующие письма ровно пять сотен

лет назад, читая о его мыслях, возникнет искушение скатиться в домыслы и сказочную фантазмагорию истории. На самом деле, когда я впервые начал читать Фачино в тихом уголке библиотеки Сиракузского Университета, я думал о нем как об уникальном наследии, как об античном предмете мебели, чья форма и материал мгновенно притягивают, но чья функциональность остается под вопросом. Но теперь в моем представлении Фачино открепился от исторической доски объявлений. Необязательно заикливаться на складе мышления, который превращает людей из прошлого в карточки из картотеки нашей систематизированной исторической любознательности. Позволив Фачино говорить напрямую с нашими современными, повседневными заботами, становится возможным осознать, насколько тонок дух исторического времени и каким великолепным проводником мысли и воображения он является. Эта книга не ставит задачей определить место Фачино в истории; она трактует его как живого психолога, которому есть что сказать о современной психике.

Во многих отношениях, книга стремится сохранить истинный стиль Фачино. Например, несмотря на то, что он был влиятельным, широко публикуемым интеллектуалом, он не был ученым, если только в Платоновском смысле. Так и эта книга, не такая уж научная по стилю, какой могла бы быть; скорее даже, как Фачино сам говорит о своих собственным работах, это лаборатория исполненная опытами и снадобьями. Также, коль уж основной задачей Фачино было передать отвергнутую традицию перевода и комментирования, эта книга, в свою очередь, является истолковательным возвращением к жизни самого Фачино. В конечном счете, так как теоритически и практически душа являлась центральной в работах Фачино, помимо всего прочего, его можно рассматривать и как психолога; и несмотря на разделы книги, которые больше похожи на историю, искусствознание и зоологию, книга пронизана психологическими исследованиями человеческого опыта.

Хоть я и случайно наткнулся на Фачино, по воле Меркурия так сказать, я бы не понял его язык или не смог опубликовать эти размышления без помощи многих воображаемых фигур. Магическим проводником, который указывал мне верные дороги и делал тонкие намеки, был Дэвид Миллер. Другими проводниками из Сиракузского Университета стали Стэнли Хоппер, Хьюстон

Смит, Джеймс Виггинс и Ричард Пирсон. Я также признателен Дональду Воррейеру и Алану Доновану за моральную поддержку и содействие в получении скромного гранта от государственного колледжа Глассборо. В особом долгу я перед Джеймсом Хиллманом, чьи книги стали посохом Меркурия, открывшим путь к Фичино и в саму психологию, и чья дружба и поддержка привели к публикации этой книги. Я также хотел бы выразить свою признательность Лонни Кливеру, Джону Лудону и редакторам издательства «Bucknell University Press» за высокую оценку столь неординарного подхода к истории и психологии.

Рукопись была закончена до выхода перевода работы «De Vita» Фичино Чарльзом Боэром; в этой связи, кроме кусков, где указано иное, перевод выполнен мной. Но я охотно рекомендую перевод Боэра, так как он отличается точностью и стилем, а также за его ценный глоссарий.

Нужно обладать некоторым Гермесовским сумасбродством, чтобы увидеть душу планет, за что я в неоплатном долгу перед своими безумными как Шляпник из Кэрроловской Алисы (чокнутыми, спятившими) друзьями.

Введение: Возвращение души

Ночное небо всегда источник чудес. Его темное, черное пространство насаждает на нас как постоянное напоминание о тайнах, наполняющих природу, в то время как блестящие узоры, звезды и планеты, в особенности солнце и луна, питают глубинный интерес к другим формам жизни. Иногда ночью небо изобилует звездами, при том что в другие вечера царит абсолютная темнота. Низко лежащие облака могут вылепить туманную преграду между нами и этой глубокой темнотой; но как только мы видим небо и если мы знакомы с его особенностями, ночью оно является как знакомое лицо. Мы либо узнаем это небо по его особым чертам, либо, наоборот, зная его привычки, можем найти самих себя и занять собственную позицию.

Если все это правдиво о небе, на которое мы взираем ночью, это также правдиво относительно и темной вселенной, которую можно разглядеть внутри нас внутренним взором. В этой другой вселенной мы обнаруживаем

себя посреди внутренней темноты, где содержатся все воспоминания о прошлом и фантазии о будущем.

Как и ночное небо, это глубинное внутреннее пространство наполнено загадками; и его темнота и расстояния тоже отмечены особыми чертами, бликами и узнаваемыми фигурами. Оно может стать таким же знакомым как лицо, и опираясь на него мы можем найти наше место. Может показаться, что мы стоим между двумя бесконечными вселенными: космос внешнего мира по-прежнему неохотно раскрывает свои многочисленные секреты, а микрокосмос внутреннего мира психики в равной степени ревностно оберегает свои тайны.

Эти понятия, разумеется, ни в коей мере не являются авторскими, потому как люди тысячелетиями смотрели в ночное небо как в зеркало. Различая огни и волнующие паттерны, ощущаемые внутри как планеты и звезды, они создают астрологический портрет психики. Только по прибытию науки астрологии, с ее технологией и математическими расчетами, не стало ли небо в действительности прятаться от нашего наиболее глубокого понимания. В конечном итоге, когда посредством всевидящего ока телевидения нам всем доступно увидеть пыль Луны, отпечаток человеческой ноги, основательной, разумеется, а потом гольф клуб, поносящий тело того, что когда-то было деймоном, богом, небесным правителем или архонтом, а теперь глубоко ощутимые связи с планетами нарушены. Теперь они предмет научного вождения, а именно не лишённые ощущения собственного чуда и волнительного переживания, но утратившие способность зеркалить глубину естества, выступать как элегантные метафоры безграничного пространства и обыденных порывов, что мы чувствуем глубоко внутри. В наши дни ночное небо обладает другого рода очарованием, более прозаический предмет интереса. Мы задумываемся о том, как пересечь все эти расстояния и беспокоимся о том, с какими тварями нам придется столкнуться там, во время путешествия. Мы не решаемся предугадать последствия в части наших собственных космологических, физических и даже нравственных убеждений от других миров и особенно других жителей.

Но если такая трансформация восприятия от астрологической к астрономической осознанности и укрепила до некоторой степени наш

трепет перед ночным небом, все же более серьезный урон был нанесен космосу, который мы привычно зовем внутренним. Эти шаблоны и сдвиги официально обозначаемые как движения господа или даймонов, волнующие наши души, теперь превратились в инстинкты, драйвы, бессознательные стремления, условные рефлексy, заученное поведение и катектированные комплексы.

Пока мы безусловно обретали нечто уходя от иррациональных предрассудков и невежества, мы в тоже самое время и претерпевали утрату. При том, что однажды бескрайний космос искусно отражал глубину и необъятные просторы человеческого сознания, сегодня большинство «мозгоправов» - это возможно наиболее подходящее название – упрощают все, рассказывая нам, что наши души на самом деле всего лишь комплексная динамика электротоков и конъюгация хромосом. Субъективный опыт, по их словам, это эпифеномен этого чудесного компьютера, человеческого мозга. Сияющие планеты заменены на электрические разряды. Или, возможно, душа – это развертывание детского опыта, взрыв семейной ядерной бомбы в виде гриба симптомов и проблем. Вместо того, чтобы признать, как поступали умные люди прошлых веков, что существуют внутренние порывы, которые больше чем мы сами, сверхчеловеческие, управляемые своей собственной волей и непреодолимые, мы берем все на себя. Где раньше человек мог допустить наступление Венеры или Сатурна и смиренно пытался справиться с непреодолимой ситуацией, сегодня мы ищем пилюлю, дабы успокоить неудобные перепады настроения или «психический дискомфорт». Либо мы становимся раздутыми (инфлированными). Где раньше Меркурий или Муза вдохновляли новой идеей или созданием романа, сегодня мы говорим о гении индивидуума, как если бы он являлся компонентом его отдельной личности как цвет волос. Мы запихнули микрокосмос психики в лабораторную пробирку и заткнули ее своим эго и научным рационализмом.

Я не собираюсь предлагать вернуться к древним способам античных веков. Теперь мы обладаем новыми знаниями о космосе, и некоторыми новыми инсайтами в природе космоса внутри нас. Но, ощущая возрастающую стерильность и бездушность исключительно объективного научного

восприятия мира, разве нельзя нам обратиться к античности новыми глазами? Можем ли мы сохранить иррациональность и реализм и все же восстановить то, что было утрачено с античной чувствительностью? Неужели вещественный и безжизненный мир больше подходит для людей, нежели космос населенный - не самое точное слово – даймонами и божествами? Любопытно, что век, который мы называем Возрождением, эпоха славная своим гуманизмом, являлся также временем возрождения классических богов. Боги и люди идут рука об руку. Убрать богов и воцаряется расчеловечивание.

Это все к тому, что макрокосмос допускает некоторое взаимное влияние с микрокосмосом, и что влечет за собой высокую оценку человеческому воображению: так как только в воображении боги и их звездное небо могут родиться заново без анахронистического буквализма.

Исключительно физикалистское восприятие вселенной, призванное покорить сознание, очевидно в спонтанных реакциях высмеивания групп, которые на сегодняшний день открыто заявляют о геоцентрическом космосе. С одной стороны, такие убеждения могут ограничивать психическое, такими оторванными от современной перспективы кажутся они. Но с другой стороны, такой некоперниковский подход придерживается ценного воплощения: о том, что в большинстве человеческих замыслов, почва, на которой мы стоим, является центром вселенной. Человеческое существо является центром собственного сознания, где центрипетальное воображение устанавливает человеческий контакт с противоположным, холодным реальным миром.

Требуется мультиперспектива, если кто-то исповедует одновременно и геоцентрическую способность к чувственному восприятию и Коперниковскую космологию, и, возможно, потребуется такая же гибкая точка зрения, чтобы выделить в психологии место астрологическому символизму. Но и это не станет радикально новым взглядом; ведь в психологии человека средних веков и эпохи Возрождения, психика понималась как микрокосмическое отражение вселенной. Многие из тех прекрасных картин богов и их мифов, что украшают виллы и церкви эпохи Возрождения, изначально были предназначены для астро-психологических целей. Каждый период имеет своего представителя для психики. Даже в

эпоху Просвещения, то время, когда человек украл свет планет и направил его буквально на их рассмотрение через микроскоп и условно на их логическое объяснение, Уильям Блэйк бросил вызов: «Тигр, тигр, жгучий страх, Ты горишь в ночных лесах». Он вернул живой огонь в свое темное обиталище. Обладающий воображением и тонко чувствующий психику, Блэйк знал, что для того, чтобы увидеть звезды необходима темнота; и чем темнее, тем лучше. Наша психика тоже нуждается в свете и темноте, чтобы вместить в себя весь спектр дней и ночей человека на земле.

Психология античности

Время от времени можно услышать сетования о том, что двадцатый век обезумел в своем продвижении культа молодости. Старение – это позор, что-то, что необходимо прикрыть пудрами и подтяжками лица. Но есть в этом необычайно тонкая и скрытая умственная незрелая недалёковидность, которая затрагивает проблематику этой книги. Воодушевленные творениями и прогрессом науки и технологий, мы культурная молодежь склоняемся думать, что нет ничего нового под солнцем. Даже студенты психологических факультетов демонстрируют подобную близорукость, типичную для подростка, считающего, что он первый вышел на землю, первый, кто делает это и ощущает это. Эти студенты-психологи очевидно захвачены современными инструментами и специальными терминами, трудность сбора информации и определенность, предлагаемая числовыми величинами. Да что там говорить, пятидесятиминутный час, пятидесятидолларовый прием, вокабуляр комплексов для коктейльной вечеринки и невроз, груды статистики и алгебраических формул, методично и систематически уменьшающие восприятие порокоистребляющие практики изменения поведения, не говоря уже о лоботомии и шоковой терапии – вот они, похвальные достижения нашего века. Но все это не означает, что психология как таковая в начальной стадии развития.

Возможно причиной того, что специалист-психолог, окончивший колледж, станет хвастать о том, что исследовал всю историю психологии до 19 века, являются общепринятые современные предубеждения. В нашем мире наука приравнивается к знанию. Данное утверждение является верным только в научном контексте. Когда оно вносится в каталог, исчисляется, повторяется,

программируется и публикуется, тогда теория или гипотеза считаются истинными. Другие виды познания, типа Гуманитарных наук, обладают даром Вечной Истины, но этот вид не очень надежный. Однако, если кто-то захочет выйти за рамки позитивистического, научного метода знаний, тогда этот кто-то постигнет психологию, начавшуюся не в девятнадцатом веке, а исключительно изнашивающуюся - ежеминутно.

Более того, существует богатство психологических открытий и творческой мысли в нашем очень ненаучном наследии: религии, мифах, философии, искусстве и литературе. В архаичных источниках эти области не были в таком порядке, как хотелось бы нашим классифицирующим по группам умам, но, тем не менее, сведения там есть. На самом деле, истинная сложность психологической реальности точно отражена именно в тех источниках, которые считаются плохо подобранными.

Эта книга сосредоточена на наиболее душевных – психологических – порывах донаучного века; в эпоху Ренессанса в Италии, когда в пятнадцатом веке разносторонние и талантливые личности объединились в группу. Их исследованиям внутреннего мира, их картам и незатейливым методам исследования внутренней жизни не рукоплескали как их современникам, смелому Колумбу, странствующему на далекие расстояния, в неизвестные регионы. Но эти люди возможно открыли внутренние острова, континентальные массивы и проливы, которые дают нам сегодня гораздо лучшее понимание того, где мы есть, откуда мы пришли и подходящие маршруты для того, чтобы пуститься в новый поиск плодородных земель и неизученных территорий.

Таковыми психологическими навигаторами были «Флорентийские Платоники», группа поэтов, философов, художников и богословов, охваченных духом Платона. Их сумасбродный лидер – Марсилио Фичино, направлял их в постижении учений Платона, но его интересы были обширными и далеко идущими. Во всем, от философии до медицины, он учил их видеть вещи в свете души. Сегодня, на нашем языке, мы могли бы с достаточной осторожностью сказать, что Фичино придерживался и учил, что психологическое отношение должно проходить красной нитью сквозь все наши научные поиски и идеи. Фичино не только оказывал влияние на художников, поэтов и философов своим идеями, но также разработал

метод, который мы сегодня называем психотерапией. Как мы увидим подробнее, он учил своих клиентов и последователей формировать образы глубоко и постоянно. На самом деле, ясно, что Фичино считал психологическое состояние человека хорошим в тех случаях, когда он или она пользовались хорошо развитым и натренированным воображением. Серьезное внимание к образам и знание их едва уловимых особенностей формирует основу Фичинианской психотерапии.

В этой книге я предлагаю шагнуть назад во времени, вернуться в те странные дни Флорентийской Академии, и в частности к некоторым довольно-таки необычным изотерическим трудам Фичино. Это Фрейдиский аналитик назвал бы «регрессия на службе у Эго». Существует надежда, что это спуск расширит и углубит наши знания о психологии и послужит как курс переподготовки для нашего ограниченного психологического отношения. Но эти шаги назад в историю невозможны без затруднений. Начнем с того, что Фичино применял абсолютно другой язык для внутренней жизни. Его термины были менее абстрактны и механистичны, чем те, которыми стремимся оперировать мы. Вместо того, чтобы обозначать любовь и гнев простыми циркулирующими движениями психики, струйками плазмы или адреналина, он намекает на царства и силы Венеры, Марса, и других планетных божеств. Он видит источник наших неудач и успехов не в инстинктах и условных рефлексах, а в глубинных факторах, представленных богами и богинями.

Как же мы воспримем эти намеки на богов Греции и Рима? Либо, как мы истолкуем его причудливые и время от времени прямо-таки безумные способы? Он советует человеку, которому не хватает духа Юпитера, например, добавить перечной мяты в свой рацион. Это поверье, бабушкины рецепты, преждевременная фармакология, или просто метафора? Где кончается Фичино-психолог и начинается терапевт, или богослов, или маг, или астролог? Как нам узнать, к психологии ли или к религии отнести вопросы – этот странный набор богов?

Два приема точно не эффективны. Мы могли бы буквально понять Фичино, съесть перечной мяты и выполнить прочие странные вещи по его совету – поклоняться богам, всерьез заняться астрологической практикой, и все в том же духе. Либо мы могли бы перевести его теории и предложения

относительно терапевтического метода в язык и метод, которые известны в наши дни. Когда он говорит о Марсе, мы можем подставить гнев, и т.п. Но ни один из этих подходов не работает; потому, как это в большей степени представляет странные методы Фичино, нежели психологию в том виде, в каком мы ее знаем, и это совсем не предрассудки. Буквализм может привести нас только к оккультному шарлатанству, а перевод в какую-то современную систему, сделав из Фичино Скиннера, Фрейда или Юнга, редуцирует и объяснит рационально то, что, по сути, является трансрациональной оценкой жизни психики. Превратить психологию Фичино в психоаналитический бренд будет все равно, что лишит основания в его царстве образов, поместив его в современное Прокрустово ложе научного рационализма.

Современное толкование Фичинианской психологии

Может показаться сложным, но все же не невозможным нести Фичиновские озарения в двадцатый век. Нашим первым проводником и основным инструментом Фичино являются образы, созданные воображением. Психология Фичино представлена в большей степени в образах, нежели чем в логических, линейных утверждениях. Итак, мы можем относиться к таким образам также как и к другим, как например, к образам, которые мы находим в литературных произведениях, поэзии и даже сновидениях. На самом деле удивительные, образы Фичино не так уж и чужды нашей истории или искусству. Классические божества, на которые он делает ссылки, то и дело фигурируют в искусстве, драме, литературе на протяжении столетий. Их особенности, различные ниши природы, которыми управляют эти боги, глубинные центры психики, которые они отождествляют – все это было отображено поэтами и художниками. Даже замысловатые лечебные снадобья, бактерии и животные, которые Фичино ассоциировал с различными божествами, также и с различными стремлениями психики были рассортированы и детально разобраны в гравюрах и эпосах о животных Средневековья и Ренессанса. Проблема в том, что мы обычно не читаем подобного рода книги с точки зрения психологии. Когда мы имеем дело с объектами искусства, мы рассматриваем их как достопримечательности или зрелище или объекты кругозора. Но эти образы – драгоценные камни, и реальные и воображаемые звери - подобны

персонажам наших сновидений. Они формируются психикой и таким образом открывают что-то об их создателе. Как и образы сновидений, они требуют деликатной, скромной творческой игры, чтобы их многозначность могла проявиться.

Помимо наших собственных фантазий свободно играющих (в действительности все-таки) с образами Фичино, у нас, к счастью, есть проводники: К.Г. Юнг и Джеймс Хиллман. Этих специалистов в вопросах психологии и символики не могут быть заявлены авторитетами, а скорее примерами для подражания. Их труды показывают нам как нырнуть вглубь образов не удушая их, без прикосновения Мидаса, превращающего их в наши любимые золотые теории.

Когда я впервые прочел Юнга, а особенно потом, когда я читал его наиболее ортодоксальных последователей, я яростно отвергал прием нахождения «Юнгианских» концепций типа «анима» и «тень» в литературе и искусстве. Это казалось мне ненавязчиво и элегантно упрощенным. Но после более тщательного и широкого прочтения Юнга, я обнаружил в нем истинную озабоченность целостностью образов. Юнг преломляет свет образа через призму личного проживания, чувства и мысли, но не в пример многим психологам, которые работают с образами, он не упрощает образ до личностного уровня. Марс всегда больше, чем просто человеческий гнев, Венера бесконечно величественнее, чем человеческая любовь. Он знал, что толкование образов – это просто искать другие образы, похожие образы, в надежде найти в этой схожести более глубинное понимание и озарение. В его собственных руках, его излюбленные понятия – тень, анима, мудрец, Великая Мать - просто инструменты в помощь, метафоры, чтобы распознать и рассмотреть традиционные слова и картинки, переданные нам через века. Столкнувшись с неким таинственным образом, мы можем и онеметь от изумления и остаться безучастными, а можем разрезать на кусочки и разбить образ, чтобы встроить его в наш привычный образ мыслей, или же мы можем деликатно сравнивать, искать и нащупывать взглядом художника, выманивая какие-то смыслы. Одним из величайших вкладов Юнга в искусство и в религию в частности, является демонстрация того, что привычные образы не обязательно остаются безжизненными, непроницаемыми глыбами сущего. При помощи воображения мы можем

оживить их, сделать их более прозрачными, сравнивая их, и перефразировать их в метафоры, близкие по духу нашей современной перспективе.

Если по Юнгу существует предположение о том, что психология имеет дело не только с личностной жизнью, что она больше, чем обыватель может себе вообразить, то в Хиллмановских работах это предположение возникает повторно, расширяется и подчеркивается. Хиллман делает акцент на душу и желает снова вернуть психику в психологию. Он прошел свой путь, но невзирая на это, как и Юнг, Хиллман направляет наше внимание к глубинам. Для Хиллмана образ бездонен, единственный способ позволить его смыслам проникнуть под кожу это нырнуть в него. Хиллман также акцентируется на болезненных потоках в психологическом переживании, уводящих от слишком прочных, слишком оптимистичных, слишком однобоких стандартных идеалов, таких как рефлексии, о том, как протекает психическая жизнь. Он также останавливается больше на политеистическом, нежели чем монотеистическом взгляде на мир. Много обоснованных концепций о проживании, предлагает он, но единственная ставшая доминантной в ущерб психике.

Хиллмановская озабоченность душой и его политеистическая позиция поставили его плечом к плечу с Фичино. На самом деле, я прочел их обоих, и у меня возникло чувство от которого мороз по коже, словно через века происходит таинственный диалог. Я также замышлял эту книгу, как диалог, постоянное движение между немногословными ремарками Фичино и намеками на то, чтобы дать этим ремаркам жизнь и контекст в наши дни. Эта книга не задумывалась как подстрочный комментарий к текстам Фичино, но и не как исторический или философский анализ. Это больше попытка исследовать и открыть смысл в отобранных образах, обнаруженных в работе Фичино. Подразумевается, что-то типа методов глубинной психологии – исследование образов с лежащей в основе четкой психологической точки зрения. Я не намерен останавливаться, сравнивая тексты Фичино с прочими историческими концепциями или древностями. Я задаю вопрос о том, что его странная философия и инструменты могут сказать о психике сегодня.

Планеты

Изучать Фичино вплотную – это оказаться в довольно-таки экстраординарной компании. Несмотря на то, что работы Фичино не широко известны, только несколько трудов было переведено на английский язык, исторически он оказал влияние на ряд выдающихся художников и философов. Мы можем начертить прямую линию от его Неоплатонических фантазий к живописи Боттичелли, например. Он также оказал влияние на Джордано Бруно, этого исключительного философа, развернувшего теорию о множественности миров и неземных цивилизациях, благочестиво изучавшего Египетскую религию, и попавшего в заточение, подвергнувшегося пыткам и казненного Инквизиторской церковью. Бруно был ненасытным в изучении изотерических работ Фичино. Еще один выдающийся философ, знающий трубы Фичино, Роберт Фладд. Фладд, также как и Фичино, насаждал свои умозрения в музыкальных образах, другими способами он пытался создать карту взаимодействия тела, души и духа. Подобно Фичино, Фладд был известен как маг, астролог, музыкант-философ и лекарь.

Теперь, под руководством Хиллмана, я предлагаю, позволить незаурядному Фичино оказать влияние на наш взгляд на психологию. Говоря конкретнее, меня интересует тот же текст, который очаровал Фладда и Бруно, трехтомный труд под названием «Libri de Vita Tres – Три книги о жизни». Эти три книги о жизни и здоровье, физическом и психическом. В них полно рекомендаций о здоровом образе жизни и предостережения от применения определенных нецелесообразных подходов. Третий том особенно интересен своей природной магией, астрологией и музыкальным символизмом. Речь идет о томе «De Vita Coelitus Compranada – Стяжание жизни с небес», который служит первоисточником и вдохновителем для данной книги. Так как название слишком длинное, и так как «небеса» в работах Фичино относятся в первую очередь к планетам, я обозначу эту работу просто как «Планеты».

Само по себе название дает общее представление о некоторых взглядах Фичино на психологию, взглядах сформировавшихся в основном через скрытые образы в самой работе. Например, слово «стягивать» предполагает и многообразность психики – нужно иметь много частей, чтобы связать,

сводить их, и музыкальное понятие о психологическом здоровье, понятие, которое Фичино развивает довольно-таки мудро в «Планетах». К тому же, планеты носят имена богов и богинь. Они, сообщает Фичино, могут быть организованы на благо человека. Здоровый образ жизни – музыкальный образ жизни, странная установка, требующая вразумительного пояснения.

Но вразумительное пояснение не оправдывает все. Оно не обределяет, в буквальном смысле установление границ; скорее, оно расширяет границы и углубляет знакомство с материалом. Наша задача продолжать создавать образы, придвигаясь все ближе к неуловимой сути образа. Произведение Фичино мало чем отличается от сна, который манит своей узнаваемостью и нарастающей близостью, раз атмосферу и ауру его тайны нужно почувствовать.

Скромная книга Фичино дает нам возможность по новому взглянуть на планеты, не планеты ночного неба, а планеты внутри нас. Его философия души и его практические указания по здоровому образу жизни отсылают нас в в глубину на поиски тех темных мест психики и редкого огня. Перед тем, как приступить к изучению каждой планеты , мы внимательно рассмотрим некоторые основные предположения Фичино, рассмотрим строительные блоки, философия из которой он создает астрологическую карту психической жизни. И после этого, мы сможем увидеть его зрением, что астрология это не просто суеверие, не просто модное развлечение. Это еще и способ создавать образы из нашего внутреннего мира, вкупе с потоками нашей провидческой интуиции и болезненными патологиями.

ЧАСТЬ I. Poetica Animae: Поэзия души

Я заметил, как образ кого-то скорбящего легко может побудить многих людей к скорби. И точно так же, как образ милого человека побуждает и оказывает воздействие на взгляды, образы, дух и настроение, также и божественный лик не менее животворящ и действителен. Разве не поднимает дух каждого в городе доброе и радостное лицо принца? Разве не устрашает злое и печальное лицо? Что же с ликом небесным? Думаете, возможно противостоять владыкам всего сущего на земле?

- Фичино, «Планеты», глава 17

В той мере, в какой правящие небеса благосклонны к вашим начинаниям и дальнейшей жизни, также неотступно вы будете следовать за обетованием вашего рождения; особенно, если прав был Платон и античность с ним, говоря о том, что каждый рождается с присущим ему демоном, хранителем – назначенным ему той самой личной звездой.

- Фичино, «Планеты», глава 23

Глава 1. Марсилио Фичино: Лекарь души

Так как наш взгляд на Западную историю становится более искушенным и сложным, и мы требуем новых сведений и применяем больше искусных теорий самой истории к фактам, всеобъемлющие и упрощенные категории времени сменяются меньшими и дублирующими периодами и эрами. Можно обнаружить паттерны нарастания и спада, умирания и возрождения, практически в каждом отобранном отрезке времени. «Возрождение» кажется и есть вечная модель, всегда наступающая на определенном этапе. Как бы то ни было, та замечательная эпоха, которую мы знаем, как Итальянский Ренессанс, по-прежнему выделяется на фоне остальных как выдающийся миг в коллективном прошлом. Неистребимое любопытство и исследовательский дух привели к определяющим мироустройству открытиям и изобретениям, и в то же самое время ожившая творческая фантазия породила непревзойденные произведения искусства, архитектуры, музыки и литературы. Во всем этом мы видим второе рождение Греческих и Римских классиков, или точнее говоря словами достопочтенного ученого эпохи Возрождения Пауля О. Кристеллера, это было время «второго рождения гуманитарных наук под влиянием классической древности».

Влияние античности, тем не менее, вышло за рамки сферы искусства и литературы. Возвращение классических богов и богинь видно не только на полотнах художников и камне скульпторов, но также и в более затененных местах, в книгах о магии и оккультных таинствах. Античная философия, отрада для многих мыслителей Ренессанса, обеспечила не только задел для философского и теологического замысла и дискуссий, но также стала источником слухов о таких вещах как алхимия, астрология, магия и оккультная медицина. В этой связи, такие историки как Панофски, Уинд и Сезнек убеждают нас, что даже в весьма очевидных и широко опубликованных работах художников сокрыты глубинные тайны.

МарсилиоФичино был восторженным наследником обоих направлений знаний – гуманитарных и оккультных. Сегодня, в тех редких случаях, когда его имя можно увидеть в книгах или эссе, Фичино, в основном, известен своими переводами Платона и Неаплатонических философов, а также своим

влиянием Платонических принципов на искусство и литературу. Но была у него и своя темная сторона тоже. Хоть он определенно и был ученым и влиятельным философом, он в равной степени был озабочен и практическими вопросами бытия. В этом уникальном, но серьезном его произведении, что мы собираемся анализировать, Фичино обращает свое внимание на практические методы, чтобы соединить свои рискованные взгляды на душу с повседневной жизнью. Хоть он и был философом, но он также заботился о точном и детальном разъяснении практических при этом психологических способов жизни. Наряду с его философскими воззрениями, он создавал изумительные сочетания музыки, магии, медицины, астрологии, искусства и обрядов – все они были направлены на избавление от материалистической близорукости и установление образа жизни сосредоточенного на воплощении души.

Флоренция и Медичи

Сам себя Фичино считал лекарем двух видов. В предисловии к своей книге о здоровье, он ссылается на свое двойное рождение. Подобно как у бога Бахуса было две матери, он пишет, что у него было два отца. Физический отец отдал его на поручительство Галену, лекаря тела; а его другой отец, Косимо Де Медичи, благодаря которому он повторно родился, передал его Платону, лекаря души.

Отец души Фичино, Косимо де Медичи, был вероятно самым влиятельным и деятельным членом этого выдающегося семейства, несмотря на тот факт, что «Великолепным» прозвали его внука Лоренцо. Медичи являлись купцами и банкирами в обществе, обладающем самосознанием космополитского и всемирно значимого. Флорентийская Республика скиталась по своей извилистой исторической тропе, управляемая разнообразными советами и прочими органами. Вне зависимости от того у власти Медичи или нет, они всегда оставались влиятельными, возможно даже не всегда им на пользу, как в случае с разорительной трагической поддержкой Косимо Папы Джона XXIII. У Косимо была страсть облекать все идеи в конкретную форму; и так, он обеспечивал финансовое подспорье архитектурным проектам и он поддерживал таких художников как Донателло, Фра Филиппо Липпи и Фра Анджелико. Его сын Пьеро дал убежище и покровительство Боттичелли.

Помимо его щедрой заботы о папском престоле, живописи и архитектуре, в Косимо также присутствовала и менее рациональная сторона. Его друг Веспасьяно да Бестичи, букинист, записал для нас еще одно любопытно увлечение, которое мы обнаружим и у Фичино. Веспасьяно пишет: «Астрологи считали его крайне осведомленным в их науке, ввиду того, что он имел определенную веру в астрологию и использовал ее как путеводитель в некоторых частных случаях». Здесь мы сталкиваемся с глубинным, более сложным понятием «Человек эпохи Возрождения», нежели расхожее представление о человеке, который пишет картины, исполняет музыку, пишет стихи и конструирует оружие. В своих предположениях и исследовательских дискуссиях, люди эпохи Возрождения сочетали вопросы рассудка и безрассудства, философии и магии; что еще более важно, они осознавали ощутимые связи между видами искусств и между искусством и религией. На примере Косимо и Фичино, можно сказать, что человек эпохи Ренессанса как вид – это некто, в силу своей восприимчивости к образам, способен видеть взаимосвязанность всех вещей в природе.

Тем не менее, широта души Косимо как мецената и его упорное стремление строить библиотеки сыграли значительную роль в завершении истории Фичинианского культа творческого воображения, его самый полезный дар – это время и пространство. Он предоставил Фичино виллу в пригородах Флоренции, в Кареджи, где ученый мог беззаботно и безотрывно делать свою переводческую и сочинительскую работу. Нельзя сказать, что вилла была таким уж тихим местом бесконечного обучения. Там вокруг Фичино собирались художники, философы и поэты, вдохновленные его интеллектуальным и психологическим превосходством. Они настолько были увлечены Фичиновским оживлением Платона, что создали ассоциацию по образцу Платоновской Академии, и каждый год 7 ноября весело проигрывали Симпозиум. Марсилио, приземистый, горбатый общеизвестно некрасивый человек «лекарь души» переводил и обучал, но еще был равнодушен к психологической жизни своих друзей. Намек об этом можно прочитать в письмо от Косимо к Фичино. Фичино использовал музыку в терапевтических целях, разработал теорию и музыкальную практику высокой сложности для использования в психологии. Для своих пациентов он тщательно подбирал музыку, настраиваясь на потребности их

душ, и исполнял их на своей лире. В своем письме, Косимо приглашает Фичино к себе: «Очень прошу, приезжай тогда, и не забудь взять свою сладкозвучную лиру»³.

Сам Фичино рассказывает нам о том, что Косимо вознамерился организовать Академию, как раз когда Флоренция принимала часть Великого собора священнослужителей Восточной и Западной Церкви. Собор зачинался в Ферраре, но возникли трудности; и Косимо убедил своего друга, Папу Евгения IV перенести собрания во Флоренцию, перемена места состоялась в 1439 году. Собор увеличил престиж и торговый оборот Флоренции, но что еще важнее обеспечил связь с Востоком. Библиотека Косимо с редкими манускриптами быстро росла, и благодаря присутствию ученых, необычайно осведомленных в греческой и восточной философии, его собственный ум был обогащен. Человеком, оказавшим особое влияние, оказался Георгий Гемист Плифон (1360 – 1452), философ, родившийся в Константинополе, он много лет провел в Мистре - район древней Спарты. Он не просто был знаком с Греческой философией на языке оригинала, он также учился зороастризму и халдейской астрологии. Свет разума и темнота оккультизма часто шли рука об руку в те благодатные времена.

Фичино было всего шесть лет на момент приезда Плифона – он родился в 1433 году – когда Косимо де Медичи увлекся идеями античной мудрости, содержащихся в работах Платона и позже «Платоников», а на самом деле Неоплатоников. Его энтузиазм и любознательность более глубоко проявились десятилетия спустя, за два года до основания Академии, когда монах из Македонии посетил Флоренцию. Монах привез с собой копию тогда еще неоконченного «Corpus Hermeticum», содержащего четырнадцать из пятнадцати трактатов. Косимо заставил Фичино прерваться от переводов Платона, чтобы побыстрее сделать доступным этот потрясающий эзотерический сборник. Снова, Платон и оккультные науки столкнулись нос к носу, и в этот раз темный партнер вышел на первое место.

Под покровительством Косимо, свободного от предрассудков и суеверий, обладающего завидной интуитивной оценкой и совершающего умные политические ходы, Флорентийское интеллектуальное сообщество расцвело. В такой атмосфере последователи Платона могли продолжать культивировать добродетель («virtu»), безграничное тотальное развитие

самого себя индивидуумом и превращение его жизни в настоящий шедевр⁴. Фичино часто призывал своих друзей и последователей брать от жизни все. «Optimo» и «Optissime» неоднократно сопровождают фразу «modus vivendi» в его книгах и даже в его частной переписке. Его широкие представления о возможностях человеческой жизни снова и снова фигурируют в его работах, как и в его главном произведении «Theologia Platonica», где он пишет: человек «стягивает небеса и землю; он измеряет глубины Тартара; ни слишком высоки небеса для него, ни слишком глубок и центр земли»⁵.

После смерти Косимо в 1464 году, он был провозглашен Pater Patriae, отцом отечества, а для самого Фичино он был настоящим духовником. Сын Косимо, Пьеро, прозванный «Подагрик» (Il Gottoso), принял на себя роль главы семейства, но умер спустя пять лет, оставив вместо себя своего сына, внука Косимо, Лоренцо Великолепного. Фичино назвал Лоренцо «Сыном Солнца» (Figlio del Sole) за то, что даже несмотря на то, что его интересы отличались от интересов деда, но, тем не менее, Флорентийцы процветали со всей вновь разгоревшейся жизненной силы под его воодушевляющим покровительством и влиянием. Лоренцо брал уроки у Фичино, Ландино и других выдающихся интеллектуалов, и вполне закономерно, он превратился в глубокого и проницательного покровителя. Он возвращал молодых художников, таких как Боттичелли, Микеланджело и Леонардо да Винчи, донося до их впечатлительных умов идеи Платона и Гермеса, которые преподавал ему его учитель Марсилио.

Эти несколько исторических заметок о Фичино дают нам представление о самой незаурядной личности, живущей в выдающееся время и в не менее выдающемся месте. Это и исторический портрет города, и в то же самое время сказочная фантазмодория города, академия, и отдельные люди работающие не просто с усердием, но и с большим воодушевлением в гуще фундаментальной двойственности и парадоксов. Они пытались заботиться и об уме, и о теле, о философии и религии, и они знали, следуя непреложной способности Фичино проникать в суть вещей, что подобная глубоко плюралистская попытка окажется удачной, при условии, что забота о душе останется центральной. В сущности, это значит, что психология была в основе их широко масштабных стремлений. Сегодня, когда рамки

психологии настолько урезаны, поместить психологию в том виде, в каком она обычно теоритически представлена и практически применена в основу исследований и работы, было бы слишком редуцировано. Но Фичино считал душу в прямом смысле слова обеспечивающим связь элементом во всех его исследованиях – в философии и теологии, в медицине и психотерапии, и в его религиозном служении. Его главный философский труд «Теология Платона» представляет его довольно смелую и рискованную попытку примирить интересы философии, психологии и теологии; в то время как, более прагматично и самоуверенно он пытается проделать это в работе, которую мы как раз собираемся изучить. Даже будучи священником, как зафиксировано, он проводил изгнание бесов, способ позаботиться о душе через религиозный ритуал.⁶

Простой народ Фичиновской Флоренции должно быть тоже обладал жизненно важным психологическим восприятием, ведь для них было традицией публично праздновать завершение произведения живописи или фрески. Также, мы обнаруживаем в архитектуре Медичи незаурядную многогранность в сочетании с чистотой форм – стиль, примечательный своей живостью и глубиной воздействия. Флоренция сама по себе выделяется среди других городов воплощением душевных ценностей, очевидных на общем фоне. В конце концов, там, где есть психологическая осознанность, есть внимание к смерти. Бесконечные войны и бедствия, отравления и интриги, болезни и эпидемии сделали смерть реальной и привычной. Смерти, разумеется, отдавали должное в поэзии и искусстве, и в сыгранных в пантомимах ритуалах триумфу смерти было обеспечено внимание аудитории на улицах Флоренции.⁷ Это было время и место, где образ воспринимались всерьез, где искусство и религия сочетали высокопарные богословские споры с глубоко ощутимым и особо почитаемым суеверием.

В следующей главе, мы внимательно рассмотрим природу психе, и сможем увидеть, что душа всегда в связующем положении между духом наверху и материей или телом внизу. Глядя на историческую атмосферу в которой развивалась психология Фичино, можно заметить движение вверх, направленное на теологические и философские гипотезы. Существующие переводы работ Фичино, равно как и комментарии к ним, подробно

останавливаются на этом направленном вверх слое его мысли. Однако, до некоторой степени это акцентирование на духовном представляет в ложном свете литературные произведения самого Фичино, так как даже в своих смелых гипотетических работах он постоянно устанавливает связи с психологической сферой. Здесь также существует риск восприятия идей слишком в буквальном смысле, риск потеряться в спорах относительно чистоты религиозной традиции и существовании Бога. Как показывает опыт, климат вокруг Фичинотоже поддерживал касательное движение к суеверию и магии. Здесь тоже мы должны избежать буквализма. До тех пор, пока есть связь с психе, поддерживающим метафорическим отношением, темная сторона магии может трактоваться как такое же проявление души.

Что касается трудности удерживания одновременно рациональных и иррациональных доводов при рассмотрении психологии Фичино, в этом и есть загадка, взаимосвязанных между собой внешнего и внутреннего миров. Настоящий вклад Фичино в искусство, и возможно в психологию, имеет дело именно с этой проблематикой. Для Фичино внешний мир это путь к внутреннему царству души. Если в слишком строгой манере трактовать Неоплатонизм, можно подумать, что там нет места для тела или материальной сферы. Неоплатонизм Фичино неприкрыто заключается во всех его работах, но тем не менее он не предлагает отказываться от тела. Он настаивает на признании центрального значения души, но так или иначе любое исключение заботы о теле было бы непоправимой ошибкой. Но поскольку душа является центром, взаимодействие с материей является средством психологического углубления. Поэтому осязаемые произведения искусства, и даже удовольствие, извлекаемое из искусства, являются способами питания души. Так же магия и астрология. Для тех, кто осознает психологическую реальность, эти оккультные науки служат для того, чтобы затянуть психе в те области, которые недоступны иным способом. Они ритуализируют и наносят на карту психологические миры, которые невероятно мало значат и вводят в заблуждение аналитический ум, но чрезвычайно значимы для души.

Влияние Герметики

Перед тем как приступить к более глубокому изучению Фичиновской гипотезы о душе, может оказаться полезным вкратце рассмотреть

Герметику, которая произвела на него такое сильное впечатление, в то время как он писал «Планеты».

Также важно, как и то, что сами тексты являлись отражением отношения Платонистов эпохи Возрождения к ним. Косимо, Фичино и другие представители их круга верили, что эти чрезвычайно символические работы принадлежат перу Гермеса Трисмегиста. Гермес, как они думали, был весьма древним писателем, самым ранним в списке тех, кто шел после самого Гермеса, в ряде случаев его считали современником Моисея, в том числе и Орфея и Пифагора, наряду с прочими и Платона. На самом деле, эти работы судя по всему относятся всего лишь ко второму и третьему векам нашей эры. Но, также как и люди в любом историческом периоде, Флорентийская группа оказалась под глубоким впечатлением от получившей всеобщее признание античности таинственных текстов, качество которых только лишь усиливало ореол загадочности.

Фичино был убежден, что Гермес первым сделал шаг за пределы материи и по-настоящему погрузился в библейское чудо. Фичино пишет: «Меркурий Трисмегист (Меркурий – Римская форма Гермеса) был первым философом, который поднялся над физикой и математикой до размышления о божественном. Оттого, его считали основоположником теологии»⁹. Для Фичино, по этой причине, было нечто первозданное в тех словах он читал в Герметических текстах. Даже для нас эти труды несут мифологический оттенок, а их античность пусть даже и вымышленная, оказывает влияние на читателя даже в наши дни. Несмотря на всю нашу сегодняшнюю искусственность, нам нет необходимости проявлять излишнее беспокойство по поводу ошибки Фичино в датировании Герметических материалов. В его представлении также как и в нашем, Гермес это мифический персонаж, персонификация фундаментального источника мудрости, наподобие Моисея в Иудейско-Христианской традиции.

В «Планетах», меж тем, мы сталкиваемся с воображением, воспламененным и возбужденным архетипическим образом. Как знаток магии и эзотеризма эпохи Возрождения ФрэнсисЙейтс подмечает, что Герметическое знание не для досужих рассуждений. Как раз наоборот, оно почиталось как гносис, сберегающий вид знания, восприятие таинств, проистекающее в глубинах природы и человека, трансформирующее

знание, которое можно получить исключительно через научение далеко за пределами одного лишь интеллекта. Фичино в «Планетах» на каждом дает понять, что можно развить психологическое отношение, что подразумевает понимание процессов души, только лишь через постоянное, ежедневное, если не ежечасное, внимание.

Фичина находился под влиянием и других авторов, заинтересованных психологией, но менее энигматических и туманных, и это были Фома Аквинский и Августин. Также весьма вероятно, он почитывал Николая Кузанского, еще одного одаренного творческим воображением мыслителя такого далекого потомства, придававшего особое значение символическим источникам и тому, что он называл «энигматическими метафорами»¹⁰. Но наиболее вероятным источником «Планет» является Герметическая коллекция, равно как и поздний Арабский сборник двенадцатого века, известный как «Пикатрикс». Краткий обзор этих последних источников подготавливает нас к собственным психологическим теориям Фичино и символическому языку, который он использовал, представляя свою психологию.

Первая книга Герметического опуса содержит историю по известным Гностическим лейтмотивам. Пэмандер, Божественный Ум, является Гермесу и описывает происхождение природы. Бог породил создателя мира-демиурга, рассказывает он, Божество огня и духа, который образует Семь Служебных Духов, «обнимающих своими кругами чувственный мир». Весь нижний мир зависит от Семи Служебных духов. Затем Бог-Отец создал Человека по образу своему, Человека настолько прекрасного, что Господь полюбил его. Он позволил Человеку войти в сферу демиурга и там лицезреть Семь Служебных Духов. Они тоже полюбили его и часть своей власти отдали ему. В конце концов, Человек прорвался через круги Служебных Духов, чтобы познать власть самого Бога.

Наделенный всей этой властью и знаниями, Человек открыл Природе ниже прекрасную форму Бога, и Природа полюбила его, увидев прекрасные черты, отражающиеся в воде и его тени на земле. Человек, также увидел форму подобную себе, отраженную в воде и пожелал объединиться с ней – желание мгновенно исполнилось. Природа и Человек объединились в любви. Таким образом, человечество обладает двойственной природой:

смертной телом, бессмертной в Сущностном Человеке. Его смертная природа находится под суверенной властью планет, но его бессмертная сущность нет.

Йейтскомментирует эту Герметическую историю Творения и Падения, отмечая тесную связь между человеком и звездными даймонами или Семью Служебными Духами. Эта мысль является центральной в «Планетах», человечество связано с планетарными даймонами. Связь между «природной» или материальной частью натуры человека и той другой вечной и обладающей самознанием частью, по своей сути эротическая. По Фичино все движения души проистекают от эроса. Также важно отметить, что сущностный человек не есть под властью планет. Удерживание этого в голове поможет, когда мы дойдем до высказываний Фичино об астрологии, довольно путанных и сбивающих с толку, ввиду его частых обращений к астрологическим явлениям.

Эта первая Герметическая книга также предполагает, если читать с психологической точки зрения, что речь идет больше о душе, нежели об эго. Душевный человек или личность, живущая бессознательно, склонен переживать все виды поведения по шаблонам, типичным для всех людей. Мы все любим, ненавидим, возделаем, стремимся, терпим неудачи, мечтаем и изумляемся. Но сущностный человек, в некотором смысле не-эго часть души, посвящен в секреты Духов, этих временами деспотичных правителей жизненных сфер, чье влияние, казалось бы, невозможно разрушить. Мы не обязаны до конца, говоря иными словами по аналогии с астрологическим необъяснимым влечением, оставаться во власти этих Духов. Мы можем оживить этого сущностного Человека в каждом из нас и тем самым выйти за рамки того, что кажется «природным». Жизнь души, на самом деле, может казаться неестественной, известный опус «opus contra naturam», работа направленная против того, что считается нашей природой. Во фразе, что люди говорят – «это в человеческой природе», можно услышать пренебрежение душой; потому как, что можно считать природным, естественным, так это только атмосферу архонта, Служебного Духа жизненной сферы, проживаемой и ощущаемой бессознательно. Психологическое отношение идет вразрез с тем, что кажется только природным, естественным, пробиваясь сквозь тучи этого ограниченного

царства, завоевывая перспективы планетарных сфер, где они обнаруживаются в виде кругов из стекла. Кто-то может любить, ненавидеть и изумляться, но этот кто-то знает, что это делает он, имея способность увидеть себя за пределами Семи Служебных Духов.

Еще одна Герметическая книга, «Ум к Гермесу», содержит две дополнительных идеи, имеющие центральное значение для мировоззрения Фичино. Все наполнено душой, учит она. В трудах Фичино, тоже, душа всегда в центре, что означает абсолютно психологический подход. В наши дни мы с трудом представляем, что люди, чего не скажешь о естественных и материальных вещах, имеют душу. И все-таки Фичино всего лишь вторит эхом воистину древнее понятие, возвращаясь, как минимум, к Гераклу и Фалесу, о том что вселенная наполнена душой. Историки и антропологи обычно считают анимизм отсталым умственным развитием; и все же анимистическая религия, довольно распространенная в быту Американских индейцев, признает душу (anima) во всем сущем. В самом подлинном смысле, как только индивидуум обретает последовательное психологическое отношение, все вещи, каждый объект и любое действие, преобретают огромное значение для души. Писать письмо может быть проявлением или заботой о душе. Что-то такое же простое и земное как банка пиво находит свое место в структуре души. Астрология Фичино и определённо его медицина не имеют никакого смысла до тех пор, пока не достигнута эта сфокусированность на душе.

Второй пункт в этой книге Герметических текстов вытекает из первого. Все сущее в движении. Присутствие души подразумевает движение - не просто способность идти или бежать как предполагал Аристотель, но и внутреннее движение, странствие и блуждание самой души. Так как переживание жизни углубляется и становится сфокусированным на широком многообразии событий, порождающих все что угодно от испуленного восторга до угнетающей боли, сама душа похоже двигается. От удачи до неудачи, в глубину и на поверхность, исчезая в небытие или приближаясь к дому, психологические перепады и можно ощутить как движение души. Душа, похоже, путешествует и по телу, прокладывая свой путь, прослеживаемый в учащенном сердцебиении, возбужденных нервах

или пульсирующей головной боли. Мы движемся через решение и действие, и мы движимы страстями и эмоциями.

Планеты в движении, и если они все же отражают нашу внутреннюю жизнь, если все-таки у нас есть планеты внутри, тогда они в ритмичном движении. Они образуют буквально миллионы паттернов, которые астрологическая карта сможет отобразить лишь с очень приблизительной точностью, и практически без ощущения бесконечного движения. Возможно поэтому Фичино особенно любил механические модели небес – они могли двигаться и отображали подвижные модели планет и звезд.

И еще один Герметический текст - «Асклепий», выражает идеи, которые мы обнаружим в основе теории магии у Фичино. Дух или «spiritus», как утверждается в книге, поддерживает жизнь во всех вещах. Или, как определяет это Йейтс, воздух – это инструмент или орган всех богов. У Фичино теория духа – это способы магического воздействия между небесными даймонами и физическим миром или жизнью индивидуума. Этот способ, при помощи которого этот дух передается от планет к индивидууму, описан в «Асклепии» как основа создания образа. Любой образ, возможно статуя, которая представляет характерные черты определенного небесного божества, может собирать, удерживать и даровать власть этого божества лицу, использующему этот образ. Образы обладают глубинной архетипической властью. Мы можем несколько буквально воспринять эту часть теории, и учитывать ценность души образов и искусства, или же мы можем взглянуть более психологично исследовать воображение как таковое, его силу соединять это с более сложными движениями психе.

Прочие Герметические тексты описывают взаимосвязи между планетами и животными, растениями, талисманами и медицинскими препаратами. В них также предлагается возможность притягивание силы от одной планеты для того, чтобы компенсировать неблагоприятное доминирующее воздействие другой. И наконец, «Пикатрикс» дает подробное описание талисманов, амулетов и прочих предметов, используемых в естественной магии. И опять, все эти нетрадиционные понятия фигурируют в «Планетах».

Поэзия души

Работу Фичино иногда называют «поэтической теологией» - сочетание, предложенное его звездным учеником Пико делла Мирандола. Но его труд в равной степени можно назвать и поэтической психологией, психопоэтикой. Его инсайты выражены скорее имажинистически, нежели дискурсивно. Его психология также поэтична в этом, так как целью является напитать и развить воображение, живой инструмент при помощи которого естественное наделяется психологическим, и душе дозволено место в жизни. Для чего носить амулет, обозначающий скорость Меркурия, кроме как хранить это качество души в уме? Для Фичино сами по себе боги являются гранями души, требующими внимания. Осознанность – это не только рациональность, волевые и устойчивые эго-состояния; она также охватывает «более мягкие» функции, такие как память, узнавание, признание, подтверждение, почитание, уважение и осведомленность.

Так давайте же приступим к более тщательному изучению образов Фичинианской психопоэзии, избегая буквализма как интеллектуального, так и суеверного толка, в поисках психологии, имеющей отношение к жизни двадцать первого века. Если разговоры о талисманах покажутся нам архаичными или по иным причинам не воспринимаемыми, мы можем перевести их в современные формы – например, дорогой сердцу фотоснимок, картина, украшение или деталь одежды. Смысл не в том, чтобы застрять в архаичных деталях. Мы должны подходить к психологии воображения Фичино с воображением, так как суть его концепции проникнуть внутрь. Такой подход может потрясти исторические и философские чувства некоторых, но если действовать аккуратно, то можно скорее усилить и доработать, а не принизить другие обоснованные точки зрения на один и тот же материал.

Наука психология остается трудной для понимания и туманной, если познавать ее не психологично. Работы Фичино насквозь пропитаны вниманием к душе, что неудивительно, так как он сам пожелал быть известным как «лекарь души». Но, можно смотреть, но не видеть. И очень часто эти работы, которые мы собираемся изучить, пролетают под носом историков и скальпелем философов, так и не достигнув желаемого эффекта, но психология по своей природе обладает глубинным измерением. Нам

необходимо проявлять психологичное отношение к словам Фичино, если мы хотим получить хоть малейшую возможность постичь его психологические инсайты. Для этого нам нужно открыто работать с его образами, связать его архаичные и трудные для понимания формулировки с современной жизнью, и в том числе иногда воспринимать его осознанно сформулированные слова, как если бы они были плодом грёз.

Глава 2. Мир с Душой

Нет ничего в целом мире более обезображенного, чем нечто обделенное даром души.

- Планеты, глава 1

Душа – это расплывчатое и ускользающее слово. Для многих душа – невидимая, но имеющая свои пределы сущность, сотканная из некоей духовной субстанции, сохраняющая тело, функционирующая при жизни и отлетающая в другое измерение после смерти. Во взаимосвязи с телом, она словно джин в бутылке. Мы читаем легенды о людях, продающих свои души дьяволу, и воспринимаем эти истории довольно таки в буквальном смысле, будто душа – это товар. В воскресных школах или еще где-то нас учили, что душу можно очернить, испачкать и запятнать, но можно и отстирать, сделать снова чистой и белой. Акая душа очень часто является главной целью религиозных практик, и даже в наши дни Христианские психологи желают выделить эту метафизическую субстанцию души их просто психологической психики.¹

Та душа, которую Фичино ставит во главе угла своей профессиональной и личной жизни не есть творение этой мирской религии. Для него душа – это качество существования, а человеческая душа это именно то, что делает нас людьми. Душа это скорее качество, нежели количество. По этой причине лучше говорить о душе, чем о какой-то душе. Когда мы говорим, что у человека есть душа, мы обычно подразумеваем, что он демонстрирует некие признаки внутреннего движения. Вегетативная душа в Аристотелевской традиции дает движение тела, а человеческая душа в Платонической традиции дает движение человека. Люди, у которых совершенно очевидно есть душа, демонстрируют определенную глубину, живость, индивидуальность, хорошее знание боли и смерти, благодушие. Даже предметы могут обладать душой, или чем-то вроде этого может обладать наша разговорная речь. Книги имеют душу, если только они не однозначно технические, догматичные и сухие. У музыки есть душа. Пища имеет душу, и не только пища какой-то отдельной культуры. Характер нашей души написан даже на наших лицах и вылеплен в наших телах.

Душа еще и глубина, метафора, что мы используем, чтобы подчеркнуть определенную интенсивность пережитого опыта. Имея душу, мы чувствуем последствия и отголоски того, что мы проносим под поверхностью повседневного проживания. С душой, события не просто двухмерные; они несут невидимое, но отчетливо ощущаемое измерение глубины. Эти отзвуки не проявляются как значение и объяснение, ни даже как понимание – это было бы высшей степенью, работа ума. Душу невозможно построить методом расчета, попыткой разгадать или посредством интенсивного самоанализа. Смысл души определенно опускается ниже, подальше от головы, ближе к желудку, где внешний мир впитывается, пропускается через себя и рушится; дальше по направлению к кишкам, где в долгом путешествии по лабиринтам интроецированный мир частично интегрируется человеком, но частично идет на выброс; затем еще ниже, к нижним отверстиям, где то, что не стало частью целого, ликвидируется; ниже к половым органам, где сосредотачиваются удовольствие, отношения и чувственные жидкости.

Глубину души также можно увидеть через образ вселенной. В греческой мифологии мир природы, доступный нашим ощущениям является отражением подземного мира, где нет плоти или костей, а только лишь призраки и бестелесные лица.² Здесь снова извилистые проходы, ведущие к многочисленным покоям, где странные события отражают верхний мир. Для греков глубина ассоциировалась со смертью. Деметра, мать, дающая миру красоту и плодородие, неразделима со своей дочерью Персефоной, которую затанули в мир подземный, чтобы сделать ее королевой смерти, воплощением смерти.³ Тогда душа включает умирание в мир природы, да и воображение мало чем отличается от перевариваемой трансформации. Житие с душой требует воли и готовности к спуску в глубины событий, чтобы позволить их буквальности, да и нашим собственным буквальным реакциям умереть во благо иной перспективы, увидеть мир будто бы снизу. Подобно Орфею, мы можем воспевать наши подвиги, познав подземный мир через спуск.

Наиболее часто рассказываемая и передаваемая оригинальная история спуска – это путешествие героя, отслеживающего ночной путь солнца с Запада на Восток в водах океана, в животе огромной рыбы. Здесь гробница

больше похожа на утробу и переживается как состояние замешательства, неуверенности, темноты, возвращения к прежнему состоянию, погружение и тревога по поводу будущих действий после пассивного укрытия в рыбе. Я знавал одного юношу, который говорил, что никогда не слышал эту историю о большой рыбе, даже в ее билейской трактовке про Иону и кита. В то время, он был в слабом, отмахивающемся контакте с социальным миром. Казалось, что он на грани того, чтобы бросить все попытки совладать с давлением внешнего мира, особенно это касалось мира его семьи, где отец и братья регулярно били унижали его. Однажды он рассказал мне, что ему приснился странный сон. Его проглотила огромная рыба и держала у себя в желудке довольно-таки продолжительное время, пока он не прорубил себе выход и не оказался на пляже в незнакомой стране. Страдания этого парня толкали его вниз к нижним водам, по направлению к хаосу, предшествующему созданию,⁴ возвращение к раннему состоянию, предшествующему его рождению, вдали от земного мира и глубоко в рельеф души. Фантазия Фичино о Гермесе, первом богослове, кажется, произвела такое же воздействие на него. Начиная с начала в фантазии, он смог создавать новые обобщения и чувствовать, что он всегда был в контакте с мощными и эффективными идеями.

Несмотря на то, что патологии и страдания обнаруживают душу резко и пронзительно,⁵ ее, в том числе, можно почувствовать в более обыденных ситуациях, отголосками ежедневных событий. Например, даже когда некто обращает внимание (один из смыслов религии) на чистый продукт глубин – сновидениям, фантазиям, желаниям, настроениям, оговоркам и прочим нерациональным выражениям, либо, понятное дело, даже решениям, планам, объяснениям и стремлениям – тогда, даже в осознанной жизни, в самый разгар делового дня, можно ощутить последствия, отголоски. Это, как если бы у жизни на поверхности была комната резонанса, музыкальный подземный мир, подобно пустотелому корпусу люти или трубке под колокольчиками. Тогда есть глубина, чувствуемая субъективно и признанная другими. Глубина души становится свойством характера и личности.

Но душа – это нечто большее, чем свойство человеческого характера. Когда человек с воображением встречается с миром, тогда вещи вокруг него имеют душу. То, что мы обычно называем «внешней реальностью»,

оказывается, имеет глубину и прозрачность. Ни все является только лишь тем, чем кажется. Человеческое воображение всегда в работе, пусть даже часто за порогом осознания, создает метафоры из всего. Иногда такая игра воображения приобретает довольно-таки банальную форму и граничит с суеверием. Когда я жил в Ирландии, меня поражал этот способ воображения. Гора в Типперэри на хребте имеет выемку с рванными краями, и для местного населения это «Укус дьявола», знак того, что дьявол откусил кусок от горы и выплюнул огромный валун в низинную равнину. Однажды я шел вниз по узкой проселочной дороге в Улстер, как заметил кольцо из деревьев в поле. Я направился к этому кольцу из деревьев, когда ко мне подошел пожилой человек и посоветовал держаться подальше от этого места, где танцуют феи.

Эти примеры – продукт легенд и суеверий, и нет никаких сомнений в том, что они не нужны для мира, наполненного душой. Но это тонкая работа воображения говорит о том, что феномены, легко объясняемые научно и упрощенно лицами с эмпирическим складом ума, могут с тем же успехом иметь более фантастический характер, и через выдуманные легенды, даже такие очевидные в своей природной форме как горный хребет, можно оживить человеческие чувства и страхи.

Когда Эрнст Кассирер дает определение человеку, как «символ-рождающее животное», а Норман О.Браун заканчивает «Тело Любви» лаконичным замечанием «все есть поэзия», легко сделать быстрый, но поверхностный интеллектуальный кивок. Но возможные последствия таких вот осмыслений довольно-таки глубоки. Они намекают на то, день напролет, день за днем, все, что мы делаем, видим, к чему прикасаемся, обладает больше, чем просто прагматическим значением и объяснением. В тот самый момент, когда мы пользуемся каким-либо предметом или разговариваем с каким-то человеком, они преобразовываются в воспоминания в виде метафор, образных представлений. Друг, с которым я беседовал во время обеда, появляется в моем ночном сне, но теперь это не друг, а мысленный образ позиции или духа во мне.⁶ В воображении, восприятие никогда не ограничено одним измерением или уровнем. События всегда имеют более глубокую значимость. Несмотря на это, в нашем взаимодействии с миром, абсолютный разрыв между нашим воображением и людьми и объектами,

которые встречаются нам, существуя в своей собственной реальности, невозможен. Более того, слои значений и мотки воспоминаний и фантазий, задействованные при выполнении любой деятельности, выстраивают глубину, которую я называю душой. Как писал Джеймс Хилман: «Феномены оживают и проносят нашу душу через наши богатые фантазии о них. Когда у нас нет фантазий о мире, тогда он объективен, мертв... [Фантазия] есть способ существования в мире и возвращения души миру.»⁷

Позвольте прояснить значение слова «фантазия». Фантазия состоит из образов и историй, которые есть внутри нас, по мере того, как мы занимаемся нашими повседневными делами. Например, учитель в классе может фантазировать о том, что он отец для этих молодых людей перед ним. Или, как иногда происходит на самом деле, учитель лелеет фантазию о том, что он маленький диктатор, или оратор, или актер. Фантазия – это образ сознательный или бессознательный, лежащий в основе поведения или охватывающий действие; и именно фантазия по-настоящему может рассказать намерениях некоего человека или объяснить радости или огорчения, которые некто может испытывать при выполнении какого-либо действия. Осознавая фантазии присутствующие в нашей жизни, мы можем приблизиться к глубине и к пространству души.

В водных главах «Планет», Фичино закладывает теоритическую базу для своей астральной магии и медицины, и там он дает основания предположить, что у всего есть душа. Не только человеческая душа, подчеркивает он, но и душа мира, оживляющая тело мира. Он добавил предостережение: «Всякое тело без труда улавливаемое вашими чувствами, как если бы оно было приспособлено к вашим чувствам, грубо материалистично; ведь оно сильно не дотягивает до божественной души» (Гл.3). Другими словами, просто постичь предметы материального мира на уровне чувств означает проигнорировать их душевное пространство. Разумеется, что возможно взаимодействовать с мировым сообществом, физическими предметами, как если бы у них не было души. Чтобы распознать душу требуется душа. Относительно легко, к примеру, завалить красное дерево для того, чтобы построить дом – материальные действия в пользу материального результата. Но требуется фантазия и воображение, чтобы увидеть священность красного дерева, почувствовать его возраст, его

уязвимость в обществе, голодном до строительных материалов, и его естественную красоту. Когда мы даем волю фантазии, сакральный смысл простых вещей снова становится очевидным. Существует, на самом деле, взаимосвязь между душой и религией, между психологией и религиозной осознанностью; так как без воображения, наполненного душой, все мирское и бездуховное, мир редуцируется до корма наших прагматичных намерений. С душой приходит сильное чувство ценности, упорядочивание желаний и уважение к простым вещам, потому как они оказывают определенное влияние на человеческий дух.

Душа как примиритель

Если бы во вселенной существовали только эти двое – разум и тело – и не было бы души, тогда ни разум не притягивался бы к телу (так как он полностью неподвижен и не обеспечен принципом движения, хотя он в значительной степени удален от тела), ни тело к разуму, в силу того, что оно не способно и не обладает силой самостоятельного передвижения и оно значительно удалено от разума. Но, если душа становится между ними, гармонируя с каждым из них, легко может возникнуть притяжение от одного к другому. (Гл.1)

Как правило для людей, и даже иногда для студентов-психологов, вполне обыденно понимать «психологию» как науку о психике. Но ни в этимологии, ни в истории философии и психологии душа никоим образом не отождествляется с психикой. Фичино в начале своей книги проводит четкое различие между этими двумя понятиями. Они не просто несхожие, говорит он, они еще могут быть достаточно удаленными друг от друга, хотя некоторая связь между ними двумя принципиально важна. Разуму, например, требуется душа для того, чтобы поддерживать связь с телом. Душа «адаптирована» и к разуму и к телу, подобно Янусу – любимый образ, используемый Фичино - душа обращена и к миру разума и к царству материи.

Если бы не было души, а только разум и тело, говорит Фичино, не было бы связи между ними. Например, без души идеи оставались идеями без соединения с человеческим миром. Нам всем знакомы умные люди, работающие со словами и мыслями, способные проследить историю

философии и сравнить всю мыслительную систему, но чьи доказательства кажутся недостаточными. В их рассуждениях нет каркаса, нет крепкой основы. Я не имею ввиду, что мысль должна быть заведомо связана с реальным миром, но мышление может происходить и в верхних слоях, которые значительно удалены от того, что мы считаем человеческим. С душой, самые сложные гипотезы обретают содержание и глубину. Это может иметь вес и на некотором другом уровне помимо чисто интеллектуального.

С другой стороны, как известно легко жить на уровне тела и быть отрезанным от мыслей. Мы автоматически можем отвечать на непосредственные или в некотором роде отодвинутые физические нужды и оставлять без внимания потребности разума и духа. Если отдельный разум чрезмерно сознательный и рациональный, то отсеченное тело отличается бессознательностью. Мы можем очень активно заботиться о теле, проявляя незаурядный практический интеллект, без понятия и мыслей о том, что мы делаем, что стоит за нашими действиями, или каковы на самом деле истинные ценности.

Не нужно далеко ходить, чтобы найти мир без души. Он повсюду. С одной стороны, мы обнаруживаем вопиющий материализм в экономике, политике, ценностных ориентирах и образе жизни. С другой стороны, мы наблюдаем разнообразные образовательные системы для людей любых возрастов, а огромный сегмент населения задействованы в религиозных учреждениях. Но все же эти две сферы кажутся отдельными, объединяющимися только когда одна обслуживает ограниченные нужды другой. В гуманитарных университетах, науки с явными признаками и выражением души, вытесняются разрастающимися техническими и бизнес школами. Молодежь поступает в колледж в основном для своего телесного – получить работу и наслаждаться земными благами (под которыми мы подразумеваем тело), достижимые только через профессиональное образование. Немногие отдельные личности посвящают себя интеллектуальному познанию, и чаще всего с намерением обучать других подобных себе.

Очевидно, что недостающим фактором во всем этом, является третий опосредующий фактор – душа. Даже науки о духе – культура и искусство –

обладают душой, интеллектуализируется за счет них, поэтому даже сонеты Шекспира можно разделить на работы по историцизму, лингвистический критический разбор и бездушный символ-анализ. Кто-то подумает или понадеется, что, по крайней мере, в наших высших учебных заведениях, душе уделяется внимание, но это не так. У студента в студенческом городке происходит расщепление на разум напиханный информацией в лекционном зале и тело, неистово вовлеченное в социальную жизнь кампуса. Индикатором того, что подобное расщепление произошло и в религиозной жизни является тенденция к священнослужителям, с интересом и склонностями к психологии, чтобы организовывать группы для развития восприимчивости и осведомленности о чувствах и ощущениях. В религии дух господствовал в высшей степени и с готовностью проваливается в свою полярность – обычные физические проявления эмоций. Нет ничего плохого ни в духовном опыте, ни в чувственной осведомленности, но когда они так сильно разделены друг от друга, без применения примиряющего сознания души, тогда отдельные личности и общества чувствуют себя отчужденными и расщепленными. Шизофрения, психологический термин, отличающий данное поколение, обладает множеством значений в массовых дискурсах; одно из них – это чувство расщепления, разорванности на куски, отрезанности от чего-то. Нечто неведомое обуславливает наше смятение и напряжение. Это «нечто» и есть душа, связующее звено между телом и разумом.

Душа, однако, не просто связующий фактор, способ собрать воедино разум и тело. Она объединяет дух и материю по-своему. Адаптируясь и к тому и к другому, по подобию Януса, душа выхватывает уникальные качества разума и тела, создавая свой собственный «стиль». Вместо абстрактных мыслей и неосознанных действий, душа выражает себя в образах, сновидениях и историях. Они выступают в качестве интеллекта разума, и у них есть тело как и в случае физической реальности, но они исключительно разные. Сон переживается больше как пробуждающий жизнь, хотя он определенно менее осязаемый. Это словно метафорические слои пробуждающей жизни высвободились из своих оснований в реальную действительность и имеют дело с самими собой. Истории звучат как повествования реальных событий, при этом они могут быть совершенно не связаны с историческими

событиями. Сновидения и истории имеют значение, но они двусмысленные и не упорядоченные.

Чувства, тоже, являются частью души, но чувства могут быть отсоединены от фантазии, и тогда они не больше чем просто тело. В групповой терапии достаточно легко, например, простимулировать интенсивные эмоции, и некоторые чувствуют, что вывод таких эмоций терапевтичен. Но позволить чувствам «высунуться» не совсем душевная работа; этого можно достичь и без осмысления, без взаимосвязи с содержанием эмоции и без связи с мыслями. Стоит отметить, что многих психологов, пропагандирующих «эмоциональный катарсис», также выдают черты анти-интеллектуализма.

Но, тем не менее, эмоции очень важный фактор в жизни души. Если мир как таковой наводит на мысль, то эмоция двигает: как учил Юнг, эмоция создает ценность и побуждает нас к действию, в то время как ее также можно отождествить с движением самой души. 8 На самом деле, эмоции и фантазии – это две стороны одной монеты. Временами мы чувствуем эмоцию без осмысления того, о чем она вообще, а иногда у нас бывают фантазии без чувствования. Обычно они идут рука об руку, в силу того, что в памяти или ожиданиях, образы из прошлого или будущего сопровождаются эмоциями, которые либо приятны, либо очень неприятны. В любом случае, эмоции с фантазиями подводят нас к глубинной рефлексии и тем самым к душе. Науки либо смогут нас подвести к тому, что мы почувствуем, что нами управляет страх, облегчение или сочувствие, либо приведет нас к более глубокой рефлексии, обеспечивая нас очередной фантазией для наших эмоций. В каком-то смысле, эмоции как поведение – нужно уловить фантазию за ними, чтобы понять их во всей полноте. Эмоция выступает как сигнал души, но чтобы понять природу сигнала необходимо поразмышлять о фантазиях, содержащихся ней.

Конечно же, душа также возникает и во взаимоотношениях, где мы разыгрываем наши фантазии. Кажется, душа не может избежать затруднений, взлетов и падений человеческой близости, без того, чтобы не выдать самую их сущность. Душа также проявляется в физических симптомах болезней, и через язык тела, и в телесно проявленной манерности. Тело можно рассматривать как проявление души, как глина для скульптора. Человеческое тело обнаруживает трудноуловимые перемены,

выраженные в мгновениях, рассказывая нам о порывах души. Одна спокойная женщина, участвующая в терапевтической группе, часто потихонечку поглаживала пальцами горло. Один раз группе было дано задание совершить воображаемое путешествие по телу, после чего она рассказала как она пыталась представить себя в ее животе, но не смогла пройти через горло. Она очутилась там, зажатая этим узким проходом, наполненным мусором и преградами типа битого стекла, мебели, металла и прочих острых предметов. Она не могла долго оставаться там, даже в фантазии, потому что горло начинало болеть. Позже обсуждая эту фантазию, она говорила о воспоминаниях и желаниях, связанных с ее семьей, особенно фокусируясь на невыносимой скорби, которая, кажется, застряла у нее в горле. Она выразила надежду, что однажды сможет рассмотреть каждый отдельно из этих острых предметов, выплакать их из своего горла, и наконец-то открыть проход к остальным частям ее тела.

Психология – это наука обо всем с точки зрения психики. Таково ее этимологическое значение, и таково традиционное значение, приверженцем которого был Фичино и его предшественники и последователи. Рассматривать больное горло просто как физическое проявление все равно, что смотреть на мир, по словам Фичино, как если бы он был доступен только нашему сознанию. Еще мы можем смотреть с точки зрения души – психологически. Возможно, проблема, которую мы имеем, развивая безотказную науку психологии, не говоря уже о подпитке врожденной психологической осознанности, заключается в том, что душа так незамысловата и очевидна. Мы все еще не настроены на язык души; нам неуютно мыслить образно и метафорично. Мы предпочитаем прямой путь говоря, что вещи - это то, чем они являются, не осознавая, что вещи не только то, чем они являются. Мы упускаем из виду богатство образов вокруг нас, видя только физические контейнеры этих образов. Несмотря на чрезвычайно сложные технологии, мы упускаем очевидные знаки души: физическое недомогание, животное во сне, ведьму в сказке, бога в мифологии, слезы сквозь смех и печаль, свинцовый груз депрессии. Есть знаки души в ожидании того, чтобы их увидели такими, какими они являются.

Посредничество духа

Весь мир живой и мы можем испить его духа. Но это дух его по-настоящему выпитывается чрез собственный дух человека, либо естественным образом настроенный на мировой дух, или даже лучше, переданный более удобным способом через искусство, говоря иными словами, становясь по-настоящему божественным. (Гл.4)

Этими словами Фичино вводит еще одну сложный для понимания компонент, участвующий во взаимоотношениях между миром и человеком – дух. Если слово «душа» сложно употреблять, то слово «дух» и того хуже. Мы говорим о духе, подразумеваем приведение, бьющий ключом дух уверенной футбольной команды, флюиды, перетекающие на коктейльной вечеринке, дух (Zeitgeist) исторической эпохи, то, что сподвигает нас к действию – «решимость двигателя мной». Еще более важно, но сбивает с толку, в Платонической традиции и тем более в работах Фичино, мы ставим на одну доску дух с наивысшим слоем трехмерного космоса: тело, душа и дух. Но это царство духа несколько отличается от того духа, о котором Фичино упоминает в приведенном отрывке.

В работе Фичино дух является существенным элементом всей психологической жизни. Это фактор, который обеспечивает деятельность души в материальном мире. Без духа не может быть души. Также как и душа является связующим звеном между телом и разумом, так и дух является посредником между душой и миром. Как отметил Д.П.Уолкер, выдающийся историк, посвятивший множество своих работ эпохе Возрождения, базовое понятие духа у Фичино во многом напоминает определения ранних физиков, которые представляли его как тонкую субстанцию в крови. Он пишет следующая, цитируя Фичино:

Дух у физиков определяется как определенные пары крови, чистые, прозрачные, горячие и тонкие. И, формируясь из тонкой крови жаром сердца, он улетучивается в мозг, где душа старательно использует его для работы органов чувств, служащих для восприятия впечатлений из внутреннего и внешнего мира. Таким образом, кровь обслуживает дух, дух чувства, и, наконец, чувства разум.9

Дух подобно тонкому, невидимому пару, как мы видим не такой как пузырящийся в бокале шампанского или неумемный как у футбольной команды. Его невозможно увидеть, но без труда можно почувствовать. В «Планетах» Фичино пытается найти для него место:

Это невероятно тонкое тело, почти бестелесное, на самом деле практически душа. Другими словами, почти не душа, но как будто бы тело. Его стихия в меньшей степени природа земли, а больше вода, или воздух, или в большей степени сияние звезд. (Гл.3)

Органы чувств улавливают дух, но все же это не что-то физическое. По этой причине, его не воспринимают всерьез в современном мире. Мы определяем всех заинтересованных в узнавании духа в круги эзотерического культа. Меж тем для Фичино дух являлся обычным явлением существенным для любого проявления жизни. Если бы можно было определить для него один из основных составляющих элементов физического и психологического существования, это точно была бы не земля, больше вода или воздух, но скорее всего, огонь, сияние, из которого состоят звезды.

Любопытно, что Юнг упомянул в своей автобиографии о своих потугах постижения духа в его молодые годы. «Дух, разумеется, значит для меня нечто невыразимое, но по сути мне казалось, что он мало чем отличается от разряженного воздуха.»¹⁰ В разговорной речи мы тоже можем понять, что дух как воздух. Мы говорим, что человеку присущ дух авторитарности, и когда говорим об атмосфере места или обстановке на мероприятии. Это очень «в духе» духа.

Дух можно почувствовать как эманацию, тонкую «субстанцию», которая излучается телами и ситуациями. Прогулка в чаще леса порождает дух отличный от того, который возникает во время прогулки по главной улице большого города. Фильм ужасов по духу отличается от комедии Питера Селлера. Цветок источает дух, отличающийся от духа автомобильного двигателя.

Все это может показаться очевидным и неважным; но Фичино строит целую психотерапевтическую систему на понятии духа. Он был убежден, что душе

требуется дух, во всем своем разнообразии, чтобы обогащаться; по этой причине, он считал, что психологическая помощь и упражнения включают бережное подвергание различным проявлениям духа. Чтобы сделать это, разумеется, необходимо быть способным улавливать все эти разновидности духа, и затем выполнить осознанное усилие, чтобы раскрыться подходящему виду. Несмотря на то, что существует бесчисленное множество разновидностей духа, они могут быть организованы по принципу основных свойств планет. По выражению Фичино, планеты испускают лучи духа, характерного для каждой из них, и эти лучи поглощаются объектами во вселенной, будь то природные объекты или же созданные руками человека артефакты. Все без исключения вещи, с которыми мы вступаем в контакт, после этого подвергают нас влиянию той или иной планеты. Мы впитываем и применяем дух этой планеты по ходу нашей обыденной жизни, возможно даже не осознавая многообразие духа.

Фичино называет дух пищей для души; через дух, душа постоянно созидается и питается. По его словам, все это может происходить естественным образом (неосознанно), или искусственным, а именно посредством осознанного намерения. Это не означает, что мы можем просто-таки перекраивать нашу психологическую жизнь по желанию; процесс гораздо более размытый, но мы можем развивать осознанность души, психологическое отношение, при помощи которого мы можем взаимодействовать и косвенно влиять на основные аспекты нашей психологической жизни. Мы можем питать душу и проживать жизнь психотерапевтично, позволяя нашей психологической жизни отражать небеса. Вот именно это и имел в виду Фичино, когда говорил о том, чтобы стать насколько возможно небесным. У нас может быть глубина и многообразие, движение и форма, в нашем внутреннем мире. У нас могут быть планеты внутри, со всеми их привилегиями духа, как планеты внешнего космоса.

Мы подходим к сути Фичинианской астрологической психологии. И это не суеверная игра с картой рождения и солнечными знаками, но даже это имеет место в практики Фичино. Что более важно, через астрологическую осознанность, мы можем распознавать полицентрическую природу психики и осознавать воздействие даже самых незначительных объектов и событий

на духовную жизнь души. Планеты, знаки, дома и аспекты технической астрологии являются всего лишь средствами для прорисовывания образа множественных граней психики. Для применения открытий Фичино в современной жизни, можно использовать, а можно и не использовать некоторые технические аспекты. Для парадигм души и образного различения духов кто-то обратится к искусству, ко снам, алхимии, религии или самой психологии. Существенный момент – устанавливать связи между ежедневным опытом и глубинной жизнью души.

Чтобы устанавливать такие связи, необходимо развивать эту игнорируемую, но необходимую способность – воображение. Воображение дает волю видению, которое проникает сквозь поверхность вещей и улавливает те факторы, которые являются значимыми для психики. В воображении, события видятся не только с точки зрения их индивидуальности или уровня задумки и концепции; можно также увидеть, что они содержат определенные важные для души образы. Фичино признал важность того, что мы называем воображением, но в его эпистемологии он использует различные термины для описания этой способности.

Idolum: Божество восприятия

Нам нужно разобраться с некоторыми путаными терминами, которые употребляет Фичино в контексте воображения. Он говорит об *imaginatio*, но это латинское слово значит не совсем то, что английское слово «воображение». *Imaginatio* в Фичиновской схеме больше относится к Аристотелевскому *sensus communis*, способность восприятия, которая объединяет все разрозненные чувственные впечатления в одно. Фичино использует слово «*idolum*» для обозначения воображения, термин, используемый Плотиним. В работах Отцов Церкви «*idolum*» несет негативную смысловую окраску слова «идол, божество» и относится к нашему вселенскому идолопоклонству. Слово имеет греческий корень «*eidos*», Платоновская «идея», что буквально обозначает образ или изображение, либо образ отраженный в воде или зеркале (OED, «*idol*»). Существенно держать такое толкование образа в голове, при изучении Фичиновской идеи воображения.

Фичино разделяет функции души следующим способом:

Mens	Интеллект
Ratio	Разум, Фантазия
Idolum	Чувственное восприятие, Питающая сила

Mens – высшая часть души, данная нам для Саурнианского рассмотрения. Разум, посередине, придает душе ее человеческий аспект; вопреки всяким иррациональным факторам души, которые мы будем исследовать, разумное сознание по-прежнему является отличительной чертой рода людского. Сознание и самосознание устанавливают связи между царством идей и сферой физического опыта; так Фичино утверждает, что Разум может передвигаться между Интеллектом и Телом. Несмотря на то, что idolum стоит в самом низу иерархической лестницы, он наделен силой оживлять тело; ввиду того, что, в конечном итоге, это образ, который стимулирует физическую реакцию. В действительности, Фичино называет сам idolum образом рациональной души, отражением нашего сознающего разума, который способен рассматривать и делать выводы, говорит Фичино, об образах, даже если они не заключены в конкретных объектах. Фантазия, один из аспектов «idolum», содержит подобие концепции так называемого «намерение», которая может храниться в памяти. Фичино подмечает, что «фантазия полна индивидуальных форм вещей».¹¹ Воображение - «idolum» и фантазия, тем не менее, обладает своим собственным разумом и логикой; оно содержит семена опыта, засеянные внешними переживаниями и впечатлениями.

Если мы вспомним «божество, идола» в Фичиновском «idolum» и «образ» в воображении, мы сможем ухватить базовый компонент, зерно данной эпистемологии: образы играют центральную роль в нашем взаимодействии с миром, но Фичино подвергал сомнению идею о том, что мы сталкиваемся с чем-то за пределами себя, мы пассивны или восприимчивы. При каждом событии мы рождаем кладезь образов, которые активируются внешними объектами. Внешний мир влияет на нашу память, а память придает окраску способу, при помощи которого мы воспринимаем мир; он содержит семена активных фантазий при помощи, которых мы входим в полностью человеческий опыт. Было бы ошибкой, стало быть, думать, что мы как субъекты сталкиваемся с мертвым миром как объектом; пожалуй,

существует обоюдно действующий диалог между памятью и фактом. Семена воображения трансформируют измеримое событие в субъективный опыт, который приводит к определённому развитию мира, но также и к питающему либо лишаящему воздействию на психику.

Если подчеркивать тот факт, что воображение является миром в самом себе, что оно оличается от измерения эго и объектов, Фичино придерживается древней идеи об астральном или эфирном теле. Душа имеет собственное транспортное средство, более утонченное, нежели плотное физическое тело. От природы округлой формы, она принимает человеческую форму отдельного лица, и в конце концов возвращается к истокам, становится круглой. Снова образ кругов и округлости предполагает, что воображение в некотором смысле сверхчеловечно, его семена не ограничиваются человеческим опытом и уж точно не жизнью отдельного лица. У него есть свое собственное тело, не зависимое от жизни человеческого тела.

Большинство направлений психологии редуцируют образность до индивидуального измерения, подразумевая, к примеру, что работы художника ведут прямым путем к его детскому опыту или поздней травме. Такой упрощенный взгляд очень заманчив, так как кажется, что в годы нашей особой восприимчивости и впечатлительности, согласно клише, закладываются семена для будущей жизни. Но последовательные и сложные отсылки Фичино к круговому движению души или округлости эфирного тела напоминают нам о том, что жизнь души не полностью зависит от личного опыта; она содержится не только в пределах нашей оболочки. У нас есть не только «коллективные воспоминания», мы также сталкиваемся с определенными паттернами, которые формируют всю нашу жизнь. Когда мы жаждем зависимости подобно ребенку и обнаруживаем себя говорящими на детском языке, мечтающими о маме и доме, или, возможно, даже видим детей во сне, можно понять, что это не просто возвращение к какому-то конкретному воспоминанию, а наличие глубокого, повторяющегося вновь и вновь паттерна, представленного в целом образе детской невинности, но необязательно относящегося к личному опыту детства. Такой паттерн можно обнаружить в каждом, в животных, и даже в других частях вселенной. Фантазия о ребенке в данном случае существует вне личного опыта.

Душа не просто сопутствующий, вторичный признак тела; у нее есть свои законы и привычки, и образы, которые открываются нам в фантазиях, отражают эту жизнь души, не человеческую жизнь в которой она воплощается. Фичино примерно то же самое выражает через достаточно туманный образ: « Как свет луны в облаке образует бледность из самого себя, так и душа создает в небесном теле «*idolum*», как комета выпускает свой хвост.»¹² Образы нашего духовного ока испускают лучи словно полосы лунного света или хвост кометы от энергии души. Мельком взглянуть на образы – это поймать взгляд души, чьи порывы и движения связаны, но отделены от возможностей эго. Можно сказать, что наши деяния вскрывают характер эго, воображение и его образы рассказывают нам о природе души.

Меж тем, у души в Фичиновской подаче есть три транспортных средства: тело, дух и воображение («*idolum*»).¹³ Каждое из этих средств несет порывы души, в каждом мы находим энергию души. Существует, меж тем, психологическая значимость духа, который мы чувствуем и ощущений в обычной жизни, в человеческом теле и материальном мире, и в продуктах и процессах воображения. Это транспортные средства психики, хотя мы и стремимся не замечать этот факт. Не так уж и трудно упростить воображение до эстетики, тело и материю до «объективной реальности», а дух до временами интересного, но в основном эзотерического воззрения.

Так как воображение является такой важной способностью души, Фичино помнит об этом даже в своей «природной магии», которая состоит преимущественно из стягивания планетных духовных лучей через создание образов. Образ, ассоциируемый с одной из планет, к примеру, солнечный амулет, обладает силой, по словам Фичино, передавать человеку, использующему этот амулет, духовную силу планеты. Мы далее будем это обсуждать; а здесь стоит отметить роль воображения. Удерживая в головеотличительные особенности различных планет, зная при этом сферы жизни, которыми они «управляют», а также образы, ассоциируемые с ними, мы имеем возможность организовывать жизнь мысленно. Нам удастся глубже видеть фантазии, проникающие в жизнь и таким образом рассмотреть более близко и внимательно жизнь души. По сути, Фичино

предлагает в качестве психотерапевтической техники астрологическое искусство воспоминаний.¹⁴

Мы уже увидели, что воображение и воспоминания неразделимы, что образы в памяти играют активную роль в восприятии и осмыслении смысла и значения. Фичино считал, что у памяти, по крайней мере, две функции: первая – индивидуум научается использовать практические средства для запоминания фундаментальных образов. Амулеты, шармы, картины, стихотворения, церемонии - все это служит для того, чтобы напоминать индивидууму о базовых структурах жизни. Во-вторых, память может быть менее личной, и более коллективной. Вспоминая природу богов и богинь, например, мы держим в голове эти основательные сферы смысла. С одной стороны, память – это имажинистское мнемоническое запоминающее устройство, а с другой стороны, это средство установления связей между скрытыми событиями и мощными образами. Как описывала Фрэнсис Йетс в своей работе по искусству воспоминаний эпохи Ренессанса, это искусство могло бы стать техникой запоминания, полезной в риторике, но стало чем-то более основательным. В силу того, что мы изучаем астрологию Фичина, возможно, было бы полезно вспомнить природу этой науки, так как это не банальная наивная вера во влияние планет, а техника оживляющего воображения и воспоминаний. Астрологические знаки и планеты дают средство для расстановки накопленного опыта и внутренних движений, как и любая другая система образов, позволяющая проникнуть через поверхностные события к фантазиям. Цитируя Фичино: «душа, простимулированная образами тел, выводит на свет формы, скрытые в закоулках разума.»¹⁵

И тогда, нет ничего удивительного в том, что Фичино оказал такое колоссальное влияние на искусство своего времени. Хотя, он и не считал себя прямым поклонником или спонсором художественного творчества, его идеи переместили творчество из удаленной области в центр. Согласно его философии, искусство это не развлечение или дань моде; это способ напитать душу, искусство воспоминаний. В духе «искусство ради искусства» мы справедливо можем критиковать

Глава 3. «Растворять и сгущать»: Психологическая

Алхимия

В одной из своих последних работ, К.Г. Юнг пересказал сон, который снился ему снова и снова за годы до этого.¹ В этой серии снов, он всегда обнаруживал какую-то часть своего дома, который раньше не видел. Часто, это была пристройка или крыло, старая и незнакомая, с лабораторией и античной мебелью. В одном из последних снов из этой серии, он обнаружила старую библиотеку книг с символическими картинками. Примерно в то время, когда ему приснился этот сон, он приобрел старинное издание у букиниста, том, посвященный ранней Византийской алхимии. Картинки в этой книге семнадцатого столетия напомнили Юнгу иллюстрации, которые он видел во сне, и таким образом, воодушевленный таким совпадением, он начал изучать алхимию по-настоящему. После этой замечательной находки последовало семь его собственных книг – Психология и Алхимия, Психология переноса, *Mysterium Coniunctionis*, и другие – в которых он предлагает разгадку некоторых тайн этого древнего ритуального, мифического и визионерского искусства.

Несмотря на попытки Юнга проложить дорогу к пониманию этой необычной практики, алхимия по-прежнему остается сложной и покрытой густой завесой. Некоторые, как и раньше считают ее рудиментарной формой химии, трудами безрассудно смелых, но примитивных умов, неискушенных в законах химии и вынужденных выражать свои выводы и специальные знания в архаических картинках и фразах при обработке металлов и минералов. Но Юнг смог разглядеть в алхимии принцип, очевидный для многих сфер человеческой жизни, от астрологии до человеческих взаимоотношений: сталкиваясь с неизвестностью, человеческое воображение сразу торопится обнаружить на темной поверхности загадочного, отражение своих собственных тайн. И речь идет о том, что душой может двигать или параноидный страх, или завораживающий интерес при виде незнакомца в проезжающем автомобиле, а сумеречное ночное небо может навеять фантазии о летающих тарелках или зодиакальных животных и планетных божествах. Так же и для душ, не зараженных знанием атомов и протонов, цвета, запахи, вкусы и визуальные

трансформации нагретых и ферментированных химикатов будоражат воображение. По мнению Юнга, проекция алхимии является живым описанием того, как душа использует воображение и рождает образы.

Если принять гипотезу Юнга, а существует масса доказательств, подтверждающих это в самих же алхимических трактатах, тогда можно обратиться к алхимической литературе за психологическими выводами и специальными знаниями. Юнг потратил многие годы на перевод и разгадывание трудных пассажей, и он заявляет, что для большинства самих алхимиков на первом месте стояли психологические или духовные ценности:

Для многих алхимиков аллегорический аспект, несомненно, был авансцене до такой степени, что они твердо были убеждены в том, что единственным предметом их интереса были химические субстанции. Но всегда были и те, для кого лабораторная работа, прежде всего, была вопросом символов и их психического воздействия. Как отображено в трактатах, они осознавали это в той степени, что обвиняли наивных золотоваров в обмане, мошенничестве и околпачивании.²

Основным психологическим фактом является то, что работа души вершится даже при такой исчерпывающей системе и традиции, осознанно или бессознательно.

Алхимия при всем при этом, все же не просто еще один, пусть даже и нетрадиционный, источник знаний о психике; у нее свои собственные уникальные перспективы и задачи, и еще она высвечивает особое измерение психологической жизни. Многие символические системы говорят о душе, но не все они имеют дело с одними и теми же вопросами.

Хотя Фичино редко ссылается на алхимию в «Планетах», природа его интереса, в частности взаимоотношения между телом, душой и интеллектом, тесно связана с целями алхимии. Одной из основных целей алхимиков было преодоление иллюзии о том, что мир целиком есть ничто иное, как многосложная комбинация твердых частиц. Они желали достичь устойчивого осознания различия между разумом, душой и телом. Как сказал один алхимик Майкл Мейер: мастера данного искусства хотят переделать

квадрат в треугольник; иначе говоря, их усилия направлены на трансформацию четырех элементов материальной природы - земля, воздух, огонь и вода – в три элемента человеческого существования.³ С алхимической точки зрения, психологическая жизнь начинается с отделения, а не просто отличия тела, души и духа.

Два лица души

Не в пример тому, кто выбирает только божественное, или только реальную жизнь, душу влекут оба аспекта. (Гл.1)

Часто, психологически настроенные поэты указывают на то, что мы живем в мире, где душа главным образом отсутствует, и они подразумевают больше, чем просто отсутствие. Душа может не только отсутствовать, но она может погибнуть или застрять где-то. В традициях многих стран верят, что душа может странствовать и заблудиться; она может выйти (vacatio) из тела и никогда не вернуться. Или же, душа может быть глубоко замурована в мире непроходимого материализма. Душа, качество бытия, может тогда исчезнуть в эфемерных высотах духа или в захватывающих, ослепляющих и всепоглощающих объектах влечения тела и его мира. Юнг был весьма впечатлен традиционными сообществами, которые боялись утраты души, пока не распознал ту же опасность современного индустриального мироздания. Поэтому он так и назвал одну из своих популярных книг «Проблемы души современного человека». Фичино обратил внимание на то, что влечение души к телу словно любовь матери к своему дитя или как гравитационное воздействие на камень, брошенный в воздух.⁴ И Фичино и Юнг говорят о «влечении» души к телу и духу. «Так как душа оживляет тело,» - заметил Юнг, - «также и душа оживляется духом, она стремится поддерживать тело и все телесное, чувственное и эмоциональное... Ее необходимо возвращать намерениями духа из ее потерянности в материи и в мире.»⁵ Здесь Юнг комментирует взгляды алхимика шестнадцатого столетия, Джерарда Дорна.

Одна из задач алхимии, вследствие этого, согласуется с главным поводом для озабоченности Фичино в его работе по здоровью: держите душу

посредине. Не позволяйте ей раствориться в уме или теле. Когда душа затеряна в одной из этих крайностей, исчезают и дары и преимущества, которые она дает бытию. Если душа отсутствует, нет и внутренних ценностей, чувства значимости и чувства самости. Физический и интеллектуальный труд происходит без энергии, энтузиазма, чувствования и чувства изначального замысла. Без души, страдают отношения и связанность с людьми. Нации, города, семьи и браки поддерживают видимость слаженности и сплоченности, но без души истинная вовлеченность отсутствует. Разумеется, с другой стороны исчезают и проблемы, которые душа привносит: эмоциональная путаница, раненые чувства, депрессии, сомнительная веселость, боль и тоска. Без души мы проходим сквозь суетливые, тесные зоны ежедневного бытия, как висящий в воздухе субъект или как незнакомец, который смотрит на все это словно это происходит за стеклянной панелью музея. Физически присутствует, и даже теоритически живой в уме, психологически же он отрезан, отстранен, не включен, неподвижен.

В Фичинианской психологии, как мы уже знаем, дух это тонкая субстанция связывающая душу с внутренним и внешним космосом. Присутствие души заставляет духовную субстанцию подниматься, амплифицироваться и восприниматься. В качестве примера, можно взять музыку. Музыка можно воспринимать как интеллектуальное достижение, или она может восприниматься на чувственном уровне – чем больше децибел, тем лучше. Или же, наконец, духовная мимолетность музыкального произведения может быть схвачена антенной души, и тогда децибелы и интеллектуальная одаренность могут встроиться в паттерн, который всему придаст смысл. Люди без души предают приход и уход духа. Человек с душой обладает присутствием и свободен от ригидности и защитных реакций эго; он не без проблем, но он дает душе пространство для проживания боли или удовольствия. Интересно сравнить духовных мастеров, которые потерялись в эфемерных зонах с теми, для кого духовная дисциплина являлась питанием души. Интеллектуалы также необязательно живут в изоляции от общества (идиоматическое выражение: удаляться в башню из слоновой кости= жить в изоляции от общества, жить в оранжерейных условиях). С душой дом интеллекта дышит жизненной энергией и коммуникабельностью.

Душа может потеряться и в психотерапии тоже. Эти еженедельные визиты к аналитику были призваны для истинной заботы о психике, но слишком часто такое «психологическое внимание» сводится не более, чем к играм разума, такая забава – разобраться почему же жизнь так трудна. Бездушная, интеллектуальная терапия может продолжаться вечно, потому что два человека никогда не устанут находить причины проблемного поведения и сложных чувств. Но клиент, если уж не специалист, должен знать, что знание всех причин в мире не имеет никакого значения. Ничего не произойдет от этого. Даже хуже, психотерапия такого рода, сфокусированная больше на интеллектуальных открытиях и выводах и применении этих выводов в жизни (без связи с душой), скорее всего, напрочь исцелит человека от истинных движений души, которые сулит психологическая жизнь.

Мы уже обсудили способ при котором душа может быть позабыта и утрачена в психотерапии, а именно в первую очередь на уровне чувств – во всех чувствах этого мира. Излияние чувств очень заманчиво для души, потому что у души есть влечение к телу. Возможно, это и приносит удовлетворение, но это не значит, что это по-настоящему психологично.

Вся эта путаница проистекает из алхимической проблемы: удерживание души отдельно от тела и духа (разума). Чтобы удерживать их в фокусе рассматриваемого вопроса, у алхимиков есть интересный девиз: «Растворять и сгущай» (Solve et coagula). Растворить и сгустить! Это главная алхимическая цель - спасти душу от вознесения к духу и вырвать душу из пределов материализма. Алхимия движется в двух направлениях: она одухотворяет то, что вообще–то примитивно и буквально, и конкретизирует то, что чрезмерно мудрено и возвышенно. Она в диалоге с обоими влечениями души. Еще один алхимик, Арнольд де Вилла Нова, сделал акцент на этой двойной перспективе и задаче, пусть даже он и подчеркнул, как и Фичино, особую важность растворения физического и буквального затвердевания души:

Пока тела становятся бестелесными, а духи телесными, не будет никакого прогресса. Истинным началом нашей работы становится растворение нашего тела, потому как когда растворяются тела, они становятся более духовными в своей природе, но, и, в то же самое время, более закрепленными и устойчивыми, нежели дух, пусть даже они растворены

вместе с ним. Под раствором тела подразумевается сгущение духа и наоборот: каждый отдает что-то от своей природы; на полпути они встречаются друг с другом и становятся одним неделимой субстанцией, как вода смешанная с водой.⁶

Этот отрывок стоило бы изучить более внимательно, так как он очень четко выражает срединную зону психологической реальности. «Алхимическая работа начинается, - говорит Вилла Нова, с растворения нашего тела». Тело в данном контексте может обозначать многие вещи: внимание исключительно к физическим и материалистическим проблемам, тенденция к буквализму понимания событий в нашей жизни, или чрезмерная вовлеченность эго защит и проекций. Как отмечал Фрейд, эго – это продолжение тела, излишне ограниченное чувство собственного достоинства, основанное на телесной фантазии. Первоочередной задачей психологического подхода в отношении исцеления души – это растворить эти крайние точки узкого понимания.

Арнольд убеждает нас в том, что если растворить эти материалистические проблемы и стать более духовными, они не утратят тело целиком. Алхимический раствор (*solutio*) необязательно влечет за собой Герклитовскую энантиодромию – стремительный бросок к противоположному полюсу проблемы. В *solutio* каждый отдает частичку своей природы. Дух берет на себя тело, тело принимает немного духа. Возвышенные идеи теряют свою абстрактность и отдаленность и психологически обнаруживаются в виде фантазий, желаний и вопросов. Действия и планы берут на себя остальное в *solutio* и из них вытекают такие же психологические вопросы.

На языке элементов, иллюзорные идеи и земные проекты переплавляются в размытые фантазии. Посреди психологического царства дух и материя встречаются, как «вода смешанная с водой». Алхимики знали связь между их *solutio* и водами баптизма. Они знали, что вода психики не только растворяет, но и формирует единокровную матку, из которой родится нечто новое. Алхимический *solutio* включает в себя конец и начало, на самом деле это процесс инициации, вступления на другой уровень понимания и незнакомого измерения бытия.

По мнению алхимиков *solutio* разрывает телесную субстанцию на частицы, даже на атомы.⁷ Психологически это приравнивается к распаду буквального опыта и понимания на фантазии и образы. Когда наше отношение к собственному опыту изменяется от земного буквализма и фиксированности на более размытое представление о бессознательных движениях души, тогда поведение кажется менее надежным и основательным. Разница между реальностью и сном сокращается. Поверхностный защитный слой жизни уступает глубине, другому измерению. Становится очевидным, что наши действия являются всецело движениями в психодраме, во многих психодрамах – миры, созданные воображением, обязательные программы, через которые мы проходим наполненные образами, автором которых по крайней мере в какой-то части являются наши фантазии, а в другой части наши представления о других, еще в части нечто достаточно таинственное. И совершенно предсказуемо в нашем Фрейдистском возрасте заметить, что мы часто женимся на своих отцах и матерях. Юнг углубил это знание, подавая мысль о том, что мы также яростно набрасываемся на коллективную тень, которую отказываемся признавать частью нашей человеческого наследия. Он также подхватил Фрейдовское наблюдение, отметив, что мы пытаемся объединить наши отчужденные души вступая в брак с манящими своими сходствами и проекциями людьми. Любые наши действия, на самом деле, вовлекают нас в глубокие таинственные темы и сюжеты. Алхимический процесс стягивания души от материи нацелен на то, чтобы показать нам фантазии, которые сгущаются во время наших действий и мыслей. Растворенные, они всплывают на поверхность, на экран, на котором мызираем на наши мечты и грезы, и там, можно увидеть характеры и мотивы, которые оживляют – одушевляют – наши жизни. Алхимики наблюдали за химическими реакциями в своих колбах и видели мистические союзы, драконов и петухов и сцены из Библейской Книги Бытия. Более пронизательным взглядом мы бы тоже смогли созерцать в колбе нашей рефлексивности характеры, человеческое, сверхчеловеческое и субчеловеческое, сценарии и истории из мифов, религиозную приверженность и ритуал, формирующие элементы прожитой реальности.

Сам этот процесс рефлексии устанавливает серединную зону души. Что касается погружения в образы грез и фантазий, сухие представления о нас самих и нашем мире увлажняются вместе со связностью с нашей внутренней

жизнью, и поведенческие привычки утрачивают свою окостенелость, становясь более влажными и текучими. В свете психологической рефлексии, разум и тело имеют пространство для встречи. Квадрат бессознательной жизни превращается в треугольник психологической осознанности.

Но в чем же все-таки преимущества этого «придания треугольной формы квадрату»? Прежде всего, психологическое отношение скидывает один пункт с карусели самоусовершенствования и вынужденной бурной деятельности. Большинство людей обращается к психологии для того, чтобы измениться. Они хотят другую жизнь, но эта цель труднодостижима, если вообще достижима. Если решительно настроенный человек пришел на консультацию к психоаналитику по поводу внутренней перестройки, он должен знать, что классическая Фрейдистская позиция придерживается точки зрения, что человеческие существа, имеющие счастье быть окультуренными и воспитанными, уже только по этой причине страдают неврозом. Все существующие техники направлены на то, чтобы снизить этот невроз. Если он обращается к бихевиористу, возможно найдется симптом типа слишком острого реагирования или курения, причину которого можно выяснить, но останется лишь дыра, пустое место, где когда-то отыгрывалась установленная фантазия. Если он пойдет к психологу гуманистического толка и направит свои усилия на личностный рост, возможно, обнаружится, что рост может оказаться тягостным, и, несмотря на то, насколько он позитивно мыслит или с какой любовью относится, боль все равно является неизбежной частью жизни. С другой стороны, психологический подход, поданный через алхимию «только лишь» предлагает более глубинное проживание. Человек реже попадает в ловушку поверхностных событий и начинает видеть через более глубокие слои. Алхимики были упорными тружениками; алхимия души требует упорства и искусства в постижении предмета. Чувственные средства ничего не значат. Но в алхимическом процессе есть свобода от плетения интеллектуальных узлов, психологического морализма, и лихорадочной деятельности эго, связанной с «квадратом» жизни.

Solutio, как новое таинство крещения, также включает промывку, очищение, смывку мусора, чтобы дать место более четкому восприятию сути. В «Планетах» Фичино по своему обыкновению соотносит очищение с

психологическим процессом превращения в божественное: «Человек становится божественным, после того как очищен от нечистот, полностью отмыт от тех вещей которые есть в нем, но отличаются от небесной сути» (Гл.4). Что же может быть в человеке и отличаться от образа, отраженного в планетах и звездах? С одной стороны, в жизни человека может быть столько мусора, неотсортированного и неотраженного, что и движения души невозможно почувствовать. Планеты находятся в постоянном движении, также как и сферы психологической жизни, представленные планетами. «В растворе», движения, происходящие в глубине можно почувствовать и распознать; говоря другими словами, если фантазиям позволено плыть и психологическому измерению уделяется внимание, можно ощутить некое духовное очищение, удаление завала, непроходимости.

Но очищение может произойти, если «расставить все по местам», а не только убрать завалы. Широко распространенное толкование Аристотелевского «катарсиса» представляет собой прорыв эмоций. Согласно этой трактовке, драма эффективна, так как опосредованно участвуя в действии происходящем на сцене, мы испытываем эмоции – жалость и ужас – которые были заперты внутри нас самих. Но более поздние прочтения Аристотеля объясняют катарсис как соучастие в драме, при помощи которого мы получаем возможность увидеть перспективу драматурга по представленной жизненной ситуации, и с этим свежим взглядом включенные чувства и фантазии «проясняются.»⁸ Возвращаясь к небесному лейтмотиву Фичино, можно сказать, что катарсис имеет место, когда большая часть деталей психологического опыта сосредоточилась в центре и связана с паттернами, как зодиакальные рисунки. И вопрос не в том, чтобы приводить в порядок чью-либо жизнь каким-то эгоистичным, рациональным, контролирующим способом; наоборот, это образное сравнение чьего-то опыта с образами и паттернами. Зачем читать роман, если история не дает свежий взгляд на актуальный опыт? И снова мы обнаруживаем глубинную связь между психологической жизненной энергией и воображением.

Сублимация/Сгущение

В расхожем представлении, алхимик – это искатель золота, не в пример тем золотоискателям с Дикого Запада, вечно надеющихся извлечь это

драгоценное вещество из основных металлов. Поскольку очевидно, что были такие «дутики», чеканящие монеты и стремящиеся к богатству и славе через лабораторную работу, но были и те, кто искал внутреннее золото, золотую самость, внутреннюю личность, выносливую и искрящуюся духовностью. Они стремились выделить из хаоса материальной жизни драгоценный элемент.

Различные фазы алхимического процесса были непостоянны, укутаны пеленой символического языка, и связаны с другими эзотерическими системами, такими как Кабала и Гностицизм. Я не собираюсь выдать какой-либо вариант систематизированного толкования алхимических процессов, я хотел бы всего лишь выделить несколько техник, тесно связанных с психологией Фичино. Помимо «раствора», который, как мы видим, является частью Фичиновского процесса объединяющего в созвездия психику, есть еще процесс сублимации, фаза, которую Фичино ассоциировал с движением от буквализма к возвышенному.

Так как алхимика заставили приступить к выполнению задания передать секреты его традиции воплощения секретов своей традиции в лабораторных процессах, он будет нагревать различные смеси и примечать их запах, часто едкий и прогорклый, равно как и изменения в цвете, форме, и мутный туман и капельки влаги, конденсированные в колбе. Он наблюдал как разворачивался двойной процесс: превращение в пар того, что было твердым и влажным, и загустевание того, что было туманообразным и воздушным. *Solve et coagula* (Растворяй и сгущай). Психологически, причудливые идеи и духовные схемы требуют конкретизации (конденсации, сгущения), в то время как излишне буквальные материи требуют выпаривания (сублимации, испарения твердых веществ).

Сублимация направлена на достижение той же цели, что и при приготовлении раствора *solutio*: экстракт фантазий и чувств, застывших в сухих действиях и убеждениях. Но это не есть разновидность той сублимации, которую открыл Фрейд в психоанализе. Согласно его теории сублимация - это подъем сексуальных импульсов на более высокий уровень, где сексуальный инстинкт находит новый объект, еще один важный для общества. В алхимии сублимация не приводит к новому объекту; как раз наоборот, позволяя застывшим фантазиям распуститься и подняться к

сознанию, можно обнаружить суть уже присутствующую в прозаических событиях. От житейского опыта не убежишь, но духовные ценности присущие реальному миру осознаются. Как учил Гераклит: «Душа выпаривается из того, что напитано влагой.» Душа берет начало из влажной, твердой земли, царства повседневного опыта. Без этого воплощенного мира не может быть души. Фичино специально развивает эту мысль в своем комментарии на Платоновском Симпозиуме - любовь к возвышенному подпитывается любовью реального мира. Психологическое отношение не случается если избегать неразберихи и проблем, или радостей и удовольствий, обыденной жизни. Также как и облака, психика находится близко к земле, но не заключена в ней. В ней есть влага тумана, чувства и страсть ведущие не просто к действию, а к глубокой рефлексии.

Нагревание, варка, кипячение и выпекание - алхимические процессы, в прямом и переносном смысле. Неосмысленный накопленный опыт можно варить мыслями и размышлениями, пока его тонкие, едва уловимые элементы, заточенные внутри, не улетучатся. Под жаром страсти, сложные, запутанные жизненные проблемы переходят в осознание в форме образов и настроений. Пока человек «томиться» в соусе серьезных затруднений и планов, жизнь может быть менее плодотворной, но ее духовные ценности обретают глубину. В терапии, или в любой другой психологически воздействующей ситуации, все что было застоявшимся начинает кипеть. Дремлющие воспоминания о прошлом выходят на поверхность, а чувства ранее скрытые и сдержанные прорываются. На «горячем стуле» конфронтации с ранее игнорируемыми трудностями, воспоминания и чувства начинают расслабляться и ворошиться. Все, что при попустительстве превратилось в отложения и наносы, вызывая тяжесть и неподвижность, при нагреве алхимическим вниманием становится неустойчивым и нестабильным.

Не раз в психологической жизни кажется необходимым кипятить, печь, запекать, жарить или просто подогреть. Иногда фантазия нуждается в вызревании – тепло и контейнирование. Алхимический сосуд рассматривался двояко и как утроба и как склеп, место рождения и место увядания, но всегда место для контейнирования, вместилище. В нас колба это сосуд памяти и воображения, удерживающий события и фантазии, где

они могут подвергнуться жару страсти и чувств или варке на медленном огне мыслей и помыслов. В этой колбе, событийный ряд жизни распадается, теряя свою реальную форму, но он также подвергается брожению, приобретая вкус, остроту и консистенцию. Хороший повар психики знает лучшие сочетания температуры и времени, когда нужно томить на медленном огне, а когда их нужно закипятить.

Любой маломальский знаток алхимии знает, что не мясо и картошку тушили алхимики в своих печах и пробирках. Их сочетания напоминают варево, которое обычно стряпают дети, смешивая все, что ни попадя. Алхимия начинается с месива, мусора и отходов, алхимическая *massa confusa* (мешанина), где кровавое месиво – это сырье, *prima materia* (вещество, основа) золотой самости.

Эго в этом вопросе небольшой помощник, так как предпочитает чистоту и порядок. Для эго чистота следует за набожностью. Эго тратит львиную долю своего времени и энергии, пытаясь привести в порядок жизнь и подчистить бардак, в котором мы неизбежно оказываемся. Но алхимия – труд, совершенно не связанный с эго, предполагает, что путь к душе идет через беспорядок, не в обход него или мимо него. А еще, по мнению многих алхимиков, если нет беспорядка, с которого нужно начать, уж лучше постараться и создать его. Вам необходимо будет пройти стадию *putrefaction* (очищение), слово, не требующее ни перевода, ни пояснений. Последнее время люди описывают психотерапию как способ «взять себя в руки, собраться» - довольно-таки алхимическое определение. А невозможно взять себя в руки, собраться, если себя не было изначально.

Все это, разумеется, невероятно топорно и нескладно для эго, явно нездорово и вредно. Но даже некоторые медконсультанты и врачи стали замечать, что действительно нуждаются в терапии не те, чья жизнь сплошной кавардак, а те, кто избегает и тщательно прикрывает этот кавардак. Юнг утверждал, что беспорядок необходим для самой психологической дисциплины:

Неспроста раскрытие психики сродни затеванию полномасштабной дренирующей операции. Только такой великий идеалист как Фрейд мог посвятить всю свою жизнь такой грязной работе. Не он был причиной

дурного запаха, а все мы – мы, кто думает о себе, что он честен и свободен от абсолютного невежества и грубейшего самообмана. Так и наша психология, знакомство с нашей собственной душой, начинается во всех случаях с самого омерзительного конца, другими словами, со всех тех вещей, которые видеть мы не хотим.9

Сублимация никоим образом не является разворотом в обратную сторону от вещей отвратительных и тeneвых; наоборот, сублимация начинается с признания этой нижней части человеческой сущности. Именно там, говорит Юнг, и начинается знакомство с нашей душой. Сублимация и испарение фантазий, активизированных в наших беспорядочных жизнях, просто жизненно необходимы для продолжения процессов поддержания психологической перспективы. По мнению многих, очевидно, что целью психотерапии является зачистка беспорядка раз и навсегда, но в терапии под влиянием алхимии, каким является Фичинианский подход, мусор психики всегда будет иметь место, подходящий для культивирования и готовки – вечно присутствующее сырье для созидания души.

Квинтэссенция: Философский камень

Вы можете задать вопрос почему элементы и живые существа порождают существа равные себе по духу, а камни и минералы нет. Они стоят посредине между элементами и живыми существами. Дух в них поддерживается более примитивным материалом. Когда он надлежащим образом отделен и сохраняется отдельным, у него есть способность производить семена, подобные себе, если применять его к определенным материалам одного с ним рода. Алхимики осторожно отделяют этот дух от золота специальной сублимацией огнем и применяют к металлам, чтобы получить золото. Этот дух, правильно извлечен и отделен от золота или чего-то, что Аравийцы называют философским камнем. (Гл.3)

Из глубины высот, мы можем выйти из зловонной фазы putrefactio и перейти к эликсиру бессмертия. В алхимическом представлении не все зловонно и грязно; алхимия стремится к наивысшим возможностям. Как говорит Фичино, философский камень, эликсир – это дух, выделенный из золота или некоторых других драгоценных веществ посредством сублимации. Как только он получен, его можно применять к другим вещам,

размножаясь таким образом. Философский камень (эликсир) также известен как универсальное лекарство и источник вечной молодости. По этой причине философский камень остается тайной из тайн, ключом ко всему психологическому творению. В первой главе «Планет», Фичино говорит больше о философском камне, хоть и называет его «квинтэссенцией», о том элементе духа, что выходит за пределы четырех элементов земного существования:

Не забывайте, что сила нашей души всегда поступает в ее члены через дух, таким образом, сила Мировой Души рассеивается на все вещи вокруг посредством квинтэссенции, которая процветает повсюду в виде духа Мирового сообщества. Она содержится в тех вещах, в которых наибольшая концентрация духа. Мы могли бы лучше впитывать эту квинтэссенцию, если бы знали, как выделить ее, очистить от других элементов. Или же мы могли бы лучше впитывать ее, используя вещи, пропитанные ею – вещи исключительно чистые, как отборное вино и уксус, бальзам и золото, драгоценные камни, миробалан; душистые и сияющие вещи, особенно с тонким ароматом, теплые, влажные и чистые вещи; не только вино, но и рафинированный сахар, или, в частности, золото или запах корицы и роз.

Секрет философского камня на самом деле довольно прост: окружите себя вещами и погрузитесь в занятия, которые имеют наиболее очевидный духовный смысл. Не забывайте, что Фичино считал дух тонкой субстанцией, излучаемой обычными вещами, и на самом деле материалы, которые он перечисляет являются достаточно плотными сами по себе, но и они все источают тончайший аромат или сияние. Так или иначе, он не предлагает поиск духовного развития за пределами обычной жизни, на вершине горы или в монастыре. Самое главное иметь правильное понимание самой жизни. В своем письме к другу Антонио Хивано Фичино сетует, что душа ежедневно продается земному телу, и «по-настоящему живой человек тот, кто живет, сторонясь такой искусственной жизни, хотя бы в своих взглядах на суть вещей.»¹⁰ Бессмертие, дарованное философским камнем (эликсиром) духа – это не бесконечная физическая жизнь или жизнь после смерти, а жизнь за пределами самой жизни, жизнь души, выходящая за рамки личной биографии и пределов стандартного времени.

Можно смотреть на уксус, вино и драгоценные камни будь то амулеты и шармы, для того, чтобы не утратить способность видеть образы духовного измерения вещей, или можно рассматривать их как метафоры всех тех объектов и видов деятельности в жизни, что обладают ясным духовным смыслом. Хотя бы на поверхности, чтение книги может оказаться более одухотворенным занятием, нежели чистка зубов. Фичино рекомендует наполнять свою жизнь занятиями с ясной духовной сутью, а не привносить духовную осознанность в более примитивные виды деятельности. Духовное наполнение, получаемое от художественных произведений, чтения, серьезного разговора, ритуала, празднования, товарищеских отношений, занятий спортом и других «наполненных духом» занятий - уже само по себе является эликсиром жизни, философским камнем, что может изменить всю жизнь, делая из всего пищу для души. Философский камень (эликсир) неуловим, потому как это не вещество, а восприятие. Это по-настоящему панацея, так как это восприятие может изменить все, и оно содержит тайну постижения вечного измерения за пределами всех конечных событий. Философский камень из царства души, не материальная вещь.

Споры по поводу философского камня поднимают вопрос важный для многих психологических направлений сегодня, особенно для тех, что не были пойманы в ловушку эмпирических и экспериментальных фантазий – проблему отношений между религией и психологией. Чаще и чаще психологи проявляют интерес к религиозным практикам, потому как очевидно, что духовные мастера обладают неким глубоким видением и пониманием человеческого поведения и чувств. Трудность состоит в том, что стремление к духу, неоспоримое и необходимое по своей природе, грозит возвратом к старой проблеме материализма. Душа может потеряться в этих высоких сферах чистого духа. Медитация и другие духовные практики, возможно, обладают духом необходимым душе, но они также могут психологически увести нас с истинного пути. Позиция Фичино, будучи в высокой степени духовной, преодолевает эту тенденцию. Он рекомендует искать дух, содержащийся в реальном мире, не за его пределами. Это не витающая в облаках психология, заманивающая многих, в силу того, что духовный полет может увести нас от душевных проблем. В его описании философского камня, он дает понять, что дух можно обнаружить в повседневной жизни, и с помощью эликсира (философского камня) каждый

момент жизни может преобразиться в источник духовной и психологической подпитки. Это было всего лишь сиюминутное отражение его интеллектуальной попытки примирить душу Платонизма и дух Христианства.

И тогда становится очевидным то, что некоторые алхимические принципы играют значительную роль в теории и способах лечения души Фичино. Эти принципы отделяют душу от интеллекта и тела, хотя она связана с ними, другими словами интеллектуализм и материализм. Алхимическое восприятие подтверждает ценность обыденных вещей, как первичная материя для психологической реализации. Под другим аспектом это также демонстрирует имманентную природу духовного, и развитие, происходящее между духовными и психологическими реальностями. Это помогает поддерживать психологическую осознанность, центральное поле, незаполненное пространство для рефлексии и роста, потайную комнату резонанса, и подобно алхимической колбе, театр образов.

Этот очерк об алхимии также подготавливает нас к очень любопытному и увлекательному творческому произведению в психологии Фичино: его психологическое толкование четырех элементов. В данной работе мы найдем дальнейшее одухотворение материи и другие источники для созидания и роста души.

Глава 4. Стихии психики

Прекрасно известно, что крепкое тело питается четырьмя простыми элементами. Так знайте же, что духовное тело питается четырьмя едва уловимыми элементами своей собственной отдельной категории: вино соответствует земле; аромат вина выступает в качестве воды; песни и музыкальные мелодии – воздух; а свет символизирует стихию огня. Дух в первую очередь питается этими четырьмя.

- Планеты, глава 24

Мы увидели, как алхимики попытались трансформировать свое сознание таким образом, чтобы мир, ранее казавшийся непреложным и неоспоримым, поддающийся чувствам, можно было рассматривать как сочетание тела, души и духа. Понять Душу Мира «Anima Mundi» - в сущности, смотреть на вещи психологическим взглядом. Используя фразу Джеймса Хиллмана, некоторые могут «видеть сквозь» сухой внешний фасад мыслей и действий, осознавая фантазии, воплощенные в них. К настоящему моменту должно быть уже понятно, что видеть сквозь вообще-то непроницаемую поверхность вещей - не простое интеллектуальное исследование. Психологическое восприятие отличается от чисто ментальных выводов и заключений тем, что психическим образам и эмоциям отдается ключевая роль. Двойственность и парадокс, множественность значений и незаконченные рефлексии более уместны для такого рода сознания. Психе по сути своей достаточно проста и очевидна, так же очевидна как сон, но язык ее значительно отличается от рациональной идеи, поэтому может оказаться чрезвычайно сложно пересечь глубокую и узкую расселину, разделяющую психологическое от интеллектуального.

Фичино делает ясной неповторимую природу психологической реальности творческим влиянием образа. Он берет за основу четыре природные стихии, классически отождествляемые с землей, воздухом, огнем и водой; и он транслирует это в мир психе, замещая каждый из четырех элементов более подходящим для утонченной природы психе. Эти новые элементы сами по себе являются образами, которые определяют шкалу психологических факторов, обозначая диапазон для психе где-то между простыми материальными объектами и абстрактной идеей. Фичино подводит нас к

тому, чтобы мы представили промежуточный мир, у которого есть свое телесное, но который, очевидно, является более духовным, нежели материальный мир.

Юнгианские психологи знакомы с психологической интерпретацией элементов природы. Они обычно переносят традиционные понятия на психологический уровень. Психологическую структуру личности можно обозначить этими элементами: какой-то из элементов будет преобладать, какой-то будет отсутствовать. Астрологи также оценивают личность по этим элементам, разумеется, так как каждый знак зодиака образно принадлежит к какой-либо стихии: Овен/огонь, Телец/земля, Близнецы/воздух, Рак/вода, и т.д. Тогда психологически, человек может обнаружить перенасыщенность воздухом – наверняка, некто чрезвычайно высокого интеллектуального уровня, переполненный идеями, возвышенными планами, проектами и желаниями без структуры и содержания. Либо, наоборот - человек может быть слишком заземленным – недвижимым, фиксированным, консервативным, практичным и возможно даже недалеким. Эти стихии не обладают абсолютной метафизической значимостью, но как комплексный образ они служат воображению для раскрытия его психологических паттернов. Понимание рисунка этих стихий также иногда помогает прояснить образ, лежащий в основе сновидений. Когда видим во сне воду, например, это помогает рассматривать ее как один из основных элементов, составляющих психический мир сновидца.¹

Подход Фичино схож в той части, где он использует идею применения четырех элементов к психике, но он изменяет психический образ.

Природные стихии	Стихии души	
Земля	Вино	
Вода	Аромат вина	Бахус
Воздух	Музыка	
Огонь	Свет	Аполлон

Выбор Фичино этих новых элементов психики согласуется с другим психическим образом, который он использует. Каждый из них, на первый взгляд, неподвижен и массивен в некотором смысле, но, в то же самое время, излучает невидимые свойства. Вино определено является веществом, но его воздействие ощущается как душой, так и телом. Аромат вина едва уловим, но легко ощутим. Музыка льется из инструмента, а свет четко виден, но оба неосязаемы. Таковы метафоры психологического измерения – мир психологического также реален и ощутим, но точно так же едва уловим, как и аромат вина.

Фичино презентует свои четыре элемента не просто как строительный материал психологического или духовного мира, но и как питательные вещества для психики. Также как и мы вынуждены принимать внутрь и переваривать материальный мир, чтобы выжить, эти духовные элементы должны стать пищей для души, для ее развития и обогащения. И вновь, хоть это кажется элементарной, почти неподвергающейся сомнению точкой зрения, все же широко распространен тот факт, что личные и социальные ценности попросту упускают из виду эти незримые нужды. Превосходным примером выступает образование: в наши дни родители озабочены и активны относительно подготовки и обучения, которые их дети проходят по чтению, письму, арифметике; правительство же озабочено программами школьных обедов. Но как же душа ребенка? Если возникает проблема, внимание уделяется социальной приспособляемости, и в создавшейся ситуации, представить систему образования, напичканную экспертами по процессам души и организованную с целью обеспечения заботы о глубинных психологических потребностях ребенка, кажется просто футуристической фантазией. В этой сфере люди, которых называют примитивными, ушли далеко вперед, устраивая своим детям мощные и действенные обряды посвящения. Язык Фичино и его подход в целом к психотерапии может показаться эксцентричным и изжившим себя; но под его любопытным психическим образом пролегал ценное понимание сути вещей, которое, на самом деле, находит отклик в рамках современного социального и личностного кризисов.

Вино

Глагол, который Фичино использует для описания процесса выпитывания духа из окружающего нас мира «haurire» – пить. В то время как мы занимаемся нашими повседневными делами, мы могли бы, при условии, что мы правильно настроены и «адаптированы», жадно выпитывать пищу для души. Мы уже увидели, что лучший способ это сделать – это окружить себя богатой духовной пищей. Одним из препятствий, стоящем на пути у духа, обескураживающим нашу «жажду» духовной энергии, является сопротивление эго.

В своей самой изящной и строгой концепции, эго является просто на просто силой личности, которую использует индивид. У человека есть желание, и он его претворяет в жизнь. Фриц Перлз, основатель гештальт-терапии, обозначал эго как точку контакта между субъектом и объектом, точку, существующую во времени только на мгновение. Но совершенно ясно, что это гораздо больше, чем просто функция. Смысл «Я» включает в себе также чрезвычайно острое осознание индивидуальности. Возможно, правы Фрейдисты, обозначающие эго как фантазийную проекцию физического тела. «Я», очевидно, содержится внутри единого кожного покрова; мое тело делает меня уникальным и отдельным от других «них» и «я». Главная фантазия эго, как нам всем хорошо известно, кажется, что его основной движущей силой является раздувание чувства уникальности, если не превосходства. То, что Фрейд называл «нарциссизмом», склонность перетягивать внимание и энергию обратно на эго, оказывается такой характерной причиной психологических стрессов, что так и хочется пометить ярлыком «нарциссического эго» самоосознание двадцать первого века. В любви, войне, политике, на фоне вовлечения международных или личных проектов, шепот почти слышен: «Как я? Принят ли я?»

Ограниченная роль эго еще больше усиливается личной историей. «Я» включает в себе все достижения и неудачи прошлого. Мы видим причины существующих проблем в истории эго, и мы озабочены будущим развитием эго. В этой связи, кажется, есть нечто принципиально консервативное в эго, в том виде, в котором мы его знаем. Достаточно легко представить, привычки и повадки раннего возраста остаются неизменными в более взрослом эго. Отчасти, выглядит так, что эго взрослеет гораздо быстрее

физического тела, в результате чего десятилетний мальчик может создавать впечатление старика. Идентифицируясь с личным опытом прошлого, индивид с готовностью блокирует свои возможности, ограничивает свой потенциал тем, что «проверено временем». Вместо того, чтобы приумножить направления развития личной биографии, очень часто эго, нарциссичное и обороняющееся, продолжает путь по прямой и узкой тропе. Немудрено, что эго и душа не в ладах.

Из-за того, что эго является таким нарциссичным и обороняющимся, в случаях, когда появляются феномены из внешнего мира или идентичность более крупного размера, эго может переживать это как насилие и угрозу. Эго противостоит движениям души. Вытеснение руководствуется не просто моральной чувствительностью к эго изменениям, потому как изменение – это смерть закрепленного ощущения «я». Применительно к эго, изменение на самом деле не трансформация, а всего лишь гибкость. Если в душе есть движение по направлению к гневу, а эго-модель не допускает такой эмоции, возникает конфликт, и, разумеется, эго может одержать победу, по крайней мере, на какое-то время. Если есть движение к гореванию, а эго структура выстроена только на силу и «английский характер», тогда дух недоступен для жизни психики. В итоге, оказывается, что эти утраченные духи бессознательно оставляют свой след - в болезни, навязчивостях, позе, выражении лица, одержимостях и сновидениях.

Эго, которое мы обсуждаем, в слишком уж обыденной манере, является не только нарциссическим, но также проявляется как привилегированный пользователь сенекса, образец сознания, который мы обсудим в главе «Сатурн». В самой своей основе, сенекс – это фантазия о царствовании, престарелом управлении королевством, находящемся в состоянии войны. Отношение души к сенексу таково: холодный, отстраненный, консервативный и ригидный. Среди ученых, к примеру, сенексный подход выдает себя в языке: они пропагандируют «строгую грамотность», «безжалостную логику», «жестокый самоконтроль», и даже «интенсивные нагрузки». Но несмотря на то, что «rigor mortis» (трупное окоченение) неразрывно связано со всей этой старческой ригидностью, смертельная твердость так типична для эго, попавшее под такое влияние.

«Rigor mortis» (трупное окоченение) ведет нас к первому питательному элементу духа в Фичиновской схеме – к вину. Несложно проникнуть в этот образ, особенно когда Фичино сам дает нам важную подсказку трактовки элементов. Он разделяет их на двух богов, которых зовет братьями: Бахус и Аполлон. Первый два элемента, конечно же, относятся к Бахусу или Греческому Дионису, богу вина, помимо всего прочего. Дионис умерший и воскресший бог, отражение Египетского Осириса, ему поклонялись как богу загробного мира, богу, чьей главной особенностью, обнаруженной в его мифе и в жизнях его последователей, является расчленение.

Дионис – бог разорванного на куски существования; или же, скажем по-другому, быть разорванным на куски – иметь дело с Дионисом. Дионис – виноград, раздавленный и сброженный, чтобы возродиться в вине, а вино – это бог, входящий в тело и затрагивающий душу. Глубинный парадокс можно обнаружить в природе большинства богов, но в случае Диониса парадокс имеет существенное значение. В Дионисе смерть и жизнь практически неразделимы. Чтобы прочувствовать Дионисийские жизненные установки, провозглашенные и отстаиваемые Ницше, нужно быть разорванным на куски. Эго, затронутое Дионисийским духом, испытывает ступор охмелевшего и муки расчлененного, но это всего лишь стадии в процессе восстановления жизни. Крепкая хватка эго ослабевает. Дионисийский дух вина смазывает окостеневшие суставы. Хрупкая глина, скрепляющая единую личность, растворяется, обнажая внутреннее многообразие возможностей вместе с их очень «не жесткими» свойствами – неопределенностью, противоречиями, расхождением, аморальностью, амбивалентностью и неуверенностью.

Вино, тем не менее, как образ, является ответом на жесткий защитный механизм нарциссического эго. Это делает схожими земные элементы по своей природе, так в мире земного существования, целостность и стабильность формируют надежный фундамент. Но в царстве психического основа должна быть текучей как вино, и у нее нет опоры, нет стабильности и надежности, но разнообразие и движение.

Вводя стихию вина под покровительством Диониса, Фичино четко дает понять, что вакхальные безумства и нелогичность являются основой психики. Но характер Дионисийского сознания многослоен и разнообразен,

и требует полноты и масштабов для выкладки. Можно обнаружить современное влияние Диониса у многих выдающихся авторов: Ницше, конечно же, Норман О.Браун, Карл Кереньи, Уолтер Отто и Джеймс Хиллман, не говоря о других.² Дионисийская модальность, описанная у этих авторов, служит антидотом чрезмерно маскулинному, в частности в случае Аполлона и Сатурна, отношению, которое таким образом приводит его в оцепенение. Сказать «да» жизни без избегания смерти и боли как части жизни, создает перекошенную, андрогинную, эмоциональную, мультимодальную реакцию.

Мотив расчленения в Дионисийском сознании требует гораздо более тщательного изучения, но давайте оставим это для другого контекста и посмотрим более внимательно на образ, созданный Фичино.

Вино, относится к земной стихии, и является телом психики, репрезентирует физические и эмоциональные стороны - тело переживаемое психологически. И вино и его бог довольно-таки длительное время ассоциировались с чувственностью и сладострастием, что идет рука об руку с физическим существованием. Дионисийская телесность, хоть и переживаемая в душе, является атрибутом реального тела, не какой-то там визуальной проекцией тела. Айседора Дункан безбоязненно давала место Дионисийской роли в своей жизни, но она переживала этого Бога как постоянную угрозу ее психическому здоровью; Дионис – это перемешивание души и тела, фонтанирование жизни из ее бурного источника, одновременное столкновение с ужасами и экстазами жизни и смерти.

Тело поистине основной источник творческого воображения психики; и всего лишь наша склонность к визуальному восприятию, что ведет нас, дает надежду на вырисовывание психологического образа в картинках. Полностью прочувствованный образ – это синэстетическое впечатление, если говорить в излюбленных сегодня терминах педагогов по искусству. Другими словами, образ – это абсолютно чувственный опыт: увиденное, услышанное, почувствованное, почуянное и постигнутое внутренним чутьем. Знакомый голос в толпе незнакомцев создает образ самого себя. Эмоция электризует прикосновение руки любимого, создавая образ, не уменьшаемый физическими факторами. Заболеть простудой в конце зимы

со всеми сопутствующими чувствами, лекарствами и воспоминаниями создает комплексный образ, в котором принимают участие тело и душа.

Если человек желает игнорировать некоторые психологические факторы, действующие в его жизни, он может стать абсолютно нечувствительным к своему телу, так как тело является психологическим резонатором. И наоборот, если человек становится более чувствительным к своему телу, тонкие, едва уловимые проявления могут усилить осознанность души. Техники чувственной осознанности гуманистической психологии, если не ограничены только лишь материальной сферой, могут служить как упражнение для усиления психологического восприятия, но чувственная осознанность уж точно приведет нас прямо к образу, не к банальному чувственному ощущению. Чуткое тело полезно не только для умственной активности, такое тело готово символизировать.

Еще одна характерная черта вина, настолько простая, что часто ее упускают из виду, это способность доставлять удовольствие. Фичино считал удовольствие выдающейся и крайне важной способностью души, так как оно выводит душу из привычной рутины. Удовольствие останавливает эго-проекции и выступает в качестве мостика между активностью и созерцанием. Фичино назвал это тремя фундаментальными формами жизни: активность, удовольствие и созерцание; и, несмотря на то, что последнее он считал наивысшей формой жизни, удовольствие идет сразу же вторым. Девиз флорентинцев из Академии звучал: "Laetus in praesens" - «Радость в настоящем». Эта фраза звучит в приветствиях Фичино в его переписке, и эта надпись есть на стенах в Кареджи. Удовольствие, словно бокал вина после тяжелого трудового дня, останавливает мир, подготавливая человека к более чувствительному восприятию тонких нюансов окружающего его мира, соблазняя его к погружению в грезы и рефлексии.

Вахвальное по своей природе, удовольствие вплетается в наши планы и старания. Удовольствие - это остановка, перерыв. Удовольствие подначивает нас обнаружить кто мы есть на самом деле, вместо того кем мы пытаемся стать. Laetus in praesens. Удовольствие выдвигает настоящее на первый план. Откладывая на потом и идя в обход наших прошлых и будущих эго перспектив и планов, оно вносит некий хаос и незначительное

беспокойство, ровно настолько, чтобы вскрыть потребности духа. В удовольствии время замедляется. Отражения в бассейне души оказываются в центре внимания. Удовольствие от ничего неделания создает возможность для более открытой и готовой воспринимать творчество души позиции.

Делать перерыв для удовольствия отличается, естественно, от эгоманикальной погони за развлечениями. Изначально развлечение имело значение «удерживать» - *intertenerere*; потому мы и говорим об «удерживании» идей и установок. Имея общие черты с удовольствием, весело проводить время – пассивно находится в фантазии – футбольной игре или легкой драме, например. Но сосуд развлечений сам по себе обычно отбивает желание к таким движениям, к которым сосуды могут побуждать, это процессы брожения и выращивания. Удовольствие не стремиться забивать голы и достигать, как раз наоборот; хотя, удовольствие является стимулом при этом к фантазии. Что же касается развлечения, во всяком случае, в известном смысле, это способ избегать и не встречаться с душой. Это не означает, что многие формы развлечений, которые играют значительную роль в современном мире, не имеют в себе души; скорее, подход к развлечениям может быть бездуховным. Что интересно, чувства сопровождающие поиск веселья и развлечений, часто могут выражать заботу души о телесном и ее потенциал к беспамятству. Удовольствие пролегает глубже. Оно вскрывает душу, в то время как развлечение заботливо удерживает ее закрытой.

В свою очередь, вино психики предлагает приятное, чувственное, опьяняющее растворяющее на куски материалистическое отношение, тем самым устанавливая фундамент для психологического участия в жизни. Все эти вещи и действия, выводящие нас из буквализма, переориентируют логический ум и ставят на паузу осуществляемые проекты, сотканы из атомов этой винной стихии. В корне психологической перспективы стоит древний бог вина, божество, одновременно заключающее в себе жизнь и смерть.

Букет вина

Пока обсуждали алхимию и образ Арнольда де Вилла Нова «воды смешанной с водой», мы ссылались на факт, что земля, трактуемая как

плотность и буквализм, должна быть расколота, растворена в растворе, как если бы фантазии, застывшие в сухой и скрупулезной деятельности, высвободились в сознание. И вот второй элемент психики по Фичино, идущий в параллели с водой, и также представляющий непрерывный Дионисийский процесс растворения. Букет вина, определенно еще более неуловимый образ, символизирует в привязке к самому вину воду для земли. В этом месте Дионисийское расчленение через чувственность, ощущения, удовольствие и пьянящее безумие (растворение рационального восприятия) выглядит более завершенным, а сознание представляется более психологичным.

Онианс сообщает нам о том, что в классическом Риме верили, что вино это сок жизни; более того, словами Петрония “*Vitavinum est*” – Жизнь - это вино.³ Еще Онианс подмечает, что вино верили, что вино поступает в буквальном смысле в голову, где обитает либо гений, либо дэймон. Их этого следует, что вино было не только источником физического долголетия, но и еще питанием души. У римлян был любопытный обычай натирать храмы вином,⁴ практика, которую Фичино рекомендует в «Планетах». Он также дает совет употреблять вино дважды в день и ежедневно принимать равные порции вина и света, загадочный рецепт, смысл которого может быть очевидным, если рассматривать Аполлонические элементы души.

Онианс объясняет традицию обмазывания храмов вином как способ доставлять вино напрямую к голове, где и требуется, но с учетом образа винного букета у Фичино, можно было бы представить, что наносить вино на голову будет хранить этот букет и вы при этом будете в полном сознании. Пусть даже вино и воздействует на душу, и как говорится, бьет в голову, это все же достаточно глупо. Винный букет больше подходит под описание самой души – невидимый, но осязаемый и действенный.

Если компонент вина является образом таких вещей, которые разбивают наши буквалистские теории и концепции, тогда букет вина отображает те тонкие вещи, которые поддерживают психологическое отношение. Букетом могут являться такие фантазии и воспоминания, которые обрамляют объекты и действия, как благовоние; держа их в уме, мы держимся поодаль от самих реальных объектов. Зная, например, что когда бы мы не испытывали пристрастие к покупке вещей, фантазия которая стоит за этим –

это поиск энергии или ощущения власти или новизны и яркости, тогда бы мы не стали буквально воплощать это желание в том виде, в котором оно предстало в фантазии. Стало бы возможным оставаться на психологическом уровне и реагировать на нужды психики более предметно. Эти нужды больше похожи на ароматы, не такие очевидные и материальные, как реальные поступки. Мазок вина удерживает душу в сознании.

Букеты и ароматы, как нам напоминает Сирклот, являются стимуляторами и символами для памяти, способность души с которой мы постоянно сталкиваемся.⁵ Подобно благовонию цветов или ладана, букет напоминает нам о недавнем присутствии объекта. Объекта больше нет, но есть след оставленный после себя. В людском царстве, благовоние словно впечатление, мысль, или отрывок воспоминания. Если более буквально, объекты обладающие запахом образуют связь с памятью. Общеизвестно, что запахи обладают необъяснимой силой вызывать в памяти давно забытые события. Запах школьного класса может разбудить образы из прошлых лет, или аромат улицы, свеж скошенной травы или сена, или определенных цветов, или даже машин и бензина - все это душистые следы, порождающие воспоминания о забытом удовольствии или скрытых травмах. Определенное сочетание продуктов, приготавливаемых на печи, может быстро перенести нас назад в детские переживания и чувства к родителям, братьям и сестрам.

Открытие ларца личных воспоминаний - это мягко выраженный Дионисийский опыт, который стирает границы настоящего, впуская потерянные пути и надежду на существование. Миры прошлого, даже если они всего лишь текущие фантазии о прошлом, вторгаются в другое настоящее, обнаруживая, возможно, ограниченность наших мыслей в настоящем. Отброшенные ценности, незавершенные ситуации и забытые идеалы возвращаются для опьянения трезвости настоящего. Все эти истории и образы прошлого обладают ароматом, духом и оттенком, которые могут напитывать душу. Они являются запахами психики, букетом, который рождается в результате выдержки и медленного брожения. Они относятся к приготовлению и ферментации в алхимических процессах.

Душа напитывается воспоминаниями, потому что они являются начинкой души. Они события, трансформирующие свой буквализм в фантазию и

чувство. Они по-прежнему имеют силу побуждать душу, потому что, даже в случае каких-то определенных событий, это именно фантазия, в которой мы участвуем, и что движет к психике. И не только личная память придает фантазийность событиям; это еще и «память» базовой модели, которая стоит за действием, и обуславливает чей-то психологический опыт. Если, вступая в брак с любимым, как говаривали, кто-то из всех сил пытается разжиться кротостью собственного сердца и души, тогда это и есть та фантазия, что так умирительна и всепоглощающа. Все эти фантазии текут как потоки сквозь воображение и вызывают чередование психологических переживаний. Другими словами, аромат событий, прокладывает путь к душе, а не конкретика событий. Психологические качества предполагают в определенном смысле смерть буквализму событий. Как мы уже заметили, мир психического – это нижний предел царства поверхностных смыслов.

Греки верят, что психика существует в поземном мире, а в воображении людей обитатели поземного мира это призраки. У.Б. Йетс, пишущий с типично Ирландской чувствительностью к царству приведенных, связывает призраков с ароматом вина, практически напрямую перекликаясь с Фичиновским образом:

Верно, явится вскоре 110

Дух, ибо духи по праву

(Так уж их суть тонка,

Смертью изощрена)

Пьют дыханье вина

Там, где грубому нёбу нужна полнота глотка.6

В этом весь смысл: суть психики так тонка, смертью изощрена, наслаждаясь дыханьем вина, пока мы в наших не психологизированных телах, используя нелепую фразу, предпочитаем полноту глотка. Мы предпочитаем, обычно, простой опыт, или по большей части случаи причинно-следственной связи, пока духи – психика – хорошо напиваются образами и фантазиями. Выходя за пределы дозволенного и обыгрывая образы, можно сказать, что Фичино призывает к возрождению отверженных ощущений, обонятельной осознанности привычно выделяющей «ароматы» этого мира.

Музыка

Дионис и Аполлон братья, о которых Фичино говорил: они оба служат одной цели, которую мы изучили с разных точек зрения – создание психологической перспективы. Но, разумеется, они каждый по-своему совершают этот подвиг, Дионис через прямое проживание физического или фантазийного мира; Аполлон выстреливает на большее расстояние, через более абстрактный, отсроченный процесс.

Третьим основным кирпичиком психологического существования в Фичиновской парадигме является музыка. Музыка занимает важное место во всех произведениях Фичино, которые были в его практике. Музыка в целом считается духовным феноменом, хотя и трудно сказать, почему и как музыка может быть так важна для души. После исследования планет в следующем разделе книги, мы внимательно рассмотрим музыку как фактор здоровья души, особенно как средство успокоения души, поддержания ее полицентричности; а пока что мы рассмотрим несколько общих ремарок Фичино по этой теме.

Так как песня и музыка идут из мысли разума, от импульса воображения, и от страсти сердца, а вместе с разрыхленным и обретшим форму воздухом, движет невесомый дух слушателя, соединение души и тела, музыка легко приводит в движение воображение, волнует сердце, и проникает в самые потаенные уголки души.⁷

Ранее мы могли видеть, что в Фичинианской психологии дух подобен воздуху, даже дух человека невесом. И так как музыка тоже как воздух и проникает и проносится через воздух слушателю в ухо, вполне естественно, что у музыки должен быть легкий доступ к человеческому духу. Но более того, говорит Фичино, музыка еще и продукт разума, воображения и чувства, и поэтому она легко стимулирует все те же способности у слушателя. Музыка очень подходит по ряду причин душе.

Философы, теологи и музыкальные теоретики Средневековья и раннего Ренессанса выделяли три вида музыки: мировая музыка (*musica mundana*), человеческая музыка (*musica humana*) и звучащая музыка (*musica instrumentalis*). Считалось, что первую разновидность музыки создали для

движения самой вселенной: равномерные, медленные и ритмичные движения планеты и звезд, приход и окончание сезонов, и т.д. В том же духе ни фантазировали и насчет *musica humana*, движения макрокосмоса отраженные в человеческой душе. Теологи, особенно Авустинианцы, обозначали человеческие достоинства и другие духовные свойства музыкальными паттернами в человеческой психике. Последней, и наименее важной, выступала *musica instrumentalis*, то, что сегодня мы считаем музыкой, мотивы и мелодии, исполняемые на инструментах или в песнях.

Психологический элемент музыки, о которой мы говорим здесь, абсолютно точно является примером *musica humana*, но чтобы понимать до конца ее значение, нужно будет обращаться к музыке, которая звучит. В одном случае, Фичино был заинтересован в использовании звуков музыки для воздействия на душу. Музыка была еще одним инструментом запоминания и воображения, способом вступить в контакт с душой разными видами духа. Но в другом смысле музыка для Фичино являлась качеством самой души, основным составляющим фактором, наряду со стихией воздуха в природе.

Нам стоит начать изучение этой стихии, подняв вопросы о сути ее природы – чем отличается это искусство от других? Что общего между звуками музыки и душой? Каковы общие черты?

Одна из наиболее ошеломляющих возможностей музыки – это способность создавать многомерный образ. Ранее мы обсуждали синестетическую природу некоторых образов, как они протраиваются из нескольких чувственных впечатлений. Общее впечатление, созданное музыкальным произведением, имеет пространственное и временное измерение, созданное особым духом или атмосферой, высокодифференцированное ощущение движения, и сопровождающее чувство. Также оно, разумеется, обладает сложной структурой, привлекательной для интеллекта. Единственную вещь, которую музыка не продуцирует самостоятельно это визуальный образ, фактор, который имеет и преимущества и недостатки.

Многомерный образ, продуцируемый музыкой, соответствует своего рода фантазии в действии в обычных человеческих ситуациях. В какой бы ситуации мы не находились каждый день, мы отвечаем психологически не просто визуальному впечатлению, но общей обстановке, которая поражает

наше воображение. Два человек в одинаковой ситуации, скорее всего психологическиотреагируют по-разному, потому как, несмотря на схожесть физической атмосферы, они находятся внутри разных образов. Некоторые ситуации, конечно же, создают типичное впечатление на большинство людей: собор и стадион вероятнее всего могут создать единые психологические реакции у большинства людей. Ожидание у кабинета врача помещает душу в многомерный образ: тихо, белая униформа, атмосфера работоспособности и профессионализма, таинственный лабиринт кабинетов и смотровых, блестящие инструменты, ассоциируемые с болью и вскрытием тела, воспоминания о прошлых визитах и проблемах, поток ожиданий – все это вместе формирует образ, воздействующий на душу. Музыка обладает такой способностью создавать многомерный образ и все же отличается от чисто изобразительных видов искусства как живопись и скульптура (учитывая возможность прикосновения к скульптуре). Другие виды искусства, такие как драма и танцы, также создают богатые образы, поэтому нам придется копать дальше, чтобы обнаружить уникальные свойства музыки.

Особенностью музыки является ее способность производить богатые образы без визуального содержания, и так как визуальные впечатления тесно связаны с языком и могут оказаться довольно специфичными, музыка по своей природе не имеет однозначного толкования. Очень трудно, если не сказать невозможно, и даже нежелательно передавать с помощью музыки какое-то конкретный, специфичный смысл или то, с чем соотносится этот смысл. Временами композиторы предпринимают попытку стимулировать у слушателя визуальное впечатление посредством использования названия или подзаголовка или мимики звуков. Психологи тоже используют музыку как средство запуска визуальных впечатлений у людей. Но это схематичное и терапевтическое применение музыки представляет собой только: сделать музыку полезной. Это не является естественной природой музыкального выражения.

Музыка ведет слушателя прежде всего к созерцанию свойств времени, создавая одновременно, по словам Сюзанны Лангер, вторичную иллюзию пространства.⁸ Музыкальные понятия дают нам представление о свойствах проживаемого времени, которое музыка создает и отражает: у музыки есть

движения, эпизоды, мотивы, контрапункты, гаммы и режимы, мелодии, лады, фуги и фантазии. Эмоции ее движения зависят от экспозиций, развитий, реприз, накалов, кульминаций и каденций. В общем и целом, получается, что музыка извлекается из специфического, индивидуального содержания для того, чтобы изобразить кипучий уклад жизни и души.

В музыке есть возможность услышать динамику психологических порывов и почувствовать эмоции, связанные с ними. И тогда музыка обеспечивает своего рода катарсис, как мы обсуждали ранее, способ помочь воображению разобраться и обнаружить порядок или модель в переживаемом опыте. Термины, используемые в музыке, могут быть легко применимы и к душе, в той мере, в какой музыкальная теория сама по себе уже является потенциальной архетипической системой образов для психики. Подобно музыке, жизнь строится из эпизодов и мотивов, а они основаны на более универсальных гаммах и режимах (модели, которые мы будем исследовать в следующих главах), контрпункты и лады наполняют жизнь равно как кульминации и каденции, и наконец, мелодии соответствуют нашим уникальным личным историям – то, что Юнг называл бы процессом индивидуации, построенном на коллективном материале. И трудно сказать, что первично: музыка души или музыка в звуке. В последней мы узнаем музыку предыдущей, или, словами Фичино: «Ушами душа воспринимает определенные благозвучные лады и ритмы, и через эти образы призывается и побуждается рассматривать божественную музыку в более страстным и личным сознанием.»⁹

Фичино размещает музыку в один ряд с Аполлоническими компонентами. Если верить Гомеровскому «Гимну Гермесу», Аполлон научился всему у Гермеса-ребенка. Поэтому музыка, даже в Аполлонических руках является своего рода герменевтической, способ толкования жизни на полпути между слепым опытом и сдержанным объяснением. Но музыка извлекается из конкретного содержания, индивидуального материала души, и является поэтому в достаточной мере в епархии Аполлона, выстрелом с дальним прицелом. Аполлоническое сознание, если не в классическом периоде, то, по крайней мере, в современной литературе, возвышенно, отстранённо от действия для того, чтобы получить более широкий аспект для толкования. Оно отличается от Дионисийского тем, что держится на расстоянии от

конкретики. Но Аполлоническое музыкальное искусство, несмотря на толкование динамических факторов проживаемой жизни, не настолько абстрактное, чтобы оказаться невовлекающим. В этой связи, образ продуцируемой музыкой определенно удивительный, благодаря своей особой способности удерживать внимание слушателя внутри себя. Слушатель не может отойти, как в случае с живописью, и анализировать. Преподаватели и студенты музыкальных отделений применяют это в качестве педагогической стратегии, но даже они, когда по-настоящему слушают музыку, должны быть поглощены ею. Быть в образе, а не за его пределами.¹⁰

Не вся музыка имеет отношение к Аполлону; на самом деле, кажется есть архетипическое соревнование между теми, кто предпочитает Аполлиническую музыку и теми, кто предпочитает музыку Диониса или Пана или другого бога или богини. Музыка Аполлона по природе утонченная и духовная, но несмотря на это волнующая и эмоциональная, и предлагает все психологические преимущества, которые мы рассмотрели. Бах написал кантату на тему борьбы Аполлона и Пана, отражая в тексте и музыке разные характеры этих двух, но в конце концов Аполлон выигрывает состязание и судья объявляет: «Феб, твоя мелодия родилась из самой грации. И тот, кто понимает сие искусство, потеряет себя в нем.» Музыка Аполлона трактует уху нашей души жизненные уклады по мере продвижения во времени, но она увлекает нас внутрь себя, позволяя почувствовать не только разнообразные сочетания музыкального темпа и движения, накал и затухание, но, также чувства и глубоко переживаемые фантазии, связанные с этими движениями. Музыка в звуке встречает себя в музыке души.

Если душа напитана, словно в букете вина, конкретными визуальными фантазиями шаблонов пролегающих под поверхностным опытом, она питается на более высоком уровне духа своей собственной музыки. Если сказать еще проще, мы психологически выигрываем, когда воспринимаем различные шаблоны жизни души, выделенные из содержания. Если мы чувствуем ускорение и замедление ритмов, накал и каденции, резонанс и созвучие, мы психологически напитываемся, так как наше сознание и наше участие в этих реалиях нашей собственной внутренней жизни углубленно и

дифференцировано. Чтобы ощутить этот уровень жизни, мы должны уйти от содержания, от конкретных жизненных проблем и даже конкретных повторяющихся сюжетов, чтобы оценить динамику самой жизни. По этой причине слуховые метафоры более подходящие, чем визуальные, а Аполлиническая отвлеченность, в описанном смысле, играет значительную психологическую функцию.

В письме Франциско Музано в 1473 году, Фичино попытался успокоить своего друга касательно его интереса к музыке и душе. Он писал:

Не удивляйся, Франциско, если мы соединим медицину, лиру и богословское учение. Ты должен помнить о том, что говорили философы, тело и дух в нас присоединены к душе. Тело лечат медицинскими средствами. Но дух, что бестелесен, связь души и тела, смягчает и исцеляет химеру крови духами, запахами, музыкой и песней. И наконец, Анимус, как божество, выхливается таинствами божественного богословия. В то время как природа одна, она состоит из души, тела и духа. Египетские жрецы занимались только снадобьями, верой и таинствами...Удовольствие в настоящем (*Laetus impresens*).¹¹

Психотерапия в системе Фичино включала оттачивание воображения, настраивание инструмента души таким образом, чтобы стать восприимчивым к различным видам духа, имеющегося в определенное время. В «Планетах», в главе, посвященной музыке, Фичино ссылается на музыкальный феномен, назовем его «ответная вибрация». Если две струны настроены на одну и ту же частоту камертона, и одна оттянута, другая тоже будет издавать звук. Так происходит и с душой, говорит Фичино. Когда воображение настроено на разновидности духа, в присутствии определенного духа запускается душа, оживленная этим духом. Человек, настроенный улавливать такие вещи особенно полезные для души, на самом деле получит их. Без воображения мы залипаем в однообразном психологическом состоянии, лишены многообразия духа, душа нуждается в жизненной энергии. Каким-то странным образом, нам просто необходимо быть музыкантами души, со вкусом и хорошим слухом.

Свет

Фичино был чрезвычайно впечатлен небом, соединявшим аркой жизнь днем и ночью; он видел все, что происходило с этим небом; скажем, «в свете» этого неба. Ведь это был свет небес, который по его мнению считался человеческим достоинством. С помощью сопричастности к этому свету, мы получаем знания о природе вещей в этом мире и о нас, потому как свет это знание. В своем эссе о свете (*De Lumine*) он поворачивает эту фразу с разных сторон и дает нам подсказку о том, какова же природа света. Свет разума, пишет он, это разум света.¹² Сначала идет свет, затем наш интеллект, потому как наши способности рассуждать всего лишь сопричастность к разуму более высокого порядка.

Если мы рассмотрим эту фразу в ее обычном порядке «свет разума», мы рано или поздно окончим этот дискурс о компонентах духа в сомнительной пиковой точке человеческой рациональности, едва ли адекватный вывод о Дионисийских мистериях и Аполлинической музыкальной герменевтике. Но подобная ошибка часто допускается в интеллектуальных кругах и среди психотерапевтов. В свете разума, многие считают, что мы избавимся от наших причуд. Но как нам уже должно быть известно из истории, как культурное, так и личное «просвещение» часто рисует одностороннюю картину. Наша западная историческая эпоха Просвещения совершила, возможно, некоторые важные подвижки в гуманизме, и также подарила нам образ человека как часового механизма, образ, который и по сей день используется среди просвещенных специалистов. Тайна и глубина человеческого опыта вычеркнута этим светом, что нависает над нами словно ослепляющая лампа, используемая для запугивания и выбивания признаний у преступников, как показывают в фильмах. Просвещенные технократы без всяких сомнений заточили бы Фичино и ему подобных из-за его бредней в специализированную клинику за высоким забором. Нам также известна узость взглядов просвещенных либералов, претендующих на знание о том, как рационально воспитывать детей, рационально лечить невроз и как рационально обходиться с религиозными традициями. Свет разума озаряет при условии, что он будет, но его мощь, по-видимому, жестко ограничивается. Кстати, есть известная суфийская история о человеке, в поисках потерянного ключа, припавшем к земле в круге света, исходящего

от уличного фонаря. «Вы здесь потеряли свой ключ» - спросил прохожий. «Нет, я потерял его вон там», - ответил человек, «но здесь из-за света лучше видно». Это и есть свет разума, который так многие любят использовать для разгадки тайн нашего мира.

Поэтому Фичино рекомендует нам не свет разума, а разум света, *ratio lucis* в его тексте. Это самый главный элемент психики и ее основная духовная подпитка. Это не продукт человеческого умозаключения, а скорее дар Бога Аполлона, Бога солнца. Его вклад в человечество не просто техническое понимание или даже философское толкование; как раз наоборот, Бог предлагает нам вход в ореол сияния, фантазию света. Психологически, в лучах света мы получаем новое качество понимания, инсайт, проекцию Платоновского эйдоса, видение вещей изнутри. А видение устанавливает взаимоотношения между нами и нашим миром, тем самым мы ощущаем свое место и чувство связи между человеческим эго-восприятием и более глубинными источниками понимания. Качество интеллекта подобного рода, далеко за гранью рациональности, фигурирует в описаниях света у Фичино. Свет небес, говорит он, это образ всего нижеперечисленного: плодотворности жизни, пронизательности наших чувств, несомненности нашего ума и безграничности благодати.¹³ Все это свойства интеллекта, способ переживания осознания. Это дар, а не просто сила мысли. Фичино выделил благодать, слово не очень-то модное сегодня, но передающее нашу зависимость от таинственных даров жизни. Оно отражает дух восприимчивости и покорности, даже несмотря на интеллектуальные достижения.

Мы неоднократно замечали, как Фичино задает в качестве ориентира небесный образ. В его эссе о свете, он в каком-то смысле воплощает этот образ. Он говорит о *lumen*, эдаком трудно определяемом трансрациональном интеллекте, как о *risus coeli* – хохот небес. Он представляет солнце как глаз небес, глаз, передающий истинный дух, подобно взгляду любовника – образ, который Фичино использует в своих комментариях к *Symposium* – или глаза на улыбающемся лице. Тогда, становится очевидным, что интеллект, о котором он говорит, духовной природы, интуитивно подхваченный тонкий намек, нежели вывод выросший из хитрого аргумента или индуктивно раскрытый факт.

Обратите внимание на разницу между сообщением, полученным от другого человека словами, и сообщением, переданным посредством выражения лица или даже искорки в глазах. Последняя является аналогом того типа духовного инсайта, который Фичино призывает нас подхватывать из окружающего нас мира – узнавать искорку во взгляде космоса, означает быть посвященным во все его секреты, его подспудные замыслы и фантазии.

Когда Фичино говорит о «разуме света», он иначе заявляет о том, что мы всегда видели: душа является центром; даже наше суждение участвует в работе психики. За нашими мыслями, или лучше так, пропитывая сам наш разум, и есть фантазии души. Рациональное содержится в психологическом.¹⁴ Если психологическая производная наших мыслей не признается, тогда мы склонны воспринимать идеи буквально, а дух становится зыбучим песком для души также как материализм. Образ света Фичино, проникая на все уровни знаний, срывает в ущерб такой буквалистской перспективе. Можно увидеть, на самом деле, как его образы раскрывают это своими деталями.

В работе *De Lumine* он предлагает несколько разных парадигм, отображающих вертикаль знаний, все между собой связанное. В пятой главе он дает определение свету в следующей манере:

Свет Бога – добродетель и истина

Свет Ангелов – интеллект

Свет Небес – изобилие жизни

Свет огня – пропаганда власти небес

Здесь образ света, принимая различные формы в вертикали, позволяет нам применить процесс, который Джеймс Хиллман называл «реверсией, возвращением в исходное состояние» к нашим мыслям и поведению. Возвращаясь назад, в том же духе, мы можем обнаружить более глубокие психические контейнеры для наших идей и поведения. Свет, происходит из простого, земной огонь отражает простым способом огонь звезд; истоки наши личных мыслей и желаний, возможно, берут начало от более широких

порывов души, к многообразным структурам сознания и привычке размышлять, представленных множеством планет, «пылающих» в ночном небе. Наше сегодняшнее пристрастие к гоночным спортивным автомобилям может занимать свое место среди других желаний, содержащихся в более развернутом стремлении к молодости, которое само по себе может удерживаться в более глубокой фантазии о новизне и начинаниях. Фичино отслеживает этот луч света по всему пути обратно к солнцу, богу солнца, или к Христианскому Богу, где заканчивается дифференциация фантазий и кое-кто просто встречается с самой психической жизнью.

Другая парадигма, в тринадцатой главе De Lumine, более четко показывает это взаимное содержание. «Дух испытывает колоссальное наслаждение от своей собственной ясности и той, что исходит от солнца. Анимус наслаждается ясностью духа и разума. Но, кажется, что это свет и есть разум, просвечивающий сквозь тело, отраженное словно в стекле, и ставшее таким образом видимым.»¹⁵ Здесь мы начинаем движение от солнца к духу, к анимусу, к телу. Мы обязаны оказаться способными увидеть процессы происходящие друг в друге.

В конце концов, Фичино предлагает еще более рабочую вертикаль, состоящую из девяти ступеней, и соответствующую, по его словам, девяти музам Аполлона:

1. Солнце
2. Твердь небесная, яркая благодаря своему изяществу, скрытая от нас.
3. Звезды (видимые) – белые
4. Звезды – красные
5. Звезды – вперемешку
6. Простые, несогласованные мирские вещи, прозрачные
7. Прозрачные мирские вещи, состоящие из стекла или хрусталя, прозрачные, но удерживающие меньше света

8. Сложные вещи, но прозрачные, такие как карбункул, или только маслянистые вещи, удерживающие свет

9. Цвета и цветные образы, которые могут, в крайнем случае, оказаться белыми или черными, или средними, зелеными например.

Ранее в этом эссе про свет, Фичино упомянул, что свет солнца содержит все цвета. По аналогии, все девять перечисленных ступеней содержат свет, но все в разной пропорции и в разной степени восприятия. Всегда, разумеется, помните, так как Фичино упоминал об этом несколько раз, что свет – это интеллект, своего рода знание. Однако, он говорит о том, что существует множество уровней психологического восприятия, и, согласно его теории стихий, воспринимать их означает питать душу. Наше осознание большинства личных и культурных событий жизни, может оказаться более или менее конкретным, так что в каких то случаях мы сожем видеть только пестрые цвета отдельных ситуаций, в других случаях у нас будет возможность глубже воспринимать образы, просвечивающие словно сквозь хрусталь.

Достаточно четко видно, что Фичинианской психотерапии целью является развить Аполлонианскую, ясное прозрение по поводу глубинных паттернов в действии в обычном переживании. Душа сама по себе питается этими глубинными «огнями», нашим признанием душевных свойства, пролегающих глубоко внутри, точно как огни вселенной, погруженные в космосе. Образ света по Фичино поддерживает его психологию глубины. Ближе к концу работы De Lumine, он напоминает, что последователи Пифагора обнаружили священный огонь, пылающий в центре земли – другой огонь и другой источник света.¹⁶ Согласно этой психологии, мы озадачены не только для того, чтобы включить свет разума в темноте, к неизвестному, тревожный феномен, который кажется вторгается в жизнь достаточно регулярно, но скорее для того чтобы обнаружить среди событий и внутри себя причины или паттерны, или семена, как иногда их называет Фичино, этого внутреннего света, этой вечной вселенной и вечного огня.

Аполлонийское движение четко направляет нас вверх к духовному озарению и укрупненным паттернам человеческой жизни – музыкальным порывам души и свету, проникающему в психологическое проживание.

Дионисийское движение ближе к земле, глубоко связано с проживаемой вселенной. Обе перспективы полезны и значимы; недостаточно просто проживать воображением, равно как и недостаточно пропускать уровень проживания и вовлекаться в психологический анализ. Подобно Аполлону и Дионису, это родственные перспективы. Как говорит Фичино: «Я не знаю как, произойдя от Аполлона, мы проваливаемся в Бахуса. На самом деле, мы идем от света к жару, от амброзии к нектару, от озарения в истине к пылкой любви к истине. Феб и Бахус в реальности братья – отдельные лица и спутники» (Планеты, Гл.24).

Если мы намерены открыть архетипическую психологию на основе Фичиновского взгляда на душу, нам придется уделять внимание обеим частям, проживающей и аналитической, понимая последнюю как изучение образов и фантазий на разных уровнях, извлеченных из конкретного опыта. Сплошь и рядом психология выбирает только одного из братьев, делая акцент либо на первобытном выкрикивании и горячем стуле, либо на холодном, интеллектуальном анализе. Ни тот, ни другой, разумеется, не являются категориями Фичинианской теории, так как и в Дионисийской и в Аполлонианской деятельности, психологическая реальность является центром, представляющим наибольший интерес. Опыт сам по себе – плач, крики, вспышки ярости или нежности – и оторванный от реальности самоанализ или теоретизирование, и то и другое избегают душу. Архетипическая психотерапия, как подразумевает уже само название, - это забота об образах, которые пропитывают человеческий опыт. Они могут быть восприняты своевременно или на расстоянии, один в разгар переживания, другой - когда все уже утихло. Оба подхода полезны, оба смещают наше внимание от разума и тела к душе.

Глава 5. Необходимое безумие

Наиболее распространенные представления о психологическом здоровье не более чем перенос из медицинской фантазии о гомеостазе и сопротивлении вторгающимся пришельцам. Психологически здоровый человек - это то, кто смог нарастить сильную психологическую мускулатуру силы эго и воли, а также талант избегания боли и рисков. Хорошее психическое здоровье эквивалентно созданию впечатления социальной и личной адаптации. Мы ожидаем, что все нормальные люди «не теряют голову», всегда сохраняют спокойствие, даже когда на море волнение, а ветры духа достигают силы шторма.

Отдельный психологический спасательный круг можно отобразить диаграммой синусоиды или множества синусоид из синхроимпульса, нежели прямой линией. Только небольшая часть обычного человеческого опыта может уложиться в рамки, строго ограниченные стабильной жизнью; на самом деле, наиболее яркий опыт либо сильно не дотягивает, либо выходит далеко за пределы медианы нормальности и стабильности. «Пиковый опыт переживаний», который изучал и отстаивал Маслоу, может оказаться не всегда уж таким, каким он по его представлению должен быть, но этот опыт кажется важным для оживления жизни, для впрыска необходимого питающего духа. А периоды «упадка» и «тоски» также могут сослужить добрую службу душе, толкая нас к крайностям, где свежий взгляд и измененное восприятие позволят новые духовные открытия.

Согласно часто пересказываемой гностической сказке, душа в процессе рождения человека, спускается с планетных сфер, где она до этого блаженствовала, вполне свободная от материи, и входит в тело. Она рождается в глубокий сон материального мира, словно в огромную взбитую кровать. Здесь душа дремлет, позабыв о своем живом прошлом. И только лишь когда возникают случайные смутные чувства ностальгии и тоски, душа начинает шевелиться и двигаться к своим истокам.

Неоплатонический образ мыслей Фичино знал и ценил данную позицию по отношению к существованию. Он предупреждал о влечении души к телу и материальным вещам. Он заметил, что душа «в слишком крепких объятиях тела сильно отдаляется от той чистоты, в которой была рождена». Другими

словами, достаточно легко жить, как будто физическое выживание и наполнение являются самым главным. Все же, время от времени чувство тоски напоминает о себе – очень важная, хоть часто и остающаяся без внимания, эмоция, именно это чувство может притягивать душу обратно к ее нуждам.² Это чувство может оказаться таким естественным и настойчивым, как инстинкт лосося, по пути обратно к месту нереста, несмотря на то, что цель всегда туманна и неопределенна. Люди говорят: « У меня чувство неудовлетворенности, хотя и нет особых причин для этого». Либо же они транслируют постоянную ноющую боль, беспокоящую тоску. Даже чувство ностальгии может возникнуть в воспоминаниях эпизодов прошлого, Золотого Века в личном прошлом. Прошлое часто служит метафорой подлинности, будь то в аспекте личного прошлого или культурального. Иногда мы обращаемся к воспоминаниям, чтобы почувствовать глубину и обнаружить что-то, что, кажется, было утрачено. Иногда хранимые воспоминания окрашиваются в оттенки меланхолии, оттенок чувств, который Фрейд называл ощущением утраты.³

А то, что потеряно, ее отсутствие, ощущается в такие моменты ностальгии, так это и есть душа, состояние живости, одушевленности и одухотворенности, заполненное анимой (душой) и духом. Душа спит и нуждается в пробуждении. Но сон души поддерживается не только материализмом, но и приверженностью к идеалам здравомыслия и стабильности. Это не только пена материализма, что усыпляет психологическое бессознательное, но также и постоянный, монотонный фоновый шум здравомыслящей, налаженной жизни.

И тогда, из этого следует, что пробуждение души может повлечь за собой некоторое безумие и нестабильность. В отношении того, что обычно считается нормальным и психически адекватным, есть некий психологический потенциал, который хотя бы, в некоторой степени, должен выступать слегка безрассудно. Фичино не затронул в Планетах этот путь к душе, но в своих кратких комментариях к Симпозиуму он учел это, и хоть те образы, которые он использует, очень хорошо дополняют другие аспекты психологического пробуждения, которые мы уже исследовали, все же будет полезно уделить этому немного внимания – теории божественного безумия.

Теория Фичино строится на Платоновских «четырёх безумиях», идея, которая обсуждается и звучит во всей Платоновской традиции. Но вместо того, чтобы сравнивать разные версии теории или резюмировать современных толкователей, соответствуя цели данной работы, делая выдержки и толкование Фичиновской в достаточной мере практической психологии, можно сфокусироваться на образах, которые Фичино использовал для демонстрации этой теории. Интересным пунктом данной теории «мании» является предположение о том, что для того, чтобы выйти за пределы эго проблем и материалистического бессознательного, нам требуются внутренние фигуры, ассоциированные с определенными видами нерационального сознания. Например: поэт, священник, провидец и любовник.

Каждая из этих фигур персонифицирует уклад сознания, в достаточной мере, отличный от обычного эго-сознания, что порой кажется безумным. При этом, нам нужны эти фигуры, констеллированные в нашем сознании; они обеспечивают необходимое безумие. Как я уже говорил, это безумие не то же самое, что психоз, но нам требуется сильный термин для того, чтобы донести иррациональную природу некоторых структур сознания, необходимых для поддержания психологического восприятия. Эго не имеет общих границ с душой. Некоторые состояния сознания выходят за пределы эго-сознания, и поэтому они благотворны для души. Это не имеет ничего общего с существующей в наши дни идеей «состояний изменённого сознания», интереса к медитации и фантазии, и тому подобному. Но, здесь, в Фичиновской психологии, мы находим место и цель для таких нестандартных состояний «ума», не просто для духовного развития в обычном понимании этого слова, и точно не для чистого «развлечения», что могут принести такие состояния. В Платоновской теории безумия, душа свободна от тела и эго, поэтому может быть довольно-таки творческой в этом состоянии. Как говорит Фичино, «многие поэты сочиняют в безумии и после не знают, что они сказали, как если бы Бог использовал их для как музыкальный инструмент».

Тогда, давайте взглянем на четыре вида состояний объективной действительности, обращая особое внимание на дух или атмосферу, которую они обеспечивают психологической жизни и на персонификации,

ассоциированные с ними. Эти четыре состояния представляют четыре источника духовного/психологического питания, четыре состояния сознания, в которых эго обязано научиться отвечать, и четыре психологические активности, необходимые для пробуждения души.

Поэтическое безумие

Целостная душа наполнена противоречиями и разногласиями; однако, является первейшей необходимостью для поэтического безумия, которое посредством музыкальных тонов пробуждает то, что дремлет, через сладостную гармонию успокаивает все, что в смятении, и наконец, через смешение разных вещей, умиряет противоречивые разногласия и смягчает различные части души.⁵

Из этого отрывка сразу же становится видна забота Фичино о душе, а не о поэтическом вдохновении или удачном стихосложении. Его интерес к поэтическому безумию концентрируется на самой душе, психологическом эффекте этого выхода за пределы эго. Он также мало обеспокоен об удовольствии от трансцендентного состояния сознания. Психологически настроенный классический теолог Е.Р. Доддс, отметил в своем эссе «Благословение безумия», что сам Платон не был заинтересован в поэтическом экстазе как таковом. Доддс справедливо советует воздержаться от прославления экстаза и транса ради их же пользы.⁶ Кто угодно может отпустить свой рассудок блуждать и сталкиваться со странными образами; некоторые люди гордятся такой своей способностью, а некоторые стесняются ее. Поэт – этот тот, кто имеет дело с образами: со знанием дела уделяет им внимание, пытается знакомиться с ними, находит способы их вербализации, через них углубляет свое собственное соприкосновение с жизнью. Все это тоже является задачей поэта внутри.

Фичино описывает поэтическое безумие как здоровую реакцию на душу, наполненную разногласиями и противоречиями. Нам следует прояснить, что он под этим подразумевал, так как позже мы обнаружим, что он делает разногласия частью здоровой души. В данном контексте, разногласия означают дефектные настройки, а не своевременное, животворящее отступление от гармонии. Позже мы увидим, что хорошо настроенная душа – это та, в которой архетипические возможности, представленные

планетными божествами, строго выделены и все отображены. Эта душа с обособленными, множественными частями, точно как звуки темперированной музыкальной шкалы. Если какие-то «тоны» отсутствуют или не четко отличаются друг от друга, результатом станет фундаментальное разногласие, дефектная настройка, расстроенный инструмент. Поэтическое безумие успокаивает душу, в частности пробуждая ее дремлющие части.

Воображение оживает через характерное маниакальное состояние поэта, который является одним из множества персон, живущих в психике.⁷ Когда мы оживляем нашего внутреннего поэта, наша работа внимательно отнестись к образам, удерживая их в нашей фантазии, пристально рассматривая их и наслаждаясь ими, приходя в волнение под их воздействием. Под влиянием самого этого процесса душа пробуждается, психологическое мировоззрение начинает обретать форму. Образы, очевидно, являются пищей для способности к воображению; таким образом, по мере возникновения образов и обращения с ними, воображение становится более плодотворным и активным, наделяя чью-то психологию бережливостью и повышенными потенциальными возможностями. Увеличивается шанс добродушного характера.

В, по его собственному признанию, шедевре Толкование сновидений, Фрейд объясняет, что только часть нашей фантазийной жизни переходит в сознание, в то время как другая, большая часть подавлена по моральным соображениям.⁸ Но, такая персонификация души как поэт может быть подавлена только из-за недооценки этой функции. Другими словами, не только наши фантазии как таковые, но и даже фантазия о проявлении заботы о наших фантазиях, нашем поэтическом потенциале, может быть подавлена. В своем комментарии к Симпозиуму Фичино отмечает, что если нижние части души неустанно работают, высшие функции могут практически застыть.⁹ Внутренний поэт, анестезированный во благо функционирования нижних психологических нужд, не способен давать энергию образам, и в результате душа теряет свой темперамент и живость. Мы становимся психологически подавленными (расстроенными) и инертными.

Без доступа к новым образам, мы вынуждены проживать вновь и вновь личное прошлое: его привычки, ценности и сценарии. Если мы стремимся получить помощь в принятии решений, если мы ищем смысл, если мы

ощущаем тоску по глубине, мы обращаемся к прошлым переживаниям. Личное прошлое может создавать иллюзию подлинности, особенно если оно идеализировано или романтизировано. Даже зацикленность Фрейда на семье и детстве, если понимать в буквальном смысле, предлагает скудный ресурс для воодушевления настоящего. Согласно его схеме, существует только один миф (об Эдипе), одна любовь (к родителю), один вид энергии (сексуальная) и один враг (другой родитель). Непобедимое повторение-навязчивость проявляется уже в самой теории Фрейда: постоянная попытка воскресить «маму и папу».

Понятие поэзис психики, меж тем, предполагает, что прошлое является не единственным тайным хранилищем существующих образов. Фантазия выступает неисчерпаемым источником рождения образов, а внутренний поэт может оказаться куда-более креативным, нежели переводить все в семейную историю. Он способен преодолеть очарованность прошлым и обнаружить другие способы создавать образы, структурировать и толковать богатство образов по своему усмотрению.

По описанию Фичино, поэтическое безумие имеет определенный деструктивный аспект: «Самые сильные эмоции души равномерно растворяют и разрушают тело; подобное происходит не только под влиянием аффекта, но также и во время напряженных размышлений.»¹⁰ Подобно алхимическому *solutio*, алхимическому измельчению на атомы и распад вина на частицы, поэтика растворяет тело, которым является, материалистичное, эгоцентричное мировоззрение. Новые образы, данные душе через поэтические грезы и работу, наблюдают за закрепленными образами мира и самого себя, взрывая их, растворяя их, еще сильнее обличая их встроенность. Посредством поэтического безумия, непроницаемые хрупкие раковины смысла, выстроенного и эгоистично охраняемого нами, рушатся и становятся видимыми как сами образы. Говоря иначе, их можно разглядеть насквозь и воспринимать психологически, с позиции души. Это один из способов прочесть восторженное умозаключение Нормана О.Брауна к Телу любви:

Слово внутри слова, неслышанная мелодия, беззвучные припевки духа. Одухотворение чувств, восстановление незапятнанной активности чувств

человека в раю. Сохранение верности земле; но у земли нет иного утешения, кроме как стать видимой: в нас.11

«В нас» относится к нашему поэтического воображению, являющемуся крайне необходимым, если наши слова и миры не должны оставаться на буквалистском уровне.

Для прагматичного сознания эта всепроникающая поэтическая, метафорическая позиция покажется странной, сумасшедшей. Обращение с образами может казаться на поверхности безумием, а эмпирические, прагматические умы могут стать весьма изобретательными и найдут слова, чтобы красочно сказать об этом. Свысока мы можем наблюдать «первобытные» вытанцовывающих образы их предков, осознанно и снисходительно мы можем наблюдать художника, захваченного богемным образом жизни. Но даже такие простые виды деятельности как толкование снов, рисование фантазий, и даже отыгрывание неких тягостных образов – все это может расцениваться как подозрительное поведение. Мои коллеги раньше впадали в легкое беспокойство, если я вел свои уроки посредством длинного, не имеющего ограничений разыгрывания чьего-то сна; несмотря на то, что эти «техники» привычны для религиозных ритуалов от древности для наших дней, как в знаменитых видениях, описанных Оггала Сиу, Черным Лосем.12

Поэтическое безумие стоит на первом месте в парадигме Фичино, так как оно первично в работе психики. Психика выражает себя в образах, днем и ночью. Но имитирование этого определенного психологического направления может вполне выглядеть как безумие; например, в противовес работе эго, образы не линейны и не логичны, они громоздятся друг на дружку и открыто игнорируют рассудок. Поэтическое мышление не приводит к удовлетворительным выводам, а к бесконечному ощущению заглупления. Поэт обычно высоко ценит и восхваляет, в то время как рационалист анализирует и подтверждает. Совершенно точно, что поэт внутри нас безумец, но его усилия незаменимы.

Священническое безумие

Многообразие и разносторонность по-прежнему остаются в душе. Здесь еще добавляется таинство Диониса, которое, искуплением, жертвует и любой формой божественного восхваления, направляет внимание на все части Разума, которые восхваляют Бога. Таким образом, так как каждая частичка души была реорганизована в Разум, теперь душа составляет единое целое из всего множества.¹³

Это второе безумие психики, сконцентрированное на образе священника, поднимает чрезвычайно сложный вопрос об отношениях между религией и психологией. Эта тема для еще одной книги или даже серии томов. Нам придется уложиться в рамки указаний и подсказок, которые дает Фичино относительно роли этой религиозной фантазии в жизни души. Меж тем, мы не собираемся обременять себя теологическими или метафизическими вопросами; это означает, что мы не будем рассматривать религию как некую связь с отдельной метафизической реальностью, а скорее как психологический феномен, как способ движения души.

Если мы представляли поэта фигурой олицетворяющей наш способ взаимодействия с образами, тогда и священник тоже является олицетворением внутренней позиции. Посредством этого внутреннего образа священника мы мысленно подготовлены ухватить сокральность и таинство обыденной жизни и конstellлировать для души тот дух, что в прошлом был доступен через религиозные ритуалы и мифы. Фичино обозначает, что поэтической фантазии недостаточно; в дополнение к работе с образами требуется установление связи с ними, а это фундаментально религиозное действие.

Мне приходит на ум, в основном, применение теории Юнга, предложенной на Терри-лекциях, проводимых в Йеле в 1937 году. Там он дал определение религии как функции психики:

Религия кажется мне характерным складом ума, который мог быть сформулирован в соответствии с исходным применением слова religio, которое означает тщательное рассмотрение и наблюдение за определенными динамическими факторами, которые воспринимаются как

«силы»: духи, дaimоны, боги, законы, идеи, идеалы или любые другие названия, которыми человек наделил те факторы в своем мире, которые он считает сильными, опасными или достаточно полезными для того, чтобы учитывать их, либо грандиозные, красивые и достаточно важные, чтобы им искренне поклоняться и любить.¹⁴

В контексте «священнического безумия» и в соответствии с мыслью Юнга и Фичино, можно сказать, что религия это «тщательное рассмотрение и наблюдение» за фантазиями и образами, раскрытыми поэтическим видением, в том смысле, который мы только что представили в подробностях, из позиции искреннего почитания и любви. Религиозная позиция превосходит простую осознанность работающих динамических образов в опыте переживания; она включает в себя также чувство связанности (*religio*) с ними, осознание их важности, и способы, возможно ритуальные, сохранения их в душе и уме. Мы можем психологически точно таким образом истолковывать многие религиозные практики на протяжении всей истории человечества и по всему свету. Они есть способ удерживания в уме основополагающих фантазий индивидуума и коллективной души и сохранения их имеющей силу значимости. Вследствие этого, и впрямь можно обнаружить определенные объединяющие души: фантазии сосредотачиваются через внимательное и благоговейное эго-отношение.

В этом смысле религия не является просто чем-то, чем мы должны заниматься по воскресеньям или субботам и только лишь в церкви и храме, и не зависит целиком и полностью от веры индивидуума. Религия – это компонент психологической жизни, относящийся к, но отличный от поэтического сознания – возможно, его усиление. Психологически человек может быть достаточно религиозным, несмотря на то, что он ни разу не зашел в церковь или не исповедует какую-то определенную веру в Бога. Именно таким образом стоит понимать Фичино, когда он говорит: почитание «является естественным для человеческих существ, почти также как ржание для лошадей или лаянье для собак.»¹⁵ Во время молитвы мы сталкиваемся с образом, не на расстоянии, а вблизи; на самом деле, мы участвуем в самом образе. Дух, эмоция и воображение передаются во время поклонения в атмосферу и вечная картина, представленная этой особой формой поклонения. Принять участие в богослужении Страстной

пятницы означает глубоко разделить универсальный человеческий феномен самопожертвования, страдания и смерти. За пределами формальных церковных структур, мы также можем глубоко войти в образ, отнестись к нему серьезно, и насладиться его духовные награды.

Наше отношение к сновидениям, например, может быть поэтическим, а может и религиозным. На уровне поэтики, человек достаточно серьезно относится к сновидческой жизни, ведет счет своим снам и пытается их понять. Но следующим шагом будет установление отношений с образами из снов, видеть эти образы в качестве составляющих в некотором смысле психологического состояния и расположения духа. В Юнгианском активном воображении эти образы оживляются и с ними обращаются как с живыми людьми, или вырисовываются акварелью или вылепливаются в глине – разновидность религиозной иконографии. Также как Дева Мария в Римском Католицизме, эти фигуры из сна и фантазии могут вызывать глубокое почитание и наделяться важностью без превращения в идолов.

Фичино представляет свою теорию о божественном безумии в нескольких его трудах, и каждый раз он использует разную лексику.¹⁶ Несмотря на то, что священническое безумие всегда является атрибутом бога Диониса, что ставит его в контексте Дионисийских паттернов в общем смысле, он называет его поочередно “*sacerdotium*”, священство и “*mysterium*”. Роль таинства Фичино проясняет до некоторой степени в письме, написанном в июне 1491 года Пьеро Дивитио. Когда он пишет о четырех видах безумия, он оставляет комментарий конкретно по поводу священнического стиля сознания. «Друвные теологи,» - пишет он, - «определили Дионисийское опьянение как отступление разума (*excessus mentis*), отделенное от смертных вещей, но проникающее в таинственные Мистерии божественности.»¹⁷ Для того, чтобы получить доступ к таинствам души, к тем элементам, которые являются более чем личными, циклические модели души и неразумные пристрастия, нужно пуститься в пьянство, не в буквальное, разумеется, уйти от логики, буквализма, нормы, здравого смысла, и линейных паттернов мысли. Как стало понятно из нашей дискуссии о стихиях, Дионисийские факторы поддерживают жизнь разорванной на куски, разбитой на фантазийные компоненты, а теперь мы

обнаруживаем, что этот Дионисийский процесс делает доступным трансперсональные таинства.

В некоторых религиозных контекстах, таинство является священной тайной, известной исключительно посвященным; умение хранить тайну само по себе уже отделяет последователей культа от непосвященных. Но в период Ренессанса, мистерии считались секретным сводом знаний, сохраненном в высоко символических и таинственных текстах и образах. Фичино и его друзья были очарованы и заинтригованы шифрами и символами, обнаруженными в алхимических текстах, и, на самом деле, они считали эти тексты значимыми именно благодаря таинственной природе их содержания. Кое-кто из предшественников Фичино по развитию «поэтической теологии» тоже был высокого мнения о шифрах и эмблемах. Дионисий Ареопагит, творчество которого изучал Фичино, проповедовал не только негативный путь к Богу, но также и путь божественных имен и образов. Иоахим Флорский еще один блестящий богослов, выражавший свои глубочайшие инсайты в иконографической форме. Никола́й Куза́нский, тоже, представитель самой ближайшей временной эпохи к Фичино, искал имажинистские контейнеры для своих теологических озарений, занимаясь написанием своих книг на изображениях лица и даже на игре в шар (De Ludo Globi) как способом приблизиться к глубинным тайнам. По наблюдениям Эдгара Уинда в его виртуозной книге о тайнах Ренессанса: «Пико [подопечный Фичино] считал, что языческие религии, все без исключения, использовали 'иероглифические образы'; что они сокрыли свои откровения в мифах и легендах, которые создавались для того, чтобы отвлекать внимание большинства, и таким образом оберегать божественные тайны от осквернения.»¹⁸

Истинные тайны души, те постоянные ритмичные движения, что едва синхронизируются с нашими осознанными желаниями и планами, не так-то просто выразить и понять. Психика двигается согласно логике отличающейся от ума, способного рассуждать; таким образом, логично предположить, что рациональная логика не приведет нас к сути этих тайн. Нам нужно уходить от такого вида мировосприятия, как Фичино советовал Дивитию. Он поднимает этот вопрос и в Планетах, в двадцать первой главе он по порядку выстраивает семь планет, отслеживая шаги души, восходящие по пути

обратно к своему дому. Седьмой и самый высокий – Сатурн, представляет «простое и скрытое знание, отрезанное от движения, сопряженное с божественными вещами, управляемое Сатурном, которого Иудеи заслуженно называли `Тихим` – Шабат.»¹⁹ Чтобы сполна познать тайны глубин души, необходимо отстраниться от повседневных дел и привычного образа мыслей. Требуется состояние осознанности или взгляда пристального к вечному, нежели к мирскому.

Кереньи сделал кое-какие наблюдения относительно тайны, что может пролить свет на психологическую роль религиозного отношения. Тайна для греков пятого века, говорит он, заключалась в атмосфере ритуальной ночи, и концентрировалась, возможно, в курениях горящего фонаря. Если вспомнить аромат вина у Фичино, наше обсуждение многомерного образа, и, возможно, личных переживаний ритуалов, ставших захватывающими и запоминающимися именно благодаря «атмосфере». В греческой религии, по данным Кереньи, не было «серьезного намерения сохранять тайну. Религиоведение показывает нам, что в тайных обрядах, обнаруживается тот же вопрос, по словам Гёте, в самой природе: сакральная открытая тайна.»²⁰ По мнению Кереньи, все, что было скрыто - *arreteon*, невыразимое. Это являлось секретом не потому, что не должно было быть произнесённым, а потому что не могло быть произнесенным. И лишь последнее превращало эту открытую тайну в *arorreton*, тщательно хранимую тайну.

В Фичинианской психологии можно смешивать эти два толкования тайны: сакральные открытые тайны природы, окутанные таинственными образами в мифах и ритуалах. Но цель туманного образа, возможно, не скрывать тайны; образы сами по себе являются лучшим, если не единственным способом достойно удерживать секреты. Сновидения, казалось, являются выражением тайн психики. Фрейд сделал предположение о том, что главной причиной спутанности образов в сновидениях является вытеснение. Снотворчество прячет истинное, рационально постижимое содержание сна, чтобы защитить сновидца, в крайнем случае защитить его сон. Юнговский подход к сновидениям более близок позиции Кереньи по поводу религиозных мистерий. Сны содержат сакральные открытые тайны, не вытесненные через образы, а содержащиеся и открывающиеся нам через образы, эх, если бы только мы больше понимали образы.

Тайны, раскрываемые через Дионисийское, священническое осознание являются вечными паттернами психики, стороной души скорее богоподобной, нежели человеческой, и тем не менее через ритуал устанавливается связь между личным сознанием и циклическим паттерном. И снова словами Кереньи, «одна лишь культовая репрезентация может возвести мое переживание до всеобщего таким образом, что оно так и останется моим личным: моей невыразимой тайной, которую я разделяю со всем остальным человечеством.»²¹ Если выразиться другими словами, если индивидuum способен обнаружить выход за рамки логической мысли и прибывать там достаточно долго, чтобы понять совершенно другой язык образов, он может начать воспринимать таинственные направления, которые выбирает психологическая жизнь, и сможет установить связь с этими подвижками. Таким образом, религиозное опознавание побеждает ощущение отчужденности и смятения, которое может испытывать человек, отрезанный от ритмов своей души. Религиозная чувствительность в этом случае играет роль связки не с другим метафизическим миром, а с часто пренебрегаемым измерением внутренней жизни.

Юнг считал, что внешние религиозные формы, такие как обряды и литургии, могут оказаться весьма важными для души, так как в этих формах душа вступает в близкий контакт с ее глубинными тайнами. Проблема здесь в одном, как правило, в буквализме – заикливание на одной только психологической точке зрения, из-за чьей-то ограниченной природы религиозного воображения. Психологический взгляд на религиозную чувствительность, слишком кратко изложенный в этом разделе, также может говорить по существу проблемы тех, кто больше не может проповедовать сухую веру в религию времен своего детства, но по-прежнему в состоянии оценить значимость религиозной осознанности. Мир психики может оказаться лучшей площадкой для создания связей с трансперсональным.

Пророческое безумие

Так как отдельные части души были реорганизованы в Разум, душа на сегодняшний момент стала единым целым, состоящим из множества. Но все же требуется третий вид безумия для того, чтобы привести ум обратно к самому Единству, голове души. Аполлон осуществляет это через

пророчество, дабы, когда душа возвышается над Разумом в Единстве, она смотрит в будущее.»²²

Третьей значимой фигурой души, привносящей свой собственный вид мании, является пророк. Следуя Фичиновской схеме, мы можем представить пророка внутри, того, кто смотрит далеко в будущее и предсказывает события. Нет никаких сомнений, что это и вправду, удивительная фигура воображения и без сомнений лежащая в основе некоторого успеха астрологии в наши дни. Гадание на кофейной гуще и внимание к зудящим ладоням это совсем не то, что было на уме у Фичино касательно психики, но, очевидно, увлечение будущим является связующим для всех этих проявлений пророчества.

В своем эссе касательно божественного безумия Фичино четко дает понять, что, когда он говорит о пророчестве, которое сам называет *vaticinium*, он вовсе не имеет ввиду последовательные гипотезы о будущих событиях. Если человек предсказывает будущее, он говорит, из «человеческого ума и озарения», что на самом деле не является истинным пророчеством, а всего лишь догадка и предчувствие.²³ Истинное пророчество требует отделения души от тела. И теперь, мы попытаемся понять, что это за отделение такое.

Прежде чем мы взглянем на более тонкие аспекты данной теории пророчества, актуализируем ее, так сказать, мы должны отдавать себе отчет в том, что Фичино верил в пророчество весьма догматично. Кристеллер собрал воедино некоторые исторические факты, весьма многозначительные. Он отмечает, что Фичино был особенно впечатлен пророческими силами своей матери, которая, например, предвидела смерть и несчастные случаи среди своих родственников.²⁴ Его отцу тоже однажды во сне сообщили об опасно больном пациенте. Фичино сам в какое-то время был серьезно болен, пока не узнал из сна о своем выздоровлении. И, разумеется, Кристеллер упоминает как часто Фичино прибегал к астрологии для прояснения самых заурядных ситуаций, как например, определить наилучшее время для начала строительства здания. Несмотря на то, что его язык часто достаточно абстрактен, и возможно даже анахронистически имажинистским, Фичино явно проживал свои взгляды через самые оккультные крайности. Все это укладывается в его

психологическую точку зрения - охватывающую как теоритические, так и практические вопросы.

Возвращаясь к теории: до того, как Фичино наметил теорию четырех видов безумия в своей работе по Платоновскому труду *Symposium*, он говорил о многообразности души: «Так как она вошла в тело,» - говорит он, - «она разносится на многие функции и оглядывается на бесконечную многообразность материальных вещей.»²⁵ Тогда верхние части души дремлют и нуждаются в пробуждении поэтическим сознанием, вниманием к фантазии. Как мы уже убедились, после этого психика требует религиозной привязки к этим фантазиям. Теперь «объединяющая» функция пророчества - это оттащить сознание подальше от умерщвляющей множественности отдельных действий и ситуаций к видению, которое выходит за пределы линейного дискретного времени. Душу нужно перенести во главу, как говорит он, где категории времени больше не ограничивают. В отличие от эго провидец внутри видит вещи совсем иначе, это и есть эго безумие. Эго перспектива так размывает время, что прошлое кажется ближе к будущему, а будущее не такое уж неожиданное. По словам Фичино, «Умы всех тех, кто искал в разных местах и постиг три части времени в одном, если отделил себя от тела.»²⁶ Если удерживать в голове, что отделение от тела означает уход от материалистической и буквалистической позиции, тогда подобные заявления имеют смысл. Речь идет о том, когда мы концентрируемся только на конкретике, физической реальности, которой мы так захвачены в категории времени, что видим события как обособленные и последовательные. С профессиональной точки зрения, шаблоны всплывают, подмечаются повторения, и даже можно увидеть мельком будущее развитие событий.

Увидеть три части времени в одном значит увидеть вещь в перспективе безвременья, увидеть ее свойства без прямого воздействия времени. Душа направляется к своей «голове», туда, где мир существует в семечке, в исходных и вечно-повторяющихся образах, историях, желаниях, надеждах и страхах. Видение пророка направлено скорее внутрь, нежели вперед. Мы пророки, когда замечаем эти основополагающие фантазии, которые мы непрерывно разыгрываем, и когда мы видим, насколько прошлое населяет настоящее, не как причину, как хотели бы от нас многие психологи, а как

отголоски системы, которые никогда не проходят бесследно. Когда мы лучше узнаем ритмы и образы души, нашей личной внутренней жизни, только тогда по-настоящему таят границы времени, а мы можем оставить наши лихорадочные попытки искоренить прошлое и построить новое будущее. Внешние обстоятельства явно могут изменить, некоторые потенциальные возможности оттачиваются и становятся ярко выраженными, и своего рода рост имеет места быть в жизни любого человеческого существа;²⁷ но отсчет времени психики медленнее, чем у эго, его курс не так уж прямолинеен. На протяжении жизненного пути случаются многочисленные петли, случается много повторений, повторяющиеся шаблоны втекают снова и снова, возможно, в более коварной, но, тем не менее, в узнаваемой форме.

В свете непреодолимого пристрастия многих к сверхъестественным силам, разговор о пророчестве в наши дни в таком серьезном тоне может звучать абсурдным или даже опасно дезориентирующим. Но, все же, это великолепный образ, при условии правильного толкования, отражающий подлинную потребность души даже в наши дни. Взгляды мужчин и женщин современности мечутся между часами и календарем. Время въедается в сознание, словно вклеенное неонном во всем, что нас окружает. Формируя психологическое мировоззрение, весь смысл психологии, которую мы развиваем здесь, неизбежно заключается в изменении восприятия времени. Принципы души подчиняются другим часам. Эпизоды психики наслаиваются один на другой, таким образом, что модель, которую мы, возможно, разыгрывали в последний раз много лет назад в детстве, может проявиться в споре уже зрелых супругов. Это не означает, что прошлое, в особенности детство, определяет будущее; просто, шаблон может быть такой же, накатывающий как огромная волна на пляж.

Парадоксально, но нам нужно представить, что пророк это некто обладающий прекрасной памятью, применительно и к прошлому личному опыту и шире, к основным человеческим циклам. Его память хранит мифы и доисторическую эпоху, потому как эти истории на все времена. Обычно, в традиционных историях, провидец слеп как Тиресий, к внешнему миру, но обладает стопроцентным зрением для внутреннего мира. В современном мире такая внешняя слепота проявляется в видеоизмененной форме как

рассеянность, пусть для пророка нет причин отвергать профессиональную персону в нас. Дело в том, что если кто-то обладает психологической смекалкой подобающей провидцу внутри, его пронизательность направлена внутрь и в некотором смысле в прошлое – зная о прошлом, как о сокровищнице нетленных шаблонов. Природой такой способности заглядывать в прошлое был очарован Мартин Хедеггер, когда писал о Софокловской Антигоне. Он говорит о «великой мощи и странности» начала истории, делая заключение о том, что «все, что появляется на свет позже, не является развитием, а выправлением результатов в отличие от обычного распределения.»²⁸ Я бы не стал здесь интерпретировать Хедеггера слишком буквально, потому как, например, пятнадцатая влюбленность не может так уж сильно отличаться от первой. Но, видение этой фантазии в действии во всех этих эпизодах, вполне может стать откровением о «мощи и странности» фантазии.

Эти необычные факторы в пророчестве, заставляющие его выглядеть как безумие, сильнее всего проявляются во снах – распространенный феномен среди провидцев. Как и следовало ожидать, Фичино проявлял дюжинный восторг относительно сновидений. Об индивидуумах, которые обычно живут по законам психологии, он пишет: «Пока эти люди не дремлют, их Души свободнее (от тела), нежели души других, а пока они спят, (их Души) освобождаются полностью, поэтому они легко воспринимают высший импульс.»²⁹ В сновидениях категории времени явно распадаются. Во сне мы можем выехать на прогулку с двоюродным братом, что умер десять лет назад и с молодым человеком, которого повстречали вчера. Буквальное значение для эго, привязанное ко времени, кажется, отслаивается во снах, и только лишь значение для психики остается. Во снах именно сами паттерны психической жизни являются взглядом нашего провидца, сталкивая нас лицом к лицу с «мощью и странностью» наших собственных семян, хранимых в «голове» нашей души, где танцуют наши ночные видения.

Эта одна из множества причин почему внимание к сновидениям может являться жизненно важной частью психологического пробуждения: три части времени справились воедино. Этим также можно объяснить и любопытную способность сновидений углубляться в будущее, а также ту страсть и увлечение, которые испытывают многие к вопросу снов и

предсказаний. На самом глубинном уровне, прорицание - это видение из наивысшей точки, это есть дар бога Аполлона, говорит традиция и Фичино. Это взгляд из небесной точки, откуда можно узреть циклы, которые обеспечивают материал для нашей индивидуальности.

Таков последний пункт, которым я хочу завершить тему пророчества, опять же следуя Фичино: в пророчестве мы обнаруживаем себя в своей уникальности. Психология часто двигается в направлении к личной истории, либо привязываясь к причинам проблем в настоящем, либо строя планы на будущее безоблачное житие-бытие. Но оба эти подхода никогда по настоящему не удовлетворяют, так как не существует такого убедительного или действенного причинного объяснения, а трудности, кажется, не прекратятся никогда. Исследуя масштабные паттерны, кто-то может заметить ритмично повторяющиеся в личной жизни, или инвестирующие образы всплывающие во снах и фантазиях, на поверхности может показаться, что они удаляются от индивидуальности, но на самом деле, они действуют как раз наоборот. Так как этих возможных паттернов так много, а комбинаций этих паттернов несметное количество. Установление связи наших эмоций и поведенческих особенностей с их циклическими фантазиями воодушевляет глубинное чувство самоощущения себя как индивидуума. А кто-то обнаруживает для себя то, что действительно имеет значение, независимо от того, какую форму они принимают, когда вступают в действие.

Эдгар Уинд резюмировал эту точку зрения немного более философски, сравнив два взгляда – Фичино и его ученика Пико делла Мирандола. Пико говорил о двух видах счастья: естественное счастье или находящее следы божественного в самом себе; и высшая форма счастья, растворения себя в Боге. Уинд делает действительно ценное наблюдение: «Фичино всегда придерживался той позиции, что обе разновидности являются одним и тем же, потому как верил, что только лишь возвратившись к Богу человек может достичь «не выпадая из себя». Так как трансцендентность являлась реставратором эффекта присутствия, человек должен обрести, а не только потерять, себя в Боге.»³⁰

Без такого пророческого ощущения собрать части времени пред нашим внутренним взором вполне может оказаться «выпадением из себя», познав

тоску и смятение поверхностного опыта, и ощущая шрамы, оставленные после конфликтов между глубинными порывами и поверхностными ожиданиями. То, что мы обычно называем реальностью, может восприниматься и как сон: место слияния разных времен и мест, множество лиц и голосов, и странный сплав обещаний и сожалений. Оглядываясь на сон часто тяжело понять имеет ли он отношение к текущей ситуации, переживаниям прошлого или страхам и надеждам на будущее; как правило, сон может быть фоновой декорацией из образов для того, чтобы обратить внимание на все. Сон как-бы удерживает все нюансы пережитого в жизни внутри себя, словно внутри облака – кусочки проплывают, вытекая из обстоятельств, соединенные между собой некой внутренней логикой. С точки зрения глубинной психологии, личный опыт, равно как и культурное развитие человека допускают все эти характерные особенности сна. Мы можем зреть сердцевину проблемы, или согласно образам Фичино голову, если меняем угол зрения, «видя насквозь» обычные ячейки времени, осматривая взглядом провидца прошлое и будущее, динамичную экономику души.

Глава 6. Зодиакальные образы

Несмотря на то, что мой интерес к астрологическим выводам Фичино обусловлен в основном стремлением вернуть более адекватную психологию, нежели редуцированную научную от влияния которой мы сегодня страдаем, все же, меня также беспокоят нападки ученых на формы образов, которые пролегают за пределами парадигмы науки. Слишком часто эти нападки являются прямым вмешательством в само воображение.

С другой стороны, разумеется существует риск распространения народной астрологии, просто потому что в провинции существует тенденция к суевериям. Многие удовлетворяют страсть к тайне, загадке с поверхностными заклинаниями замысловатыми ритуалами и интригующими толкованиями астрологии; или удовлетворяют потребность быть свободными от выбора и ответственности – поддаться влиянию планет; или, наконец, тешат свое эго, ставя во главу космические события и протраивая новые фантазии относительно личной судьбы.

Перед тем как отказаться от астрологии, все же с заведомо предусмотренным отрицанием эго, возможно, будет полезно рассмотреть какова психологическая польза в популярном увлечении астрологией. Или, если "польза" слишком сильное слово, мы, по крайней мере, смогли бы исследовать фантазии, стоящие за этим повсеместным очарованием звездами.

Солнечные знаки: Теология благодати

Обсуждая один из знаков солнечной системы на коктейльной вечеринке, я обнаружил знаки Рака и Льва на стаканах, полотенцах, браслетных шармах и нижнем белье, что сделало слегка «уплощенными» тайны этих древних символов. Но даже причудливые узоры из фантазии, какими бы плоскими они ни были, и сама фантазия, стоящая за солнечными знаками и планетами намекает на иного рода оставшуюся без ответа нужду.

Были времена, когда многие из нас жили в фантазии о теологии благодати. Мы верили, что во вселенной были «колесики в движении», которые угрожали нам катастрофой, но и в то же самое время сулили редкий дар с

небес. Веруя в благодать, мы возлагали на себя позицию восприимчивости, взаимодействия, благодарности и зависимости. Описания религии в девятнадцатом веке у Шляйермахера в первую очередь с точки зрения ощущения зависимости до сих пор трогают за душу, и кажется, попадают в самое сердце религии. Но в современном мире, где наука и технологии не просто изготавливают чудесные инструменты и электронные устройства, но также создают воображаемые миры смыслового содержания, это чувство зависимости и благодати исчезло. На ее месте появилось узкое открытое окно статистической вероятности. Мы должны быть одними из тысячи, чтобы прожить здоровую жизнь или наслаждаться счастливым браком. Но мы более не можем с уверенностью молиться о такой благодати или чувствовать, что у нас есть какая-то опора помимо той, что мы строим и поддерживаем. Даже в философии экзистенциальный реализм, предупреждающий нас о том, что мы сами создаем свой рай и ад, разъедает это ощущение благодатного бытия.

Но если мой знак Овен, я представляю, что волею судьбы за пределами моей собственной власти, у меня будет желание и силы, чтобы добиться успеха в жизни. Я не знаю этого наверняка, и на самом деле даже знаю, что это не правда, но, даже принимая астрологию всерьез лишь наполовину, я могу фантазировать и впоследствии чувствовать, что нечто во вселенной работает на меня. Астрология становится слабым остатком ранее глубоко переживаемого полагания на благодать. Возможно, Бог уже исчез с небосвода, но этот полог бесконечного пространства, раскрывшийся и ставший более просторным благодаря науке, по-прежнему захватывает меня и несет часть моей судьбы.

И хотя, чувство, стоящее за причудой определения созвездия и управляющей планеты часто является распространенным и мешает жить жизнь в более широком контексте, популярная астрология, та которую печатают в газетах и которой занимаются профессиональные астрологи, очень далека от удовлетворения этого желания. Сама по себе астрология является лишь индикатором фантазии и в лучших руках частично инструментом для выуживания на поверхность глубинного желания и чаяния. Тем не менее, как я уже сказал, мой интерес заключается в использовании астрологии эпохи Ренессанса как источника для углубления

современной психологии, я все же считаю, что ритуал астрологии как таковой, вообще-то, ни в коей мере, не являющийся ни необходимым или даже важным, может сослужить полезную службу для исследования фантазий и жизненных сценариев.

Кроме того, создавая в индивидууме чувство связи с большим миром, миров, который скорее внутри, чем извне, астрологические образы также важным образом создают индивидуальное уникальное творческое сознание. Натальная карта, например, определяет идентичность образами, которые простираются далеко за пределы эго, но это также подчеркивает уникальность пространства и времени чьего-то рождения. Ранее мы видели, что Фичино рекомендовал начинать исследование психики через прочувствование собственного даймона и судьбы. Этот даймон может обнаружиться в планете из гороскопа, но карта также полностью включает образ уникальной индивидуальности. Единство – это не просто созвездие космических факторов, единство – это человек, на земле, с культуральными особенностями, определенными временем и местом. Учитываются и непреходящие, и временные условия человеческого опыта; более того, в настоящем астрологическом сознании, человек одновременно осознает свою уникальность и его общее наследие.

Как я уже ранее упоминал, проходя процесс сбора информации для гороскопа, составляя карту, запоминая положения и аспекты, и разрабатывая ее, толкование может стать искусством запоминания, работой воображения. Конкретный процесс порождает значимые фантазии: исторические и семейные условия на момент рождения, родители и родственники, город и дом рождения, и ранние годы. Качества всех этих факторов усиливаются, если смотреть через призму планетарных конфигураций, домов и знаков. В некоторые моменты жизни это может стать довольно-таки полезным опытом для проживания этого ритуала, чтобы получить еще один психологический портрет себя. Это определенно будет иметь большую истинность и большой творческий потенциал, чем психологический, статистический инвентарь.

Серьезной психологической опасностью в астрологии, опасностью обнаруживаемой во всех религиозных и оккультных системах, является искушение потерять душу в духовном буквализме. Вместо использования

астрологии в качестве мнемоники, люди начинают «верить» в астрологию, и такая вера выносит это искусство фантазирования из царства метафоры. «Верующие» тогда должны принимать жизненные решения – от покупки одежды до женитьбы - в соответствии с планетами, вовсе не для того, чтобы не давать угаснуть творческому потенциалу, что являлось бы психологическим движением, но для того, чтобы быть успешным в физической жизни. Дух и тело служат друг другу, но души между ними нет.

Когда мы читаем у Американских индейцев или в Кастанедовском «Дон Хуане» о благодарении земли перед тем, как вынуть из нее овощ или цветок, эта практика может поразить настроением, которое она создает. Целостная фантазия связанности с природой порождается этим простым ритуалом. Но если целью этой небольшой молитвоподобной подачи является получение лучшей еды, мы обнаруживаем дух, обслуживающий живот. Это же истинно и для астрологии. Она может быть очень эффективным орудием среди множества и для некоторых людей для подпитки воображения некоторыми способами присущими для нее; но если фокусом не является душа, тогда мы зря теряем время с чрезвычайно модным фундаментализмом и еще дальше удаляемся от психологического, обогащающего душу опыта.

Планеты души

Называя астрологию скоропроходящим увлечением, аппаратом воображения, и фундаменталистской духовной практикой, позвольте нам сейчас отказаться от конкретного ритуала и сконцентрироваться на метафорической ценности астрологических образов. Обращаясь к образам астрологии, но не пропагандируя практику, нам возможно удастся раскрыть при других обстоятельствах не дифференцируемые грани психологических процессов. Давайте исследуем фантазии, стоящие за Фичинианской астропсихологией, не высмеивая его причудливый образ жизни.

Фичиновская позиция относительно астрологии была амбивалентна: он не раз письменно высказывался против астрологов, но его труды пестрят аллюзиями на астрологию, а Планеты и подавно являются фундаментально астрологическим трактатом.² В письме Бембу в 1477 году Фичино использует игру слов, чтобы поставить астрологов на свое место: «С тем же

старанием, с которым астрономы измеряют небо [metiuntur], астрологи выдумывают пустую ложь [mentiuntur] о человеческом бытии».3 Но, как мы уже заметили, Фичино обращается за советом к небесам, когда строит объекты, когда врачует и когда создает образы. Он также видел общую тяжесть его собственной жизни, отмеченной влиянием Сатурна в его гороскопе.

С одной стороны Фичино теоритически разрешает очевидное противоречие в его позиции касательно астрологии, и это дает нам возможность самим сформировать подходящую точку зрения. По словам Кристеллера, основной принцип Фичино заключается в том, чтобы высшие существа имели власть над стоящими ниже. В Фичиновской иерархии вселенной, планеты и звезды выше, чем человеческое тело, но не выше разума. И тогда, они могут оказывать влияние на тело, но не властны над высшими способностями. И на самом деле, Планеты – это книга в которой говорится, прежде всего, о телесной заботе, хотя душа никоим образом не игнорируется.

Подобным же образом, когда мы представляем планеты внутри образами глубинных паттернов и основных аспектов психологической жизни, мы не рассматриваем их как метафизические структуры или как определяющие факторы человеческой жизни, согласно традиционным взглядам о неизбежном влиянии небесных планет. Наконец-то чувствуются движения психики. Очевидно, что не эго инициировало их или контролирует, но нет нужды оборачивать эти субъективные переживания в самодостаточные структуры. В этом случае психология становится интернализированной теологией, еще одна двухярусная вселенная вывернута наизнанку.4 Юнгианцы предпочитают обращаться к архетипу Самости,5 например, в качестве метафизической оси, удерживающей психику в балансе, но планеты и архетипические фантазии личности являются, если в какой-то мере толковать Фичино, образы, которые двигают душу без обмана разума. Мы можем познать эти образы без разрушения их силы, которая психологически движет нами.

Адаптация и упорядочивание

Во второй главе Планет Фичино описывает мир как нечто живое, как животное, и в этом полном жизни теле нижние части извлекают пользу из

верхних членов. «Чем мощнее источник,» - пишет он, - «тем быстрее он действует, и более склонен отдавать. Таким образом, если мы сделаем мизерные дополнительные приготовления, этого будет достаточно для получения небесных привилегий. И если адаптироваться [seacommodet]к этому [наивысшему миру], то ему он особенно подчинится.»⁶ Адаптироваться означает, как раньше мы уже отмечали, подвергать себя материальным вещам, богатым на тот дух, который нам требуется. Фичино выражает этот целый процесс следующим образом. Планеты – это источник различных видов духа, необходимого для подпитки души. От планет идут лучи, достигающие земли и поглощаемые объектами, либо естественным образом, либо посредством человеческого вмешательства – создаются образы, например, наглядно соответствующие определенному духу. Если жить с мыслями о душе, мы бы занимались нашими ежедневными делами с особыми стараниями, чтобы раскрыть себя – адаптироваться к подходящим объектам.

Первым делом разовьем эту мысль, обратив внимание на личное Фичиновское описание планетного сияния:

Лучи запечатлевают чудесные оккультные силы в образах, также как и в других вещах. Но они не безжизненные как лучи лампы; скорее, они живые и ощущаемые как глаза, сияющие в живых организмах. Они приносят чудесные дары с собой из небесных образов и интеллекта, равно как силу и власть из форм и быстрых движений этих тел. Они населяют дух, действенно и обстоятельно, - воспроизведение небесных лучей.⁷

Если представить планеты внутри как образы глубинных паттернов и движений психики, тогда, следуя этим творческим идеям Фичино, нам нужно бы понять, что некоторые объекты в нашем материальном мире будут соответствовать определенным планетам, и не просто соответствовать, они будут излучать сияние и доносить до нас дух определенной планеты. Материальный мир, и естественный и созданный человеком, есть источник различных видов духа, необходимого для психологического движения. В Фичиновской психотерапевтической системе, если бы мы занялись сортировкой объектов в соответствии с их «планетарной» (архетипической) характеристикой, мы смогли бы лучше заботиться о душе в нашей обыденной жизни.

Представление о том, что материальный мир обладает унаследованным духовным измерением, существует повсеместно в религиозных и оккультных традициях. Например, это очень хорошо описано алхимиком Базилем Валентайном:

По этой причине сила роста о которой я говорю не идет от земли, а от животворящего духа, который в ней есть. Если земля покинута духом, она мертва, и больше неспособна питать что-либо.⁸

На самом деле, в нашем современном мире, без воображения земля мертва, мы относимся к нашему миру и нашим собственным жизням как к безжизненным ошмёткам материи, которую нужно содержать и ублажать. А с воображением, меж тем, дух, унаследованный в материальных вещах, становится очевидным и действенным. Роджер Бейкон высказал соображения мифологически, добавив примечание, которое приводит нас от алхимии к астрологии:

Под Прозерпиной древние понимали эфемерный дух, насильственно отделенный от верхнего мира, заключенный и запертый под землей (чья земля представлена Плутоном) также как сказано в этих строках: Пока земля свежа, и из глубин недавно отделенных от небес, некие семена остались, некие искры и движения сопредельного неба.⁹

Бейкон, как и Фичино, представляет образ материального мира, содержащий внутри него некие «семена» его родственника, неба. Другими словами, материальный мир удерживает фантазии наших внутренних глубин души, либо в сотворенной человеком форме, либо согласно Хиллману, в фантазиях, которые у нас об этом есть.

Тогда «адаптация» есть иной психологический процесс, который мы можем добавить к констелляции и возвращению. Мы приспосабливаемся к фундаментальным и разнообразным движениям души через нашу нацеленность на материальный мир. Астрологическое сознание тем самым становится самоосознаванием более глубоких, архетипически важных из самых обыденных мирских вещей. В прочих условиях недифференцированная, линейная и буквальная последовательность событий становится упорядоченной, но не просто в результате

интеллектуальной деятельности, но и через творческую фантазию в шаблонах, значение которых интересует скорее душу, нежели разум. Вместо того, чтобы приложить все силы и полностью отдаться материнскому материализму, мы отдаем должное дочери Персефоне/Прозерпине.¹⁰

Большая часть Планет состоит из рекомендаций касающихся адаптации себя к различным планетарным центрам. Все планеты описаны условно, но перечислены материальные вещи, ассоциируемые с каждой из них, и нам рекомендуется использовать соответствующие материальные объекты. Некоторые из перечисленных объектов обладают очевидными физическими свойствами, относящимися к определенной планете, например, золотые вещицы связаны с солнцем. У других есть некая история, связывающая их с божеством планеты.

Толкуя этот процесс адаптации, нам следует понимать тонкости метафорически. Существует семь планет в классической системе, но существует гораздо больше архетипических возможностей, которые только можно представить для души. Мы сможем начать понимать процесс адаптации, изучая планеты, вместе с Фичино, как архетипические образы, но нам не стоит этим ограничиваться. Образная система символов помогает, и можно очень много символов и образов обнаружить в мировых религиях, и даже в искусстве и психологии, но иногда нам нужна только идиосинкратическая метафора, через призму которой можно рассматривать реальные ситуации и краешком глаза увидеть фантазии, застывшие в ней. Подойдет сон, новелла или наука, или прогулка в лесу. Все является метафорой и пищей для души. Все в материальном мире содержит искры сопредельного неба, вспышки психологического света.

Если адаптация – это поставить себя по отношению к миру таким образом, чтобы психологическое измерение открылось и активировалось, тогда то, что происходит с психикой, называется «упорядочиванием». Вспомним название книги Фичино: *De Vita Coelitus Comparanda*. Я перевожу слово *comparanda* как «упорядочивание», хотя оно также могло означать «расставлять» или «подготовить». Название книги относится, таким образом, к организации жизни с точки зрения планетного духа, но также мы можем рассматривать упорядочивание как созвездие (конstellацию) самой психики, все части которой бодрствуют и на месте. Когда чья-то жизнь

отражает небо, ее планеты находятся в движении. Она не застряла под доминирующим воздействием фокуса на какую-то одну планету. Мы исследуем этот полицентрический образ психики в последней главе; на настоящий момент нам нужно понять контекст нашего исследования каждой отдельной планеты. Основной целью является узнавание разнообразия движений души, чтобы это разнообразие могло стать частью психологической жизни. Движение само по себе является необходимым для души, так как без движения нет чувствования, признания ценности и жизни как таковой.

Совершенно очевидно, что Фичиновская астропсихология предлагает рисунок психики, охватывающий многие противоположности переживания без принесения в жертву какого-либо из них, или, даже хуже, их затирания через гармонизацию или примирение противоположностей. Фичино постоянно подтверждает обе стороны парадокса, всегда сберегая лик Януса. Он подтверждает роль циклических, трансперсональных факторов (планет) в человеческой жизни, хотя в тоже самое время делает акцент на важности задачи обнаружения собственной уникальности и индивидуальности. Среди планет он различает те, которые особенно болезненны для души, такие как Марс и Сатурн, но он не предлагает убежать от их влияния – они являются частью жизни. Оставаясь верным своему преобладающему Платонизму, он настойчиво пропагандирует умирание материалистического подхода, хотя его теория предаст удивительно огромное значение обычному, бренному и суетному.

Стоит поставить жирную точку во всем, что касается толкования планет и их качеств. Я предлагаю читать всю эту астрологию через призму неба внутри. Планеты соответствуют тогда глубоко переживаемым движениям души и ни одной из эго установок, будь то осознанные ценности и позиции, или свойства персоны. Последнее следует толковать в Юнгианском смысле: социальные, гендерные и эго роли, которые мы исполняем. Марс не просто поверхностная тенденция к гневу, также как и Венера не просто ловушки восприятия собственного тела. Эти планетные центры находятся глубоко в психике, формируя множество комплексов, фантазий и принципов поведения. Небо внутри кажется по-настоящему таким же безграничным как

и небо снаружи, а планеты такими же грандиозными, загадочными и неземными.

Глава 7. Солнце

Из всех небесных тел, ритмично вращающихся вокруг физического мира (говоря астрологическим языком, мы на земле застыли в неподвижности в центре вселенной), одно так важно для поддержания жизни, настолько ясно в своем сиянии и ощутимо своим теплом, настолько очевидно, что принимается как должное, - солнце. В наши дни мы особенно осведомлены о щедрости солнца, так как оно каждый день осыпает нас реальной энергией, но, возможно, мы крайне редко учитываем воздействие этого колоссального золотого сияния на нашу психику. Если все в мире, включая карандаши, муравьев, куриный суп можно обнаружить «метафоризированным» в бессознательных запасах образов, то и солнце не может просто вставать и садиться с таким величием, зарумянивая нам кожу и выводя мир на свет, и не иметь при этом огромного психологического воздействия. По всему миру преданное поклонение солнцу доказывает его духовную значимость, и подобное внутреннее влияние не могло обойти стороной и Фичино, а также его предшественников. Фичино не только часто ссылается на Соля в своих работах, особенно в его прямых астрологических пассажах, но он также пишет отдельную монографию, посвященную свету (*De Lumine*), и еще одну о самом солнце (*De Sole*).

По мере нашего изучения планет с целью найти их психологическое значение, наш особый интерес может привлечь определение духа, который они представляют, по образам Фичино, какие лучи они посылают в наши жизни. Рассмотрим каждую планету, чтобы отобразить определенный дух, но что касается солнца, помимо обладания уникальными чертами и характеристиками, оно представляет собой сам дух. Таким образом, можно сказать, что Фичинианская психология выше всего солярного по своему характеру за счет акцентуации на роли духа в заботе о психе. Фичино развивает эту идею в Планетах:

Наша душа, помимо поддержания определенных сил своих членов, продвигает единую для всех силу жизни через нас, но особенно через сердце, источник глубоко личного огня души. Аналогично, Мировая Душа

расцветает повсюду, но особенно через солнце, так как оно разворачивает свою универсальную силу жизни для всех без исключения. (Глава I).

Затем, в четвертой главе Фичино предлагает пошаговый план по уходу за телом и душой, а также комментарии о целительной силе Соля. Исцеление начинается с сепарации заражающих паров и их изгнания посредством слабительных лекарств. Далее, пациент освещается яркими объектами. В-третьих, за ним ухаживают настолько тщательно, что вскоре он должен стать сильнее. И наконец, он открывается небесным лучам и прямому воздействию солнца. «Таким образом,» - рекомендует Фичино, - «дух, если даже и в нас, вливает божественные блага сначала в наше тело, а затем и в нашу душу – блага, я должен сказать, которые являются целиком и полностью небесными, так как все содержится в солнце.»

Солнце – это образ, в таком случае, духовной силы, «сердце» жизни психики. Подобно алхимическому золоту, этот дух обнаруживается во всех духовных вещах. Словами Фичино, «золото как солнце: оно присутствует во всех металлах, также как Соль есть во всех планетах и звездах.»¹ Соль – это центр планетной системы, не как геометрическая центральная точка, а как неизменное свойство. В герметических текстах Фичино смог прочесть интригующее описание Бога, которое цитировал много раз в более поздних публикациях: Бог – это центр круга, центр которого находится везде и чей периметр находится нигде. Ги ле Фебвр де ла Бодери, поэт под сильным глубинным влиянием Фичино, переведивший Фичиновскую работу *Libri de Vita Tres*, включая Планеты, применил это определение божественности к солнцу:

Бесконечное солнце, чья изначальная округлость

Неугасимо светит лучами света:

Стало быть из округлости, а также из драгоценного луча

Вовеки проистекает вечное тепло.

Это безграничный Круг, центральная точка которого

Находится везде, чей сферический контур

Находится нигде, и центра и контура которого

Края или лучи растекаются повсюду.²

Солярный дух приходит, что примечательно, из округлости солнца, равно как и от его лучей. Также как душа круга, если не в индивидуальном человеческом обличье, дух является круглым; другими словами, дух это не что-то вырабатываемое или даже напрямую выделенное в результате замысла или усилий человека. Это всегда надличностное и сверхчеловеческое.

Юнг много раз дискутировал о роли Соля в алхимии, и ставя в пару к Солю алхимическую Луну, он стремился отождествить прошедшее с сознанием и наиболее позднее с бессознательным.³ В этой интерпретации Соль является светом сознания, проливаемым на темные тайны природы, вследствие чего, увеличение солярного влияния соответствует подъему сознания. По словам Юнга, «В силу этого, концепция Соля имеет не малое отношение к росту современного сознания, которое в последние два века опиралась все больше и больше на наблюдение и переживание предметов природы.»⁴ Юнг еще мог бы многое добавить о Соле, но в этой цитате основная суть его комментариев относительно светлых сторон солнца – он также сделал несколько интересных ремарок по поводу тени солнца и солнца в центре земли. Sol Niger – Черное солнце. В характерном Фичинианском понимании духа, который мы изучили довольно подробно, Соль представляется как сама духовность, совсем никак алхимический философский камень, тайна из тайн, самая загадочная, и, одновременно, самая открытая из всех. Из сердца духовного сознания сияет трансформирующий дух солнца. Данное солярное сознание, и могут последовать прочие вариации духа, но основное внимание необходимо уделить самому духу в первую очередь и прежде всего.

Хотя психология Фичино, изначально «небесная», прежде всего, была направлена на оказание действия на «сдержанную» психику, он часто подчеркивал роль солярного духа в такой степени, что его теорию тоже можно было бы назвать «солярной». Например, он считался последователем Арабских философов, а они считали, что Соль является первичной «человеческой» планетой. Мы убеждаемся в этом, пишет Фичино, в красоте человека, тонкости его юмора, его ясности духа, и его пронизательности и воображении.⁵ Эти человеческие качества, аналогичны тем, что он перечисляет в Планетах как солярные, все являются признаками

духа, хрупкость человека за пределами материализма. Его солярная психология, получается, нацелена изначально на развитие этого человеческого воображения, чтобы можно было использовать материальный мир для его духовного потенциала.

И теперь нам придется отличать этот вид солярного, духовного подхода к психологии от других, у которых есть солярные черты, но, по своей сути они другие. «Психосинтез» Роберто Ассаджиоли, например, является солярной психологией по многим пунктам. Он сам назвал свой подход «вершинной» психологией, дабы отличать от глубинной психологии. На диаграмме личности, он отображал «вершинное Я» в виде солнца - источника озарений и творчества для эго.⁶ На практике, это солярное, вершинное Я считается оракульским источником (Дельфийский оракул в Аполлонической психологии?) фантазий, к которым обращаются за руководством при принятии трудных жизненных решений. Другие аспекты схемы психосинтеза, медитативные техники, например, связывают этот подход с духовными дисциплинами, в которых понятие духа значительно отличается от того, который доносил Фичино. Для них, дух – это восходящая область, отделенная от тела и часто по возможности от фантазий и эмоций, арена разума и интеллекта аналогичная Фичиновской Mens – образ мышления достаточно удаленный от реальности. Гуманистическое направление в психологии, инициированное Маслоу и другими за несколько последних лет породили «трансперсональную психологию», движение, преследующее своей целью освоить медитативные техники и другие духовные практики из мировых религий. Психосинтез и другие направления трансперсональной психологии ставят целью выйти за пределы «подчиненной» проблематики обычной психологической реальности, следовать за духом тем способом, который Фичино назвал бы «интеллектуальным», хотя они с этим, скорее всего, не согласились бы, так как осознанность, к которой стремятся они, находится за пределами осмысливания. Так или иначе, направления трансперсональной психологии и приверженцы этих направлений используют солярный образ и часто называют образ «светом», дабы отметить вершинные области духа, в то время как Фичино воспринимает дух как эманацию материального мира. Для него духовный подъем поистине психологический процесс, обязательно сопряженный с реальной жизнью и перипетиями души. Тем не менее, его солярный дух имманентен, солнце,

чей центр повсюду в рамках нашего самого обыденного опыта, и совершенно определенно не выходит за пределы досягаемости промежуточного царства психики. В практическом смысле, получается, что культивировать солярную психологию Фичино – это значит обращать внимание на дух или атмосферу ежедневных дел, выделяя фантазии и конкретизируя неопределенные настроения и возвышенные идеи; не практиковать йогу или медитации, только потому что полезно, они должны служить для других целей, дабы выйти за пределы обычного.

Солнце и Земля, Душа и Тело

Данный особый способ обращаться с духом находится в самом центре Фичинианской психологии и сильнее прочих аспектов его теории делает его подход ценным в нашем современном мире, где мы имеем больше направлений в психологии, чем нам нужно и больше духовных путей, снискавших популярность, чем может воспринять кто-либо. С расщеплением между духом и телом и их пассионарных заступников, у нас не осталось души. Представление Фичино о духе является по-настоящему психологичным, как я уже говорил, и тем не менее, дает нам возможность сформировать представление и совершить, наконец-то, объединение тела, души и духа. Мы можем нарисовать это объединение и другим способом, позаимствовав опыт Бахофена, антрополога и мифолога девятнадцатого века. Даже если его исторические заключения сейчас и вызывают сомнения, его мифическая парадигма солярного сознания по-прежнему обладает эвристической ценностью.

Бахофен обрисовывает три стадии эволюции солярного сознания. В первой фазе, лучезарным сыном (солнце) руководит мать (земля), и день как ночь. Дух находится во власти материи. Вторая стадия – Дионисийская, эра отцовской линии, век бога, который оплодотворяет землю, фаллический Соль вечно ищущий восприимчивую материю, дабы наделить ее жизнью. Третья стадия – Аполлонианская, о которой Баховен писал следующее:

Фаллическое солнце, вечно колеблющееся между восходом и закатом, появляющееся и уходящее, трансформируется в незыблемый источник света. Он входит в царство солярного бытия, навсегда оставляя идею

оплодотворения, вечного желания сплетения с женской материей.... Аполлон полностью освобождается от любой связи с женщиной.⁷

Первая фаза или образ солярного сознания по Баховену совершенно очевидно является одним из тех наиболее оспариваемых Фичино. Значения духа не воспринимаются, потому как блокируются материалистической недалёковидностью. Индивиды, отвергающие душу, подчинены неопознанным движениям психики, как часто возмущался Юнг, не понимая, почему они чувствуют пустоту внутри, всегда неудовлетворенные тем, что имеют, несчастливые в отношениях, пристрастившиеся к алкоголю или охваченные игроманией или иными компульсиями.

Третью фазу Баховеновской парадигмы я уже обсуждал – восхождение в духовность, отрезанную от психики. Это восхождение обычно принимает одну из двух форм: уход в интеллектуализацию или духовную дисциплину. На традиционном мифологическом языке, бестелесная мужественность Аполлона не сильно сообщалась бы с феминным материальным миром. Согласно такому образу мышления, мог возникнуть интерес к телу, но не к психическому. Человек может быть бодибилдером и в то же самое время практиковать трансцендентальную медитацию, но этого недостаточно для души. Другими словами, чтобы не засорять мозг, эмоция, которая способна укрепить мысли, может быть сброшена со счетов как женская, пятно на безупречно ясной мысли.

Вторая стадия Баховена ближе всего подобралась к Фичиановской солярной психологии. Несмотря на то, что Баховен поместил чувствительность в епархию Диониса, а Фичино постоянно приписывал солярное сознание Аполлону, мы все же должны помнить, что оба эти божества, по мнению Фичино являлись неразделимыми братьями. Баховен описывает дух в этой фазе как дающий жизнь, хоть он и пребывает чуть на расстоянии. Психологически, индивидуум и не избегает контакта с телом и феминной реальностью, и не погружается в материальный мир и не отвергает дух. Сам Фичино использует образы аналогичные с Баховеновскими:

Небо - жених земли, не прикасается к ней, как принято думать, и не обнимает ее; он взирает (освещает) на нее только лишь лучами своих звезд,

которые, на самом деле, и есть его глаза; и взирая на нее он делает ее плодородной и так рождается жизнь.⁸

Солярное сознание, осознание духовных ценностей в материальных вещах, вызывает эти вещи к жизни, удобряя их, оживляя их, наделяя их душой; так как дух есть пища души. И тогда, сознание или воображение дают нужный эффект; узреть дух значить сделать шаг навстречу к принятию благодати духа. Но в дополнение получить способность различать духов, по-прежнему необходимо вступать в контакт с миром, чтобы обогатить жизнь. Возможно, надо будет дать ход фантазиям; если они всего лишь ради развлечения, тогда их природа никогда не будет раскрыта в полном объеме, а их дух никогда не достигнет адресата. Дионисийская раскрепощенность должна преодолеть Аполлонийскую холодность и защитные механизмы, если есть цель впитать дух. Нельзя просто отказаться от тревожной очарованности и навязчивой влюбленности в пользу чистой, безупречной жизни без принесения в жертву духа. Почти те образы, которые предлагают Фичино и Баховен. Психе требуется сексуальное прикосновение духа, чтобы быть напитанной, удобренной и воплощенной.

Источники солярного духа

Несколько глав в Планетах заставляют представить читателя, что он вошел в диковинную аптеку, наполненную редкими и ароматными веществами, и искрящуюся сияющими камнями и драгоценностями. На самом деле, в предисловии к книге Фичино обыгрывает так, что этот том – лаборатория: «Наша лаборатория здесь – эта книга – предлагает разным людям огромное разнообразие противоядий, лекарств, примочек, целебных мазей и снадобий. Если какое-то противно вам, я его уберу и назначу другое.»⁹ Он обращал особое внимание на сопротивление астрологическим вещам, но у современного читателя тоже могут возникнуть трудности с большей частью примеров духовных, солярных объектов. Например, среди субстанций, которые он упоминает как особо солярные есть мускатный орех, пряность, чей цвет и острый запах подразумевает дух солнца. Перечная мята, кстати, он говорит, содержит дух Юпитера. Перечень солярных объектов становится еще интереснее:

Все, что из камня и растений, называемых гелиотропами, потому как они поворачиваются к солнцу, является солярным. Так же и золото, золотой пигмент, золотой цвет, хризолит, карбункул, мирра, ладан, мох, янтарь, бальзам, мед, душистый тростник, крокус, кукуруза, корица, алоэ и другие душистые материалы; Овен, Астур, курица, лебедь, лев, жук, крокодил; желтокожие люди; люди с кучерявыми волосами, прямые и благородные.

10

Достаточно легко заметить, почему большинство из этих предметов может считаться солярным. Обычно, они либо под цвет солнца, либо душистые – выделяют дух. Остальные требуют пояснений. Но не стоит упускать из внимания основной пункт о Фичиновской «природной магии», которая поистине требует навыков воображения. Окружая себя предметами, похожими на что-то такое же сложное, что и солярный дух, мы держим этот дух в голове. И если представить ответную магию, эти метафорические предметы могли бы на самом деле принести нам дух, который они представляют. Мы можем либо привнести воображение в мир природы (пряности и драгоценные камни), либо создавать вещи, напоминающие дух, который нас интересует. Именно образ активно и действенно доносит нам дух.

Очевидно, совсем необязательно, как я уже ранее говорил, в точности повторять за Фичино и обставлять спальни и кабинеты пряностями и травами, однако, я бы это не исключал. Но существуют и другие подобные способы тренировать воображение – картины, портьеры, растения, пластинки, книги, цвета, архитектура, мебель, одежда и т.д. Наша физическая обстановка может разрабатываться даже таким способом, под воздействием психе. Естественно, деятельность и люди вокруг нас, не только лысые или кучерявые друзья, могут привнести в нашу жизнь необходимый дух. Осознавая эти духовные смыслы в обычном, мы становимся, как Фичино, современным волхвом, магом души, создающим чудеса не ради прибыли или признания, а для психологического оживления.

Давайте рассмотрим некоторые из менее очевидных предметов, описанных Фичино в его перечне солярных предметов.

Хризолит - пример субстанции, относящейся и к золоту и к духу. Название происходит от греческого *chrysos* – золото. На гравировках North Midland Lapidary пятнадцатого века говорилось о том, что хризолит символизирует дары Святого Духа, и что он цвета воды и золота. Гравировка отсылает нас к Книге Откровений (21:15), где седьмой драгоценный камень в основании Нового Иерусалима обозначается хризолитом. Яркость этого камня, ассоциируемая с «дыханием Святого Духа», означает не только дух, исходящий из материи, основной солярий образ, но и также первозданную, архетипическую природу этого духа – элемент, служащий основанием в городе Бога. Также как и Бейконовская земля, сохраняющая искры из расколотого неба, материя, таким образом, удерживает следы духа еще более возвышенных небес. Другими словами, дух, который возможно увидеть мельком или «учуять» в обыденных вещах, может иметь место и на более глубинном уровне, у самого основания природы психики.

Остальные субстанции из перечня предполагают некоторые риски в базовом позитивном «гелиотропном» подходе. Лучи солнца, мощные и всеобъемлющие, обладают огромной амплитудой, и хоть в основе своей они полезны, говорит Фичино, все же они могут быть и отравляющими.» Они могут оказывать осушающее воздействие в закрытых пустотах сухого вещества.»¹¹ Быть слишком долго на солнце значит обеспечить себе вредную дозу духа. Дух может иссушать, порождая засушливые вселенные, лекции и книги сухие как лист, экспертов духовных практик, оторванных от жизни и реальности, выгоревших людей. Это высоко востребованное свойство солнечного духа нужно периодически погружать во влажную темноту.

На самом деле, есть довольно любопытные связи среди некоторых солярийных объектов, перечисленных в солярийной аптеке, между солнцем и водой. Например, согласно Слоуновской Гранилье (Sloane Lapidary), карбункул или рубин «разгонял все taches [пятна] и болезненные состояния. Все же говорят, что этот камень находится в fleme [реке] райской.»¹² Более того, три животных из списка земноводные; подобно солнцу (как водится в традициях людей живущих у моря) они проводят часть времени в воде, часть на воздухе. Это лебедь, жук и крокодил.

Бестиарий Гийома Ле Клерка, датируемый тринадцатым веком, рассказывает о крокодиле:

Не было видано другого такого зверя, так как живет он и на суше и в воде. Ночью он погружается в воду, а днем он располагается на суше. Если встречается он с человеком и сдюживает его, он проглатывает его целиком, без остатка. Но после, он оплакивает его всю оставшуюся жизнь.¹³

Несмотря на все то, что мы увидели в подтверждение сознания духа, солнце не всегда может светить; ночь, к счастью, приходит и приносит с собой свою восстанавливающую силы темноту и облегчение после жаркого дня. Психологически, есть время для бессознательного, когда можно не заботиться о духовных вознаграждениях, связанных с тем, что вы делаете. Есть время для чистого переживания, для простого физического впитывания и наслаждения, и, снова вопреки тому, что было сказано ранее, время для веселья. Такие перерывы предлагают отдых от солнечной жары и света, устанавливая естественный ритм, словно воображаемая солнечная тропа в небесах и под морем. Без этого ритма дух может поглотить человека «без остатка». Чрезмерно одухотворенные люди разгуливают бесплотные, как эхо слабого голоса и чахлого тела, или как Чеширский Кот. Чаще всего «восстановление сил» на самом деле темнота, не так уж это и приятно, но это необходимый контраст свету солнца.

Можно подумать еще и о других связях между солнцем и водой: вода как матрица бессознательного, из которой идет дух, вода как эмоция, призванная уравнивать осмысление солярных установок, вода как ночь грез и отражающий пруд Нарциссоподобой души, вода как море во время ночного путешествия героя-солнца. Словно земноводное животное, душа должна научиться жить в разных средах и ступать на непривычную и разнообразную почву и воду.

Еще одна аллюзия на ночь солнца – это лебедь, грациозно и ярко плывущий по воде в дневное время, также известно, что тащит баржу солнца ночью, как в истории Лоэнгрин об отбуксированной лодке. Его змеевидная шея также намекает на его темную, хтоническую сторону. Есть час заката души, темный период, когда, как подчеркивает Юнг, солнце черное. В его эссе по солнцу, Фичино примечает, что когда солнце поднимается к середине неба,

ощущается прилив жизненного и животного духа, но когда солнце садится эти духи идут на спад.¹⁴ Здесь мы находим еще одно преимущество системы астрологических образов: она учитывает движения небесных тел, их ритм восхождения и заката, возрастания и убыли.

История льва, еще одного солярного животного, также намекает на темную сторону солнца. Де Клерк поведал нам о том, что у льва есть три выдающихся качества; он живет в высокогорье, спит с открытыми глазами и «когда львица производит на свет детеныша, он падает на землю и не подает никаких признаков жизни до третьего дня, пока лев не выдохнет на него, таким образом, возвращая его снова к жизни.»¹⁵ В средние века это последнее качество интерпретировалось как отсылка на три дня Иисуса в гробе до воскресения, но и конечно, это также отсылает нас к солнцу, рождающему луну после трех дней отсутствия - время до появления новой луны.

За три дня до рождения молодого льва, новое солнце, представляет три дня проведенные Иисусом в аду, в подземном мире, старающегося ради свободы душ в чистилище. Безымянный алхимик шестнадцатого века увидел такую аналогию:

Все люди должны были спуститься в подземный мир, куда они были заточены на века. Но Иисус Христос отпер ворота небесного Олимпа и открыл доступ к царству Плутона, так чтобы души могли освободиться.¹⁶

Ночь духа, погружение сознания, «темная ночь души» является необходимым движением в ритме света и тьмы. Включенное в солярную чувственность, и таким образом и в солярную психологию, это движение по нисходящей к сумеркам разума и закату светозарного духа. Когда Гераклит очень понятно, но глубоко заметил: «Солнце новое каждый день», он намекал на смерть предыдущего солнца. Даже несмотря на то, что солнце – та планета, одаривающая своим светом всех, у нее тоже есть свой ритм сошествия.

И наконец, Юнг указывает еще на одну негативную сторону солнца. Алхимики, напоминая нам, связывали солнце с серой, материалом разложения и трансформации. Нам стоит отметить также, что солнце не

только питает и поддерживает жизнь, имеет свой час заката, и грозит духовным иссушением; оно также вызывает гниение и ферментацию своим жарким теплом. Здесь снова возникают признаки Дионисийского фактора: принцип, который разрушает работу новых форм жизни. Солярное сознание, иногда серистое в своей способности растворять освещаемые им объекты, как порождает, так и убивает. Некоторые направления солярной психологии, которые мы отмечали ранее, кажется, предлагают романтическое толкование о том, что дух всегда жизнеутверждающ, исходя из того, что солярная чувствительность имеет много точек соприкосновения с растворением, тьмой и смертью. Дионис и Аполлон братья. Цель солнечной терапии не просто вечное счастье. Это не «безхлопотный» подход в психологии. Напротив, войти в свет солярного духа – это знать и глубины, и вершины, подвергаться риску быть съеденным крокодилом и почувствовать яд серы и резкий вкус мускатного ореха.

Из сказанного следует, что самая центральная звездная модель психики Фичино охватывает противоположности и предлагает реалистичный подход к терапии. В свете солнца мы видим дома духа, поддерживающие душу, мы чувствуем питательный и разъедающий процессы движений психики, и мы все глубже входим в круг планет. Терапия часто выглядит, как попытка избежать отталкивающие чувства и помрачения рассудка от одной «планеты» или другой. Но солярная чувствительность, предложенная Фичино, ведет нас вглубь этих необъяснимых движений и порывов с их взлетами и падениями, экстазами и депрессиями, наполненностью и пустотой. Каждая из планет имеет свой набор фирменных качеств, но все принимают участие в перипетиях центрального солнечного узора.

Глава 8. Венера

Фичино начинает девятнадцатую главу Планет с инструкций о том, как создавать архетипическую модель вселенной – *formam quadam mundi totius archetypam*. Она должна быть из серебра и золота и содержать три цвета космоса: зеленый, золотой и сапфировый, цвета Трех Граций. Мастер должен приступить к работе над моделью, как только Соль входит в знак Овна, и закончить ее в знаке Венеры. Астрологи, говорит Фичино, считают, что мир начался в знаке Овна и по этой причине, модель нужно начинать именно тогда. Естественно, работу следует выполнять под руководством богини красоты.

В данном конкретном случае, Фрэнсис Йетс поддерживает идею, которую я предлагал на протяжении всего изучения образов Фичино: эта архетипическая модель мира должна была стать средством развития памяти.¹ Йетс делает предположение о том, что если бы у человека была такая модель или картинка в его спальне, он мог бы проделывать дела в течение дня, истолковывая их через этот привычный образ. Джин Сезнек, в исследовании астрологических образов классических божеств, упоминает о том, что в частных домах, общественных зданиях, и даже храмах, в конце концов, в самом Ватикане в этот период часто использовали подробное и точное нанесение росписью гороскопов на потолки и стены.² То что раньше было мнемонической техникой в помощь ораторам запоминать речи, превратилось в предприятие естественной магии, или, как я уже предлагал, в школу воображения. Йетс предполагает, что знаменитое полотно Боттичелли с изображением струящихся тел и цветочных облачений – Весна – определенно являлось образом для применения на практике естественной магии, как способ открыться духу Венеры, особенно полезному, говорит она, полностью соответствуя идее Фичино, чтобы перехитрить опустошительный дух Сатурна.³

Я предлагаю тогда, внимательнее посмотреть на эту картину, чтобы ухватить основные черты Венераианского духа, как его представляли в Фичинианском кругу. Мы уже заметили насколько близко был знаком Боттичелли с идеями Фичино, и мы знаем, что он писал этот портрет богини для Медичи Лоренцо ди Пьерфранческо.

Искусствоведы и историки, народ, были восхищены в равной степени, и они обеспечили больше толковательной информации, чем нам нужно. В моих ремарках я всерьез опираюсь на заявления Эдгара Уинда относительно традиционных интерпретаций работы и его собственных мыслях.⁴ Несмотря на то, что меня интересует психологическая значимость образа, в его власти приучить воображение к подготовке к активным натискам и недостатку радостей и печалей Венеры.

Тогда давайте рассматривать Весну как один из амулетов и талисманов Фичино, как образ, которым не только эстетически восхищаются, но и созерцают, и используют для духовного расширения. Придерживаясь такой позиции к планете и ее богине, мы вовлекаемся в режим обучения, столь высоко ценимого флорентийским человеком эпохи Возрождения, для которого не было ничего более мотивирующего и интригующего, чем шифр – образ, упакованный в мистические символы, в ожидании раскрытия и исследования.

Весна Боттичелли

Число «три» являлось любимым среди поэтов, теологов и музыкантов Средних Веков и Ренессанса, независимо от того, являлись ли они Неоплатонистами. Музыкальные тексты того периода, например, излагались в трехдольных метрических единицах мензуральной нотации так как считались «совершенным» счётом, как иногда и в наши дни. Фичино, также, в Неоплатонической манере часто делит свои философские парадигмы на три и умножает на три. И тогда неудивительно обнаружить на полотне Боттичелли трио из трех: три духа природы, три Грации и три божества.

В правом дальнем углу картины, весенний ветер Зефир, дует и преследует земную нимфу Хлорис. Фрэнсис Йетс совершенно точно определила этот ветер как Фичиновский дух мира (*spiritus mundi*), дух, который мы все это время пытаемся объяснить в деталях.⁵ От дыхания Хлорис выделяются цветы, по мере того как она трансформируется во Флору, своего рода фотографический стоп-кадр маслом. Флора является предвестником весны, времени года Венеры. На другой стороне полотна три Грации водят хоровод

– Добродетель, в центре с туго завязанными волосами и блуждающим взглядом; Радость, слева, со взъерошенными волосами и в свободных одеждах; и ближе всех к Венере, Красота, сдержанно одетая. Все три божества, да и сама Венера, изображены с увесистыми грудями и выпученным животом. Внешне скорее более материнская фигура, она как бы дает свое одобрение на то, что происходит вокруг нее. Над ней ослепленный Купидон, наводящий на цель свою горящую стрелу. А Меркурий стоит в дальнем левом углу, указывая на облака.

Касательно любви и процесса жизни, Фичино написал: «Существует бесконечное влечение, начинающееся с Бога, идущее в мир, и оканчивающееся таки в Боге, влечение, которое возвращается в тоже место, откуда началось, словно своего рода круг».6 Картина отображает этот трехчастный круг, один из круговых контуров души: весенний ветер обдувает красоту земли, она порождает цветение и рост; Грации танцуют от вкушения мира, благословенные по-матерински нежным взором Венеры; Купидон целится в Добродетель, которую уже привлек Меркурий. Идет сильное ощущение движения справа налево. Можно представить, что музыка является первоосновой танца Граций и движения по всему полотну.

Если говорить о музыке, то она без всяких сомнений в тональности Венеры, хотя по этому поводу есть сомнение. Один уважаемый искусствовед Эрвин Панофски, считает, что Меркурий несет диссонансную ноту. По его мнению, Меркурий выражает разум, и не имеет прямого доступа к сфере Венеры. Он поворачивается спиной к Купидону, Грациям, дарам весны, и самой Венере. «О нем можно было бы сказать,» - говорит Панофски, « что он выражает достоинство, но одновременно и одиночество одной психологической силы, исключенной из чертогов Божественного Амура, и самоисключенной из чертогов Амура человеческого.»7

Эта отсылка на две разновидности любви, человеческую и божественную, выдвигает на первый план отличительные особенности, о которых Фичино и другие сделали выводы по Платновским работам, различие двух Венер. Божественная Венера, как говорят, была дочерью Урана, неба. Она бестелесная, не имеющая ни матери, ни каких-либо ограничений материи. Согласно Фичиновскому Платонизму, она живет в Космическом Разуме. Обычная, земная Венера, с другой стороны, считалась дочерью Юпитера и

Юноны. Она живет между Космическим Разумом и подлунным миром – Венера земли, дающая красоту осязаемую и воображаемую.

Сначала принимая идею о двойной природе Венеры, может показаться, что Боттичелли изобразил земную Венеру. Обычно небесную Венеру изображают обнаженной, в то время как земная Венера одета в одежды, представляющие ее телесное воплощение. И только относительно позже в истории стоики и христиане создают мораль, которая стала причиной инверсии этой традиции. Весна, как бы то ни было, Венера одета и она окружена деревьями и цветами. Она как-будто возглавляет плодородие на земле, и в этой ситуации, Меркурий вполне себе мог повернуться спиной ко всему и этому и воздеть очи небу, к области чистого духа. И тогда движение на полотне выглядело бы как молниеносный бросок влево, к облакам, к более духовному месту. Невысказанный намек на то, что земная любовь и красота роскошны и плодородны в физическом смысле, то есть нечто лучшее. Земная любовь выглядела бы контрастно по отношению к царству божественной Венеры, область, совершенно точно введенная Меркурием.

Отдельные заявления Фицино направлены на поддержку точки зрения о том, что Венера на картине Весна определенно Венера небесная, или что она является богиней, поощряющей движение вверх к небесам от земли. Например, в своем комментарии к Платоновскому Симпозиуму, он пишет: «Истинная любовь ничто иное как определенное настойчивое стремление взлететь вверх к божественной красоте.» Но работа Фицино, рассматриваемая целиком, не просто пропагандирует побег от земного существования, как нам было видно во время размышлений о солярном духе. К последнему процитированному предложению он добавляет: «божественная красота просыпается при виде красоты тела». Полное, чувственное подключение к красоте тела и природы «пробуждает» и заставляет возноситься к наивысшим инстанциям духа, но и то и другое необходимы. Ученик Платона Поль Фриндлэндер упоминает эту разницу точек зрения, предполагая, что согласно Платону движение к красоте не пренебрегает телом. Противопоставляя Платона с более поздними толкователями, он пишет: «у Платона, каждый выбирающий верный путь должен, прежде всего, любить красивое тело и `рождать в нем красивые слова`; а после распознать единую красоту в каждом красивом теле, став

любовником всех. Никто не может проскочить эти подготовительные стадии, за которыми есть тропа, ведущая к красоте и ввысь».8 Кажется, что Фичино, как и его духовный наставник Платон, утверждают и небеса и землю, обе стороны Венеры.

Возможно, Венера, на картине Боттичелли, дает нам намек на двойственное поле этой сложной богини. На другой картине, Рождение Венеры, нагая небесная богиня словно выходит из моря, где она была рождена, и собирается одеться в материальную плоть, символизируемую цветными одеждами, протягиваемыми ей. На полотне Весна, также, мы можем найти образы и того и иного рода. Нижняя часть тела богини одета в богатый материал, в то время как другая ее часть покрыта прозрачной тканью, под которой четко видна грудь и контуры ее тела, точно также как и прозрачные платья на духах – Грациях и Хлорис – демонстрируют их фигуры.

Венера с полотна Весна - это любовь в ее небесном и земном аспектах. Если бы она содержала только последний аспект, можно было бы взглянуть на другую картину, дополнительную, и продемонстрировать небесную сторону вещей. Но на картине Весна есть и то и другое. Это полный круг. Нет необходимости Меркурию пренебрегать кем-то, ни духами земли, ни Венерой в каком-либо из ее аспектов. Меркурий находится там для того, чтобы круг двигался, музыка продолжала играть. Он работает с Венерой и играет сакральную роль в ее божественных функциях. Здесь Венера и Меркурий в тандеме, как сказали бы астрологи. Они формируют комбинацию, союз двух божеств, двух планетных центров, обеспечивающих друг другу поддержку. Образ двойственных божеств вполне рядовая вещь в трудах Фичино.

Часть сцены, где Венера устремляет взгляд, полный удовольствия, это танец Граций, архаичный образ танца жизни, включающий удовольствие жизни, красоту и врожденную сдержанность. Все три вписываются в деревянное царство Венеры, назначая время и место в гуляньях для шагов красоты и удовольствия, два фактора, как мы обнаружили, важные для психики, и для Добродетели, этой грации человеческой жизни предлагающей естественное ограничение по времени увлеченности материальным миром. Добродетель охраняет душу от «излишней вовлеченности тела», так как она охраняет от искушения чрезмерной очарованности чувственными удовольствиями. Она

не противопоставляет включенность тела и плотских вещей, но она выжидает возможность взглянуть на Меркурия, бога понимания и пронизательности. Поза Добродетели единственная полностью вовлеченная в танец, но с более дальним прицелом.

Взгляд Добродетели направлен на Меркурия, Гермеса Трисмегиста, великого толкователя, того кто знает существующие тайны, заключенные в простых материальных вещах и приятном времяпрепровождении. Добродетель, увлеченная Меркурием, предлагает путь, не за пределами грациозного танца жизненного опыта, но погружаясь еще больше в него. Она проявляет инициативу в отношении Меркурия, толкователя. Он смотрит в облака не потому, что ему нет места в сцене, или ему неинтересна жизнь граций, а потому что это его обязанность и функция видеть, что за фасадом вещей, обнаруживать значение и ценность, скрывающуюся в складках обыденного существования.

И тогда, Венера земная или небесная, направляет и присматривает за этим царством жизни, включающем и полное чувственное удовольствие и понимание. Она заботится о двух влечениях души, к телу и духу. Она выполняет свои задачи через удовольствие и красоту, а также она питает внутренний резерв, что милостиво отворачивает душу от погруженности в чувственное, направляя ее к наблюдению и осмысленности. Юный друг Фичино Пико, написал о Венере: «Любой, кто понимает глубоко и грамотно деление единства Венеры на троицу граций, сможет найти верный путь продвижения в Орфической теологии.»⁹ Быть «в Венере», быть под психологическим влиянием этой глубинной фантазии и формы, означает обнаружить и хранить как сокровище разные духи и озарения, которые становятся доступными через чувственное торжество жизни. Оно не должно быть материальным и убийственным; напротив, входя в танец красоты и удовольствия, без потребности во внешнем подавлении, так как Добродетель тоже там присутствует, уникальные духовные награды становятся доступными. Венера ведет душу в тело и через тело к духу. Из духа в тело, затем снова к духу – пора Венеры влечет за собой круг психики, которым восхищался Фичино.

Дух Венеры

Дух Венеры обладает своим уникальным характером, описываемый имажинистским образом в древних категориях, горячего, холодного, сухого и влажного. И вот характер Венеры ассоциируется с последним, она ассоциируется с влагой в разных ее проявлениях. Гераклит, этот загадочный философ шестого века до н.э., оставил нам некоторые изречения, которые наделяют психику свойствами влаги. Например, в одном дошедшем до наших дней фрагменте, он говорит: «Психика выпаривается из того, что является влажным». Если влага представляется как нижний элемент, обозначая матрицу жизни и психологический источник наших фантазий и тело наших эмоций, тогда согласно Гераклиту, душа создается в тот момент, когда эта предельно популярная стихия выпаривается, возгоняется, если говорить на языке алхимиков. Рефлексия и глубина восприятия, которые мы зовем душой, возникают из материального мира, воспринимаемого чувственно и переживаемого эмоционально. Психе не является этой воспринимаемой вселенной, она возникает из нее. На алхимических картинках показаны колбы, которые нагревают и это видно по пару образуемому на верхней части стекла, пар описывается в текстах как небесная твердь в истории творения в Книге Бытия. Этот возгоняемый пар не является, в отличие от облаков на которые указывает Меркурий на полотне Весна, выпариванием чувственного мира Венеры. Гераклит также предупреждал о том, что хоть душа и тешиться превращаясь в влагу, тем не менее сухая душа берет верх, наблюдение, которое требует короткого комментария.

В Планетах Фичино классифицирует планеты по степени влажности, которую они являют.¹⁰ Он перечисляет их в комбинациях от самой нижней в шкале до самой высокой. Меркурий с Юпитером являются влажной комбинацией - пример, при помощи которого можно толковать социальную и политическую жизнь используя воображение и интеллект. Следующая и более влажная – Венера с Луной. Луна, ближайшая планета к земле, самая нижняя из сфер, окружающих арену человеческих стараний, совершенно точно будет влажной. В иконографии влажность Луны достаточно упрощено отображается в виде капель падающих с луны, подобно изображению Луны на Таро. Венера влажная в самой себе, пропитанная эмоциями и

ощущениями, но в купе с Луной она становится еще более насыщенной и мокрой. Третьей комбинацией в иерархии стоит Луна с Венерой, где Луна является главной с добавлением Венерианских элементов: темный; изменчивый мир, движимый удовольствием и красотой. И наконец, самая сочная комбинация из всех существующих, состоит из Луны с Венерой и Меркурием. Интерпретирующие способности Меркурия придают обладающее творческим воображением осмысление комбинации Луна-Венера, но у него сочные озарения и выводы, приближенные к земле, включающие опыт, не такой удаленный как Аполлонический. Испарение Меркурианского конкретного знания присоединяется в данном случае к росе Луны и телесным флюидам Венеры.

И тогда, дар Венеры и есть дух, но это особого рода духовность, достаточно плотская духовность. Дух, получаемый от ее чувственности, сексуальности и вовлеченности в удовольствие, и поэтому ее епархия благотворна для души. Очевидно, Венера способна соблазнять душу к полному погружению в чувственность, и существует множество историй в мифологии, предостерегающих нас от этого аспекта богини любви. Но здесь нас интересует не история как таковая, а определенные Фичиновские проникновения в суть величайших сфер душевных переживаний. Он рисует искусный портрет Венерианской сферы и ее пределов, и он подчеркивает значимые стороны этой тяги души. Без такой оценки, мы могли бы подавлять все то, что поддерживает эта богиня, причисляя ее к соблазнение к бессознательному и катастрофе. Но если Добродетель и Меркурий все же имеют место быть в темных лесах Венеры, тогда нет нужды для внешнего подавления, а всего лишь бдительное око в направлении духа.

Фичино замечает противостояние между Венерой и Содем: «если мы полностью посвящаем себя Венере, нам не так-то просто будет заполучить солнце. Если же мы всецело посвящаем себя Солю, хорошо поладить с Венерой не получится.»¹¹ Этот комментарий случайно намекает на проблемы, заключенные в политеистической психе; у Фичино не было иллюзий относительно психической гармонии и мира. Но если говорить более конкретно, дело в том, что влага Венеры оказывается несовместимой с иссушающим эффектом соляного сознания. Трудно думать ясно и рационально, если, например, Венерианское настроение возбуждает

фантазии о влажных удовольствиях. Но душа должна принимать обе планеты регулярно, несмотря на то, что астрологически они никогда не смогут быть вместе. Фичиновское предостерегающее наблюдение говорит о том, что в те периоды, когда мы находимся в сбивающей с толку, опутывающей хватке Венеры, а отношения утягивают нас в болото чувств, а разум затуманен и бессилён, бесполезно притворяться, что мы одновременно находимся и в Соле – рациональном и ясном. Мы не можем просто сублимировать подобные Венерианские чувства в красиво оформленные мысли и тем самым избежать несчастливой стороны Венеры. Настоящая сублимация, при помощи которой душа обретает нужный дух и глубину, это выпаривание влаги, требующее терпеливо переносить влажный сезон. Психе нуждается во влаге, также как и в сухости.

Шандор Ференци, один из первых учеников Фрейда, дискутирует на эту тему в своей книге по сексуальности под названием *Thalassa* («море»): «Первая и самая главная опасность, с которой сталкивались организмы, все изначально являющиеся водными обитателями, это не перенасыщение водой, а иссушение.»¹² Комментарий Ференци может быть также применен к психе, так как психическая засуха является такой же угрозой, как и ее заводнение. Эго часто предпочитает пребывать в сухом состоянии, потому как тогда можно удерживать полный контроль; мы сожалеем, что нельзя избежать чувственной охваченности, мы ищем пути усмирения чувств и направления этих потоков. Текучая психе, переживаемая как смена настроений, чувство словно вас снесло волной, поток множества фантазий и желаний, и сильная физическое осознание таких изменений, все это может не понравится Эго, потому как оно держит руль управления мертвой хваткой. Но, с другой стороны, вода – это река жизни, поток возможностей; быть в контакте с этим означает приблизиться к потокам жизни, несмотря на то, насколько они могут быть опасными и непредсказуемыми. Вода также является амниотической жидкостью или океаном из которого возникают все формы жизни; быть сухим, например, благодаря чрезмерному полету духа, означает потерять контакт с матрицей.

Фичино признал связь между влагой и фантазией; так что согласно его теории вполне последовательным является представить пределы Венеры как состояние соблазнительного развития воображения. В одном из своих

писем, он соединяет пар, фантазию и утрату здравого смысла: «Мы переживаем не просто по дням, а даже по часам феномен легкого испарения, достаточно плотного и влажного, выделяющегося из нижних частей тела. Когда оно доходит до головы и заполняет все проводящие пути мозга, мы тяжелеем и погружаемся в негу сна с его образами и фантазиями [insomnitis imaginibus que de ludi]. Также мы иногда испытываем (если пар черной желчи, который греки называли меланхолией, захватывает и овладевает крепостью тела), как наш владыка, сам разум, тонет и люди становятся захваченными очевидным безумием.»¹³ Спуск из сухого рационализма к влажным Венерианским фантазиям, в конечном счете, ощущается как движение вниз, и, возможно, как в образах Фичино, мы можем почувствовать наше обычно укрепленное и защищенное эго захваченным и побежденным. Это состояние сознания, переживаемое как захват, может также быть расценено как вражеское и регрессивное состояние. Мы считаем, что всегда лучше всего сохранять ясный ум и «обходить стороной» трудности. Но эти влажные фантазии имеют такую же обоснованность в психическом опыте, как и сухие мысли, и, на самом деле, они являются важными и даруют Венере требуемый дух для общего психологического состояния: ее психическое тело, ощущение, эстетическое чувство, рост, удовольствие, и конкретное понимание.

Несмотря на то, что владения Венеры выходят за рамки человеческих пределов, поскольку она является богиней зарождения и развития всего живого, Фичино выделяет ей в человеческом опыте особое место, наравне с Солем и Юпитером. Она не просто присматривает за фертильным весенним ветром, она еще и обуздывает танец Граций – человеческую благообразность. Она позволяет своей собственной сфере уйти в себя посредством Меркурия, демонстрируя как боги работают в тандеме, и наглядно показывая, насколько ее владения обладают определенной прозрачностью и степенью несовершенства, не такой яркостью как солнце, а темной теневой рощи Весны.

Более того, нуминозность, ассоциируемая с этой богиней, эта атмосфера, создаваемая ее духом и влиянием, отличается от Божественного разума или создателя; ее тайна более близка к сексуальности, таинству тела, тайному трепету к интимным зонам человеческого тела и земли, телу мира. Но эта

особенная нуминозность, поддерживаемая фантазиями и чувствами, если не разбросана чрезмерной рассудочностью, не поверхностна. Детский вопрос «Откуда я появился?» маркирует нарождающийся запрос о смысле, вопрос к происхождению, помимо простой физиологии. Также и душа в рамках Венерианской жажды знаний вопрошает: Откуда я родом? Кто мои предки? Где моя весна? Душа стремится к самой себе сквозь буйную растительность своих фантазий и таинств, в Венерианскую зелень, где всегда весна – primavera.

Венерианскую психологию можно легко проследить в фантазиях о развитии и новизне. В последние два десятилетия гуманистическая психология раздулась на ветру Зефира, с Западного побережья, принося с собой бесконечные фантазии о «личностном росте», сексуальные исследования, увлеченность чувствами – представляемых более конкретно в горячих ваннах, озабоченность взаимоотношениями, особенно в группах и в браке, и саму игру воображения.¹⁴ В качестве одной фантазии делающей психологию среди многих, это имеет определенное значение, но в качестве доминирующего образа, и совершенно точно элитарного духа, даже Венера становится властным монархом.

В других образах Фичино, проявляются все характерные черты. Венерианские ороговевшие минералы, мясистый камень, как говорят гранильщики, должен использоваться для того, чтобы останавливать поток крови у мужчин и менструирующих женщин; а коралл полезен для увеличения урожайности фруктов (роста) и его корни в утренней росе (девственная влага). Ее животные – черепахи и горлицы, известные своей мощной плодовитостью (сексуальность и развитие). Фичино, к сожалению, остановился на пол пути, перечисляя Венерианские объекты, и прокомментировал это: «об остальном не позволяет мне говорить моя благопристойность». Мы с легкостью можем представить эти текучие среды и сферы жизни, слишком «непристойные» для Фичино. Его наблюдения просто поднимают другие фантазии, связанные с богиней – непристойность, стыд и страшные тайны.

Хиллман предположил, что причиной нашей компульсивной очарованности Венерой является наше длительное пренебрежение ею, возможно ввиду нашего ханжества и ее непристойности.¹⁵ Если дело в этом, можно

представить возможный мировой климат, который отдает должное богине. Все, что я сказал о том, что университет должен быть больше в Венерианском духе, могло бы быть применимо и к жизни в целом: более осознанной к красоте, отношениям, телу, чувствам и фантазиям; а ее негативными последствиями могут быть ревность, перенаселенность, чрезмерное развитие, ослабление рассудочности, и венерические заболевания тела и ума. Несмотря ни на что, она богиня, с которой нужно считаться, в противном случае, мы, как Ипполит из греческой трагедии, обнаружим себя раздавленными собственной благопристойностью.

Глава 9. Меркурий

На роскошном полотне Боттичелли с изображением времени года Венеры, трогательный контраст между чувственной презентацией возрождения природы и этого постоянного внутреннего времени года души, когда она переживает буйство красок Венеры, Меркурий играет роль чрезвычайной важности. Он указывает вверх и за пределы сада чувств, выворачивая экран цвета и текстуры наизнанку, выставляя напоказ внутренности. И теперь мы можем полностью сфокусироваться на этой вызывающей глубокий интерес фигуре и более точно рассмотреть природу его царства и стиль сознания, который он представляет.

Хоть Меркурий и предлагает некие знания, озарения и понимания, его форма душевной деятельности разительно отличается от других божеств, ассоциируемых со знанием. Сатурн, например, предлагает глубинный интуитивный инсайт, но способ подари у Сатурна отстраненный, сухой, холодный, тяжелый и темный. Меркурий, наоборот, чаще всего отображается ярким, быстрым и легким; на самом деле, те самые характерные качества, которые лежат в основе его особых видов озарений. В эпоху Ренессанса, интеллект Меркурия противопоставлялся интеллекту Минервы-Афины, богине интеллектуальных суждений.¹ Как на картине Весна, Меркурий близок к действию, указывающий куда-то за пределы, возможно, но все же на картине. Меркурий способен вынести душу за пределы материалистического взгляда на вещи, но в этой связи его роль ограничена. Он относительно влажная планета, близкая к переживаниям и чувствам, и в то время как он смотрит на газообразные облака, его ноги стоят на земле. Также Меркурианское понимание не включает маниакальную Дионисийскую глубину проникновения переживания или иррациональное внутреннее путешествие.

Фичино замечает, как это ни странно, что Меркурий всегда «наполнен Аполлоном».² Присутствует определённый Аполлонийский блеск и непринужденность в Меркурианском знании, и небольшие крылышки являющиеся атрибутом этого бога лишь слегка приподняли его над землей в воздухе. Разумеется, в греческой мифологии между Гермесом и Аполлоном были довольно-таки близкие, а вполне возможно, что и прочные,

взаимоотношения. Гомерические гимны рассказывают нам о малыше Гермесе, ворующем у Аполлона скот, с не по годам развитой изобретательностью, и прекратившему это делать, когда Гермес стал обучать Аполлона музыкальному искусству. По мнению Фичино, по-видимому, Аполлон учит Меркурия какому-то знанию; возможно, как использовать свет разума, и разум света, по мере удаления от буквального.

Для политеистов Ренессанса, Меркурий более тесно связан с Египетским Тотом, богом тайной мудрости, и с Вавилонским Набу, богом письма. На самом деле, в иконографии позднего средневековья и раннего ренессанса, Меркурий изображается писарем или епископом.³ Способность писать и говорить четко и остроумно считалась Меркурианским даром, то качество, которое особенно ценил Фичино в других, так как сам он шепелявил или заикался. В письме к секретарю кардинала, в его типичной эксцентричной манере, в котором он признается в заикании, Фичино дает необычно конкретный пример того, каким он видел богов и богинь, персонифицированных в обыденной жизни. После игры, в Меркурианской манере, с именем секретаря Калдерино, со ссылкой на жар (caldus), он говорит писарю: «Вы мой Меркурий. Вы говорите, вы переводите, вы убеждаете, вы даете советы, вы объясняете.»⁴ А в раннем письме самому кардиналу, Фичино еще более конкретен: «Преподобный Отец, для вас не секрет, что Меркурий ведает не только передачей слов, но также и толкованием того, что имеет ввиду говорящий.»⁵ Интерпретация – герменевтика – одна из основ Меркурианского духа. Фичино продолжает: «Меркурию присущ счастливый дар реминисценций – ни в коей мере не является несправедливым. В случае, если он стимулирует познание в анимусе, кто-то говорит. Но когда он затрагивает рассудок, кто-то истолковывает. Когда он будоражит память, у кого-то всплывают воспоминания. О чем все это? Наш друг Кальдерино, кажется, выполняет все функции Меркурия за нас: так как он не только пишет ваши письма мне и передает ваши слова, он также истолковывает смысл того, что вы имеете ввиду.» Фичино заканчивает это письмо намекая на разность между Меркурианской мудростью и двумя другими формами: «Все, что Меркурий не может объяснить,» - пишет он, «Аполлон может выразить предсказанием (пророческий уровень сознания), а Юпитер может реализовать через действие».

От посланца греческих богов Меркурий спускается до секретаря благородных высказывания эпохи Ренессанса. Но, разумеется, образ этот имеет более глубокие корни; ведь, душа обслуживается добродетелями, связанными с Меркурием: красноречие, многогранность, остроумие, сообразительность, одаренность, хитрость, воображение и смысленность. Такие умонастроения превращают события в образы и переделывают сами образы, без необходимой трансформации фантазии в рассудительность и образов в концепции. Сердцевина этой способности появляется в греческой истории о младенце Гермесе. В скорости после своего рождения, маленький бог находит черепаху, убивает ее и из ее панциря изготавливает лиру. И теперь каждый может позволить себе полет фантазии и представить панцирь черепахи в виде космического яйца, наигрывающего орфические вибрации, но то, что хочу сказать я, гораздо проще. Малыш Гермес смотрит сквозь реальных животных в то же мгновение, и представляет музыку, во многом подобно тому, как знаменитый неизвестный скульптор философии видит свою статую в мраморе, в то время как она еще не тронута. Герметическое знание воистину «прозорливо», способно представить полностью невидимые возможности. Меркурий наслаждается властью использования вещественного мира для открытий, что буквально означает «находку». Он обнаруживает образы застывшие в плотности материи, а затем выманивает в открытое пространство; так как Гермес это коварный трикстерный бог, чья магия и красноречие могут улаживать при условии ограниченного ресурса.

Бог Меркурий поддерживает в своих образах основы интуитивной психологии Фичино, так как Меркурий обнаруживает внутреннее царство вещей, не отбирая у них их конкретику. Если бы, на полотне Весна, он указывал на мир за пределами, предполагая, что есть нечто лучшее на других «полотнах», богатство и красота Ботичеллеского образа Венеры были бы дисквалифицированы. Меркурий же, наоборот, позволяет сублимацию, в которой движение «вверх» имеет границы. Такой вид сублимации, а теперь и форма толкования, Норман О. Браун определяет как метаморфозу касающуюся Дафны. Дафна была нимфой, которую возжелал и преследовал Аполлон. По мере приближения к ней бога во время погони, она кричала и звала на помощь и превратилась в лавровое дерево. Психологически, эта история наводит на множество размышлений, и Браун

видит ее как описание сублимации: в нашей погоне за чувственными объектами, их врожденная духовная ценность может стать очевидной. Браун уточняет:

Одухотворение чувственности есть любовь... Чувственность не отвергается, а наполняется... Если открыты наши глаза, мы познаем, что в сексуальности объект не является реальной девушкой; а символической девушкой, деревом. Это всегда что-то больше того, чего мы хотим. Объект всегда трансцендентен.⁷

Как и в алхимической триангуляции, незыблемый мир становится телом, душой и духом, - тело не утрачено, но душа и дух приобретены.

Наиболее привычный способ интерпретации, а в некоторых кругах единственный способ, это разложить по косточкам и анализировать, замораживая компоненты озарения в хрупкие кусочки, которыми потом легко манипулировать. Но искусное жонглерство Меркурия истолковывает и, не убивая, трансформирует наш взгляд на один образ через другой. Малыш Гермес разглядел форму лиры в черепашьем панцире, и также сознание и способность к воображению, которые он представляет, позволяют нам разглядеть богатство образов, застывших в материальных формах повседневной жизни. И тогда, Меркурианский инсайт – это коварное, искусное, глубоко продуманное, остроумное видение, где каламбуры в избытке, а обыгрывание образов обладает глубинной ценностью. Персонаж в Хеллеровской «Уловке-22» обладал Меркурианским недугом, которым мы все должны бы заболеть. Эпизодически он выкрикивает: «Я вижу все дважды!» Меркурианское зрение множественно. При его помощи я вижу все множество раз, потому как через Меркурия я могу видеть многие фантазии, которые наслаиваются одна на другую в моих сновидениях и в моих действиях.

Меркурианское пробуждение

Душа оживает, когда мы отворачиваемся от буквального и поворачиваемся к образному, разворот, инициируемый Меркурием. Буквализм, как мы уже увидели, равнозначен сну, так как, оставаясь в буквализме психе может не делать свою работу и не просматривать все дважды, чтобы обнаруживать

значение и раскапывать глубины. Палочка Меркурия, которую можно видеть на полотне Весна, указывает на облака, идеальный пример перемещающихся форм фантазии, также как и в ветреный день они создают живую картину грез перед нашими глазами. Фичино выражает эту Меркурианскую мощь в манере очень похожем на образ облака:

Меркурий обладает властью усыплять души или будить их своими уловками; что означает, тем или иным образом, приводя себя в определенную форму, он может или притупить ум или заострить, ослабить или усилить, расстроить или успокоить.⁸

По Меркурианским меркам, форма это все, форма, которую вещь принимает в нашем воображении предает ее значение. Слова, что мы используем для описания опыта (красноречие и риторика), например; образ, которым мы наделяем ситуации (воображение); двусмысленное слово или выражение, всплывающие в наших головах (хитроумие и ловкачество); глубинные значения, что мы обнаруживаем (толкование) – все это средства, при помощи которых Меркурианское сознание пробуждает душу, переводит обычные реальные события в психологические реалии. Фичино подает мысль о том, что если мы хотим создать образ отражающий природу Меркурия, нам нужно нарисовать портрет человека сидящего на троне, одетого в разноцветные одежды, дающие подтверждение многоцветия Меркурианского видения.⁹

Основным законом психологического понимания является Меркурианский, держать образы в постоянном движении, позволяя им порождать друг друга. Это приводит к глубине видения, не в логическом, линейном смысле, а в богатстве текстуры¹⁰, что возникает из этого процесса. И снова мы можем обратиться к Брауну, Меркурианскому мыслителю, за описанием этого божественного актера-трансформатора:

..очень важно постоянно менять сюжет. Сюжет меняется прямо у нас на глазах. Важно постоянно менять точку зрения, передумывать –

Психическое – это такой океан, где каждый вид

Совершенно естественным образом находит свое подобие.

Психическое или воображение – настоящие умельцы перевоплощаться: Трижды Великий Гермес.¹¹

«В Меркурии» - управителе дома близнецов, один глаз прикован к фактическим событиям, в то время как другой постоянно меняет перспективу. Через него можно практиковать двойное зрение без принесения в жертву его двойственности. В герменевтике Меркурия нет окончательной интерпретации, нет удовлетворяющего вывода; но всегда есть новая точка зрения, еще один цвет в пестром одеянии такого сознания, другой угол зрения для рассмотрения. Нет конечности и поэтому всегда обещание большего – более глубинного озарения, смысла, представлений, неизведанной многозначительности, скрытых нюансов, и неожиданных сюрпризов. Разумеется, эта перспектива вызывает внутренний протест, может ли все это являться истинным и научным, но есть такая возможность, иногда поражающая своими результатами, если ее тренировать.

Идея о столкновении с неожиданными сюрпризами в теории Фичино, не моей, или если быть еще точнее, эта идея была предложена талантливым учеником Фичино Пико, который считал, что душу важно удивлять через интерпретации образов и историй.¹² И так как интерпретация состоит главным образом из обнаружения образов среди старых, удивление, приносимое Меркурием в новый образ или новую идею, является даром от хитроумного бога, который знает, как расшевелить душу.

В отрывке Фичино, цитируемом ранее, он указывает на то, что дар Меркурия будить душу может ее расстраивать. Поэтому Меркурианское остроумие - это не то, что услаждает своим умом. Все могут каламбурить, переставлять слова, создавать настоящее благозвучие языка, не затронув спящую душу. Было бы ошибкой перепутать бога Меркурия с простым человеческим талантом игры в слова. Игра слов и вытекающие из этого всевозможные формы красноречия важны в Меркурианском сознании как средство переворачивания образов, чтобы обнаружить их значение; так как душа питается образами. Но ум ради него самого же всего лишь эгоистичное проявление.

Уоллас Стивенс определял поэзию как «фазана, исчезающего за кустом», и это определение также очень хорошо подходит к Меркурианским инсайтам

и обладает преимуществом представить алхимический меркурий (ртуть), скользкая серебристая субстанция очень важная для алхимических опытов.¹³ В Меркурии, слова как алмазы, чьи грани вскрываются при их поворачивании, из разных перспектив отброшенных на них. Таким образом, то, что приводит в движение и смещение наши фантазии и мысли, заставляя ускользать от нашего рационального восприятия и игнорировать окончательное определение, все это Меркурий. Если мы увертливые, допускающие различные толкования, красноречивые секретари наших собственных действий и мыслей, значит, мы Меркурий; так как в этот момент мы интерпретируем наше собственное психическое.

Эта эпоха удивительна неблагоприятная в том, что касается Меркурианских инсайтов. Нам нужны факты и выводы, а не перспективы бесконечных загадок. Студенты колледжа, например, любят одномерные определения. Предоставьте им письменный экзамен, в котором учащийся из нескольких ответов выбирает правильный, и они бесспорно будут счастливы и благодарны, но поставьте им на вид мысль о том, чтобы поразмышлять, копошиться в воображении, и они почти единогласно будут выражать недовольство о том, что это знание является их личной точкой зрения и поэтому не имеет ценности. Они упорно сопротивляются интерпретациям, даже в области литературы. Любое толковательное предположение это «додумывание» работы автора. Они настаивают на том, что финальный экзамен по чтению поэмы или романа является собственно интенцией автора, осознанной и записанной. Они предпочитают окончание началу, выводы предположениям, определения исследованию, устойчивый факт нюансу. Пестрое пальто Меркурия нынче не в моде.

Тем не менее, великим преимуществом Меркурианского склада ума является способность постоянно держать душу в движении, постепенно снижаясь к завихрению смысла. Меркурий двигает карусель интерпретаций, подпитывая изумление и любопытство вместо бесчувствия и оцепенения от окончательного покорения.

Учитывая нашу заикленность и трезвые образы ума, может оказаться трудными представить все это в то время, как бог которого мы рассматриваем, вкупе со его детской одаренностью и взрослым непостоянством, на самом деле является метафорой способа восприятия

жизни, которую мы живем и мира, который мы населяем, что изначально он представляет бессознательный и естественный паттерн восприятия. И все что нам нужно сделать, это раскрыть глаза, как предлагал Кереньи в своем примере об опоздании на поезд и книжной находке, и обнаружить, что жизнь сама по себе запутана. Дальнейшее высказывание Кереньи по этому поводу стоит того, чтобы его подробно процитировать:

В мире, в целом, очень много запутанного, всевозможные ловкие и хитроумные провокации и у людей, и у животных и даже растений...

Суть их как Герметическая арена; успех или неуспех Герметической субстанции; ее трансформация посредством «находки и воровства» в Герметическое искусство (не смешанное с уловками), в богатство, любовь, поэзию и любые способы побега от узких границ закона, традиций, обстоятельств, судьбы; все это не просто психические реалии, они и есть мир вокруг нас, и в тоже самое время, мир, который открыл для нас Гермес.¹⁴

Через его искусность и воровство Меркурий пробуждает душу, находит прорехи в «законе, традициях, обстоятельствах, судьбе». Его многочисленные повороты и множество троп, что он охраняет, не вписываются в рациональные и моральные рамки – ведь это Гермес смеялся над сценой, в которой Афродиту застали за адюльтером с Аресом, описанной в Одиссее, и ведь это он хотел быть на его месте.

В то время как Кереньи презентует нам интригующую теологию Гермеса/Меркурия, Рафаэль Лопэз-Педраза предлагает чудеснейшую психологию, лежащую в основе этого бога. Среди множества заманчивых толкований Герметической реальности, он обнаруживает, возможно, наиболее уместную в этом контексте идею «ускользания из памяти» Вспомнить хотя бы ремарку Фичино о том, что Меркурий выуживает воспоминания из памяти. По анализу Педразы, Меркурианское сознание «крадет» идеи и предложения из двух мест: у других людей, например, во время беседы; и из комплексов и архетипов самой психики. Мы крадем у самих себя в своей Меркурианской регрессии,¹⁵ мы растаскиваем те воспоминания из своей памяти, которые обогащают настоящее и открывают и пробуждают душу.

Сны часто бывают Меркурианскими в этом смысле: образ одной вещи выманивает к воспоминанию другой. Чары и безумная страсть, разумеется, могут сотворить тоже самое – выманить нас в волнующий мир чувств, и именно в тот момент, когда мы в разгаре страсти, можем обнаружить, что с самого начала не видели реальный объект нашего вожеления: Брауновскую Дафну в виде дерева. Фичино подразумевал нечто подобное, когда заметил, что любовники не способны различать оттенки запаха, за которым они следуют и наслаждаются. Все это шалость, шутка, чтоб рассмешить богов, и самого залиvistого Гермеса. Ловкость Меркурия распахивает дверь в психические глубины при помощи обыгрывания самых сильных образов и иллюзий. Примечательно, что, возможно, одно из наиболее важных качеств хорошего психолога – это вкус к остроумию и талант к двусмысленности; ибо именно только в такой полиопсии значительные грани жизни могут показаться для разума света.

Мы можем развивать идею Меркурианской проницательности, изучая греческие мифологические сюжеты о Гермесе – проводнике душ в подземный мир. И тогда бы мы увидели, что Герметический инсайт привносит перспективу смерти, в том смысле, что психическая реальность проживается в смерти буквального. Но более земной образ Фичино подтверждает это же: раскрывая внутри себя структуру сознания, посредством которого мы видим многие измерения значений, что останавливаются и продвигаются вперед через буквальное, так пробуждается психологическое сознание. Образы секретарей и клерков у Фичино тоже могут осветить отпечаток этого планетного центра психики; потому как Меркурианское провидение есть нечто достаточно основательное и прочное. «В Меркурии» мы можем обнаружить, что вещи не всегда или обычно не такие, какими кажутся; за очевидно простым действием, может храниться глубоко переживаемая фантазия. Замечать эту фантазию значит осмыслять измерение души, а если делать это привычным образом, можно установить психологическое отношение, непереносимое условие заботы о душе или психотерапии в самом широком смысле.

Меркурианское сознание, в сравнении, вполне обоснованно становится основной задачей в психическом круге планетных центров. Солнце обеспечивает необходимый дух, Венера – требуемый сексуальный опыт, в

то время как Меркурий обеспечивает канал для Аполлонийского света, позволяя нам перенести психологический слой значений в наше ведение.

Глава 10. Луна

Из всех загадочных небесных тел, что заполняют ясное ночное небо, луна, пожалуй, является самой интригующей и притягательной для земного, не вооруженного инструментарием, зеваки. Так как за ней обычно наблюдают в рамках ночной картины, содержа в себе немного мрачноватый дух тьмы, а также из-за своих частых изменений цвета, размера и формы, Луна поразила воображение человечества еще сильнее, чем ее спутник солнце. Поэзия и песнопения, суеверия и религия, мифология и символика, считают луну идеальным объектом для возбуждения и порождения фантазий. По этой причине, существует богатство образов, связанных с лунной, предлагающих несколько различных психологических направлений и сфокусированных на различных аспектах самой луны. Мы сконцентрируемся на тех предлагаемых свойствах, что захватили внимание Фичино и его окружения, и снова увидим образ этой «планеты» в контексте Фичинианской психологии.

Влага Луны

Пока мы обсуждали «влажность» Венеры, нам представился случай заметить и лунную влагу, делая отметку о том, что Луна является самой влажной планетой, учитывая ее близость к земле, на значительном расстоянии удаленная от засушливости абстракций и мысли, в контакте с опытом, сдобренным чувствами реального, и принимающая участие в прочих функциях мокроты в природе и в душе. В Планетах Фичино со всей ясностью заявляет: «Так как лунные свойства более грубые и сырые, нежели неуловимая и изменчивая природа духа, они абсолютно чужды ей.»¹ Дух представлен более искусно в искре, излучаемой блестящим камнем или из аромата, выпускаемого охапкой цветов: Луна, с другой стороны, преимущественно благодаря своей близости к земле, представляется более плотной и менее духовной. По утверждениям современных астрологов, Луна очень схожа с человеческим телом и с процессами природы.

В легендах и традициях Луна – это планета, представляющая большую важность для фермеров, так как влияние ее распространяется на сельскохозяйственную урожайность или ее упадок. В те времена, когда за планетами пристально наблюдали, фермеры занимались посадкой по луне –

сеяли при растущем месяце, собирали урожай при убывающей луне. Фичино, тоже, обратил внимание на эту природную знаковость луны, и в Планетах он пишет: «Венера и Луна связаны с природной и зарождающей энергией и духом, а также со всяким развивающимся, растущим.»² Позже мы рассмотрим как лунная природа охватывает ритмы роста и увядания, но сначала нам нужно отметить особый вид зарождающей энергии о которой говорит Фичино и роли этой энергии в психологии.

По словам Кристеллера, порождение, по мнению Фичино, является идеей, взятой из естественных наук и примененное к философии,³ или я мог бы расширить это понятие, Фичино изучал зарождение в природе, ассоциируя в рамках традиционных линий трактовки с луной, которая затем оплодотворяет душу этой генеративностью. Его мысль, возможно, наиболее ярко и четко выражена в письме к Лоренцо Медичи. Кстати, именно в переписке с Лоренцо, Фичино наиболее свободно давал астрологические консультации и рассматривал последствия влияния различных планетных свойств. В этом письме Фичино уделяет внимание важным взаимоотношениям между лунной природой и другими планетными системами:

Древние богословы говорили, что души (animae) входят в нижние слои через созвездие Рака, дом Луны. С таким расчетом, учитывая предрасположенность к зарождению, они вступают в сферу, подпадающую под влияние зарождения, закономерно полагая пройти путь через зону Луны, покровительствующей зарождению. Поэтому древние называли созвездие Рака вратами смертных. С другой стороны, они называли созвездие Козерога вратами Богов, так как, считалось, что через них души, некогда очищенные, возвращаются в свое небесное отечество.⁴

Психологически, Луна является порталом к воплощению и персонализации фантазий, комплексов и архетипических возможностей. Она выступает, верная своей символической anima или образу души, в качестве мостика между личностным и архетипическим. Баховен подразумевает это, называя Луну «самой чистой из теллурических тел, и самой нечистой из астрономических светил.»⁵ Исходя из личной позиции, наша Луна внутри ощущается как это осознание сверхличностного или бессознательные реалии играющие роль в жизни, но не являющиеся порождениями

сознания; хотя Луна и кажется «астрономической» или божественной, все же она близка к земле. С архетипической точки зрения, связи между архетипическими возможностями и личным опытом представляются исключительно индивидуальными, что лунное сознание само по себе кажется личным – теллурическим, земным. В любом случае, эта лунная активность, при помощи которой коллективные фантазии становятся личными, является движением вниз, стремлением к чему-то реальному и индивидуальному.

Во всех работах Фичино мы можем заметить особое акцентирование на Луне, постоянные рекомендации – присматривать за этой быстродвигающейся планетой. Хороший лунный аспект, утверждает он, является необходимым для нужной конstellации других планет. Эта лунная бдительность обеспечит своевременность и полное осознание тела и души, их индивидуальных движений и перемещений по отношению друг к другу. Луна проявляется в определенной искушенности и чувствовании того, когда и как реализовывать некоторые движения души и запечатлеть их индивидуальным воплощением. И для души и для природы Луна является проводником к благоприятным ритмам и сезонам.

Письмо Фичино к Лоренцо, как всегда лишь наводящее на размышления, также демонстрирует улицу с двусторонним движением, соединяющую мир архетипических возможностей с жизненным опытом. Фантазии становятся реальностью во влажной, эмоционально-восприимчивой, земной зоне Луны, где реальный мир действий и опыта становится психологическим – душа возвращается на свое место – через врата Козерога, созвездия управляемого Сатурном, богом созерцания и абсолютной силы воображения. Эта функция Луны образует площадку для дальнейшей дискуссии теперь уже о других лунных процессах: они все служат основной цели зарождения.

Лунные движения и волнения

В другом письме к Лоренцо, Фичино делает наблюдение, процитированное в начале этой книги: « Мы содержим внутри целое небо: Луна символизирует бесконечное движение души и тела.»⁶ Любой кто работал с астрологическими картами знает, что Луна движется быстрее всех других планет; требуется очень тщательный расчет времени, чтобы убедиться в

точности положения Луны на карте. Эта скорость кругообращения Луны вдоль пояса Зодиака, высвечивает важную грань взаимоотношений между телом и душой: обычное время переживания опыта, время эго и обыденного поведения, кажется, двигаются на более высокой скорости, нежели более глубинные движения психе, репрезентированные другими планетами. Этот подлунный мир вертится в более ускоренном темпе, нежели глубинные слои психе.

Мы можем увидеть феномен типичного нетерпения эго в отношении выбора расчета времени души на контрасте с ее подлунной спешкой. Психе медленно выкладывается. Мы обнаруживаем темы в сновидениях, постепенно развивающиеся на протяжении недель, месяцев или даже лет, а на сознательном уровне мы чувствуем побуждение сделать что-то с ситуацией, предпринять какие-то действия, прийти к каким-то выводам и решениям. Но душа на своих небесах двигается как большие планеты, не так как Луна. Орбита луны близка к земле и принимает расчет времени земли в то время как другие планетные ритмы шире, играют протяжно на аллегро Луны. Лунное сознание подразумевает осознание часовых поясов тела и души. Воплощение фантазий может казаться достаточно лихорадочным по темпу, но движения души больше походят на движения часов, отчетливые, но едва заметные свим ходом.

Как Фичино упоминает в своем письме по поводу зарождения, астрологически мы живем в двух сферах, в тропике Рака и в тропике Козерога, одна сфера зарождения и действия, другая – сфера духа. Синхронизировать эти две сферы – это фокус лунного сознания. Для Фичино это означало следить за движениями луны; для нас это может означать смотреть внимательно за своей личной жизнью и за своими достаточно личными и интимными фантазиями, которые лсужат мостами между возможностью и реальностью. Большая часть ненужной боли жития идет из отсутствия координации между двумя сферами, что в общем-то не удивительно, учитывая, что мы в основном пренебрегаем тропиком Козерога.

Индивидууму, психологически образующему созвездия, с Луной внутри, легко даются «природные» ритмы души, отличные от эго, бдительно следящего, как фермеры, понимающие значение луны. Фичино доходит до

того, что говорит о том, что «кроме Бога, живущие существа не имеют жизни кроме тех, что проживают ее через Солнце и Луну,»⁷ заявление, которое он поясняет, если можно так выразиться, следующими словами: «Неважно насколько безопасным может быть путь, ничего нельзя сделать без помощи Луны, потому как то, что обычно называют «Другим Солнцем» обычно, часто, и легко направляет астрономические атрибуты вниз, создавая в любой месяц все четыре времени года.»⁸ Условия личностного существования могут точно не отразить глубинные движения души. Все то, что разумно на поверхности, может оказаться безумием внутри. И эта последняя фраза Фичино особенно интригует, подтверждая понятие о том, что при прохождении лунной активности глубинные фантазии воплощаются в опыте, медленные ритмы психе трансформируются в более быстрые темпы жизни – времена года сжатые в один месяц.

Если мы подумаем о психотерапии хотя бы мгновение, не в том виде, котором ее обычно практикуют, как помощь для личной адаптации, а скорее как программа становления более «астрономическим, небесным», на Фичинианском языке, более осознающим процессы в психе в современных терминах, тогда бы важность и значение лунного сознания становится очевидной. Значительный ранний шаг в терапии возможно позволит обрести чувство сезонов души и ритмов, временной режим и темп. Терапия сама по себе, как забота о душе, требует терпения и времени, именно из-за этой разницы в скорости. Само лунное чувство вполне может стать фундаментом для проработки психологического отношения, которое всерьез принимает архетипические движения. Начать прислушиваться к полиритмии психе и переживаний означает начать жить психологически, с добром души в уме.

Нарастание и убывание

Как иногда обращают внимание в некоторых дискуссиях образа луны, лунное время проявляет не только необычно быстрые величины времени, но также и особые качественные характеристики времени. Луна нарастает и убывает. Она полная, молодая, может быть только ее четверть или полумесяц. В эпоху Ренессанса и ранее, астрологи и другие находили разные способы графически отобразить параллель между небесными феноменами и человеческим опытом. Мы можем увидеть это соотношение

на картинах и гравюрах, например, которые изображают планеты в соответствии с частями человеческого тела. Фичино допускает этот вид соотнесения во всех своих книгах по медицине и здоровью. Но в Планетах он предлагает другую параллель, между фазами луны и этапами человеческой жизни. В седьмой главе он пишет:

Начиная от молодого месяца до первой четверти – это молодость. С первой четверти до полной луны – молодость и зрелость. С этого этапа до четвертой четверти луны – зрелость и старость. С этого этапа до соединения – старость.⁹

Как и с большинством наблюдений за природой, нам не следует выбирать между поверхностным значением и метафорическими возможностями, а скорее утверждать оба варианта. Луна на самом деле отражает своим зажиганием дуги и очевидными трансформациями динамику человеческой продолжительности жизни: человеческая жизнь сама по себе демонстрирует эту лунную особенность. Но также подразумевает динамику эпизодов в личной жизни - нарастание и убывание, полнота и пустота, начала и окончания, формирующие способы и задающие тон восприятия движений души. Более глубокое погружение в процессы психе влечет за собой близкое знакомство с лунными фазами: узнавать цвет и запаха начала и окончания, распознавать полноту такой, какая она есть - как часть цикла, не цель; и ценить опустелость.

Эти особенности лунного сознания проявляются в образе, который Фичино рекомендует для привлечения лунного духа: «молодая женщина с рогами, на драконе или быке, со змеями на голове и под ногами.»¹⁰ Этот образ напоминает женщин Крита, изображенных на образцах минойского искусства, культура в которой луна, бык и змея занимали видное место в воображении. Луна и змея часто изображались вместе из-за умирания и возрождения луны и змеиной способности сбрасывать кожу как образа умирания и возрождения. Луну и быка объединяет их способность оплодотворения природы и схожий лик – дугообразный полумесяц принимающий форму бычьих рогов. Бычья сила, равно как и сила Луны направлены на природу и материальную сторону культурного модуля.

Отражающая Луна

В связи с ритмами Луны, очевидным фактом становится то, что свет Луны это свет солнца. Фичино отчетливо говорит об этом в Планетах, и в этом контексте нам следует прочитывать его утверждение в более широком смысле: «Нет сомнений в том, что лунный свет – это свет Соля.»¹¹ Лунное сознание уже по своей природе является отражающим, отдающим инициативу Солю, в котором содержатся все планетные духи. Хотя она всегда в движении, функция Луны принимать свет Соля, что делает ее достаточно пассивной и отражающей. Этот смысл можно было бы с легкостью неправильно истолковать, но, кажется, наша лунная природа, врата воплощения, по сути своей должна занимать принимающую и отражающую позицию. Личность и все сырые аспекты жизни отражают глубинные источники духа и направляют этих духов по определенному руслу в жизнь индивидуума. Есть нечто по сути своей опосредованное в психологическом осознании и «действии». Это не проявляет инициативу, за исключением случаев, когда готовит себя к принятию духа. В этом смысле констелляция лунного сознания может сдерживать тиранию обычного Сатурнианского эго, желающего всегда строить и управлять. Одна из двух женских планет, Луна предлагает необходимое дополнение потенциально полезным, но легко разрушающих Сатурнианских склонностей эго. Открытое влиянию Луны, эго по своей сути получает энергию и направление из глубин вместо поверхности, а эти глубины будут варьироваться, так как Луна переправляет духи всех планет через свою сферу.

Если мы представляем дух планет проходящих через область Луны, переправляющей и отражающей их, тогда личный опыт на самом деле выглядит тенью теней; одно из фундаментальных интуитивных озарений Платона. И если уж на то пошло, тогда обратный путь к свету и психологическому осознанию пролегает через эти тени, прослеживая их до самых истоков. Целью изучения образов и часто притянутых за уши гипотез Фичино является нахождение более широкого контекста для переживания, увидеть уникальные события с точки зрения более охватывающих образов. Если, как Фичино намекает на каждом шагу, личный опыт переживания является отражением духа большего, чем мы возможно можем предположить (*speculum*: зеркало) и поразмыслить над нашими

рефлексиями. Магия, говорят, совершается при помощи зеркал. Если нам удастся обнаружить эту воображаемую глубину за зеркалом, тогда мы сможем найти ту, отражением которой являются наши жизни.

Еще одно качество луны, относящееся к ее отражающим силам, ее склонность изливаться. Традиционно верят, что луна опустошает себя с ее приближением к солнцу и начинает убывать. Среди гербов алхимиков, на одном из которых Майкл Мейер, например, отображает жабу, сосущая женскую грудь. Картинку сопровождает надпись: «Приложите жабу к груди женской, так чтоб напиталась она, женщина возможно умрет, а жаба вырастет на молоке.»¹² Это является образом лунного опустошения – кеносиса. Идея не о самопожертвовании в героическом смысле, отказ от персонального удовольствия в угоду аскезе, и даже не отказ от самого себя. Фантазии об отказе от самого себя обычно выдают более глубинную потребность в образах подчиненности и жажде признания и большого самомнения. Кеносис, лунная энергия, и потому естественный ритм психе, состоит из образного признания и благодарности процессов окончания: убывание, гниение, энтропия, разложение, и смерть. В противовес Сатурнианской одержимости этими процессами, лунная восприимчивость признает их как часть более широкого паттерна. Для Луны, противопоставленной Сатурну, важно именно опустошить себя. Лунный реализм сам по себе позволяет представить уродливую жабу, высасывающую женскую грудь до полного опустошения и ее смерти. Героическое эго выступит и даст бой угрозе смерти, а Сатурнианские фантазии могут привести к попытке консервации, навсегда оставить жизнь в прежнем состоянии, что не так уж отличается от вечной смерти.

В лунном сознании жизнь индивидуума опустошается и наполняется, круг, содержащий в себе как свет, так и тьму. Луна опустошит нас от всяческих целей и планов, равно как и от толкований и объяснений, которые создают оживленность на поверхности без каких-либо гарантий, что жизнь присутствует внутри. Опустошение, естественно, переживается не так приятно, как наполнение; оно кажется нетворческим и непродуктивным; тем не менее, цикл психической луны требует сознавания разложения и смерти. Фермеры, следящие за луной, знают когда дать всякому созреть, упасть с дерева, вылежаться и сгнить. Психологически настроенный человек

наблюдает за почвой своей души с равной чувствительностью, зная о том, что природа увядает с луной и проваливается в полную тьму.

Лунное воображение романтизировано как полусознательное идиллическая открытость пророческим сообщениям внутренних голосов; тьма луны, словно ванна наития. Но мифология также рассказывает и о Гекате и прочих ужасающих лунных богинях, убеждающих нас своей свирепостью в том, что лунная смерть не всегда сладка. Воображение, участвующее в лунном паттерне, не должно полностью приравниваться к яркой креативности, творческой изобретательности и воодушевляющим грезам. У него тоже есть своя убывающая луна, приносящая трехдневную тьму смерти. Частью плодотворного воображения является способность выносить смерть того, что уже было получено.

Как мы уже заметили в наших аллюзиях на исторический фон Фичино, смерть всегда рядом с творческой энергией. Можно представить это в метафорах, образах Персефоны и подземного мира, например, как состояние или качество отношения. В известной мере, любой жизненный опыт, что был «психологизирован» или сохранен в памяти и рассмотрен с точки зрения души, является мертвым. Но это лунное умирание больше процесс, движение в направлении опустошения, сопровождаемого соответственно чувствами окончания и утраты. В любой отдельно взятый момент жизни каждый может испытать в себе чувства и фантазии порожденные убыванием некоего духа. В этом случае образ жабы, высасывающей жизнь из молодой женщины кажется наиболее подходящим; так как убывание чего-то, что обладало животворящим духом, ощущается как насилие и отвратительное преступление.

Это лунное восприятие, формирующее часть божественного темперамента разительно отличается от того, что возвращено психологиями на основе эволюционной модели или модели развития.¹² Здесь психологическая жизнь не рассматривается в качестве устойчивого прогресса оторванного от ребячливости и неведения в сторону зрелости и счастья. Неотъемлемой частью божественного бытия является переживание циклов роста и распада, света и тьмы. Значение для терапии вполне очевидное: ожидать движений распада, равно как и роста и не трактовать их как нецелесообразные. На самом деле, терапевт, держа в голове такую планетную схему, может

ожидать гибель Луны, переживаемую как сопротивление естественному распаду и убыванию. Без фазы опустошения, живое наполнение невозможно. Кроме того, луна может быть полной лишь краткий миг в месяце; все же мы часто представляем идеальное состояние психологического здоровья, как-будто луна всегда полна. И наконец, как я уже упоминал, нам не нужно представлять эти лунные ритмы как вытекающий сюжет во времени, а скорее нужно рассматривать их как архетипические образы психе. Нарастание или убывание, полная луна или полумесяц могут ощущаться всегда в контексте какого-либо движения психе.

В Книге Секретов Альберта Великого, коллекции легенд о планетах, среди прочих вещей, можно найти описание Луны. Луна, говорит он, является конвейером добродетелей всех планет – так считал и Фичино – она перевозит честность и честь, но она еще и непостоянная и обожает сырые и влажные места.¹³ Опасностью влажных планет, разумеется, является склонность «чрезмерно обхватывать тело», стать захваченным физическим и личностным. Но, по заверениям Альберта Великого, Луна также делает нас честными, практичными и одаренными здравым смыслом фермера. Психологии, как научной дисциплине, часто не достает этих качеств. Лучшими терапевтами, по моему мнению, являются те редкие люди, которые обладают практическим здравым смыслом фермера, способного распознать направление ветра пальцем или взглянуть на небо без инструментария и понять какая погода. Им известны секреты обыденной жизни, не поддающиеся упрощению до концептуальных формулировок. Они ни в коем случае не являются отрицающими способности разума в познании, но в дополнение к сообразительности и пронизательности, обладают талантом замечать очевидные, но чрезвычайно слабовыраженные знаки духа в его динамике, словно бывалый фермер, замечающий едва заметную коричневатость и понижение вечерней луны.

Глава 11. Сатурн

Среди семи планет, формирующих цепь психологических процессов, две являют особую опасность для души – Марс и Сатурн. Мы уже заметили недобрый нрав Сатурна в Фичиновской натальной карте и заметили его одержимость скрытыми смыслами этого нрава. В его трех книгах о жизни – *De Vita Triplici* – он все время возвращается к мотиву Сатурнианской злобы, но помимо этого в своих книгах он также возрождает давнюю идею о том, что в Сатурнианской тяжести пролегал сокровище глубинного религиозного созерцания и художественного гения. В прошлом Фритц Саксл, Эрвин Панофски и Рэймонд Клибанский изучали обе эти склонности в Сатурне, связанные с определенным Сатурнианским недомоганием, меланхолией, в толковательной манере и с фундаментальным обсуждением теории Фичино.¹ Джеймс Хиллман тоже, использовал аналитические сведения Фичино, так как он на протяжении многих лет развивал высокодифференцированный образ сенека, Старца в психе, такого влиятельного в современной личной и социальной жизни, отображенного в виде бога Сатурна в частности в мифологии и иконографии.² Благодаря безупречной работе проведенной во время разработки этого доминирующего образа в Фичинианской психологии, нам остается изучить еще несколько образов Сатурна, которые предлагает Фичино в своей переписке и медицинских книгах, поместить его теорию меланхолии в контексте ранних глав этой книги, и возможно, поразмышлять о некоторых конкретных способах, которыми эта обещающая, но зловредная планета оказывает влияние на современную жизнь.

Atra bilis (черная желчь, меланхолия): Черный юмор

Сатурн – бог в Римской религии и мифологии о котором, мало известно, кроме того, что он является верховным божеством озимых посевов, зимнего солнцестояния, декабрьских народных гуляний и в целом сельскохозяйственной деятельности. В иконографии средних веков и в эпохи Ренессанса, можно увидеть больше отличающихся богатством подробностей портретов «детей Сатурна», тех людей, которые в своих привычках и занятиях отражают дух этого планетного божества. Среди детей этого седовласого бога землемеры, плотники, ассенизаторы и могильщики,

во всех этих видах деятельности мы видим отражение грани духовного влияния Сатурна.

Сатурн идентифицируется в синкретической смеси Греческой и Римской религии с греческим Хроносом. Из его истории были почерпнуты многие положительные и отрицательные черты Сатурна. История Хроноса началась с того, что он, будучи юношей, восстал против своего отца, помогая своей матери Гайе отомстить отцу Ураносу – Богу неба, взяв серп и кастрировав его. Уранос оскорбил свою жену, затолкав обратно ей в утробу детей, которых она выносила, естественно причинив ей огромную боль, и породив в ней чувство ненависти и фантазии о мести. Серп, которым Хронос разделил союз отца и матери, небо и землю, остается у него и возникает позже на картинках, отображавших Старца Время, и в астрологическом глифе или символе Сатурна в виде полумесяца под крестом.

Даже в этой старой истории, так или иначе, мы видим крайнюю амбивалентность черт Сатурна; например, в старости, когда она становится отцом и царем, он проглотил своих сыновей по той же причине, по которой его отец применил насилие к его матери – для того, чтобы сохранить власть и авторитет. Когда, в итоге, он все же утратил свое положение благодаря коварству своей жены Реи, а его сын Зевс возглавил Греческий пантеон, Хроносу осталось только управлять царством Золотого Века. Таким образом, в истории Сатурна есть и элементы пуэра, юноши, непокорного сына, а также сенекса, дряхлого царя, ревностно оберегающего свою власть и монарха золотого прошлого.³

Взаимодействие между пуэрильными и стариковскими аспектами Сатурна не просто противостояние одного другому или даже парадокс, а постоянно сохраняющееся чувство амбивалентности. Фичино был довольно-таки конкретен касательно точки зрения, которую нам нужно избрать в отношении этого планетного центра: мы должны любой ценой избегать его зловредного влияния, в особенности его способности иссушать душу; но с другой стороны, только пройдя через Сатурн, прочувствовав его дух в полной мере, мы сможем заполучить положительный вклад, который он может явить. Точно также как в истории о Хроносе, нам является молодой человек, осмелившийся создать пространство между небом и землей, открыв промежуточную сферу, где, возможно, может существовать душа,

так и в других историях и образах Сатурна, нам являют блестящее вознаграждение во тьме его недоброжелательства.

Темные оттенки обрамляют образ Сатурна: в алхимии Сатурн отождествлен с процессом разложения и Черным Солнцем, Sol Niger, нигредо, стадией черноты, в психологическом смысле это фаза работы души, когда случившийся бедлам может успокоиться, сгнить и перетлеть. Среди классических жидкостей тела, Сатурн считается atra bilis – черной желчью, обуславливающей депрессию и меланхолию. Смерть и тьма проникают в царство Сатурна, и по предостережениям Фичино, либо чернота привлечет влияние Сатурна, либо Сатурн принесет с собой ощущения смерти и распада.

Недавно я встречался с молодой женщиной, которая поведала мне свой странный сон. Во сне она увидела солнце на небе, но только оно все было черным-черно и лишь окаймлено по своему краю желтым заревом. Для нее это черное солнце появилось спустя длительный период депрессии, образ ее тьмы, но с вселяющим надежду указанием на золото, пролегающее в черной массе меланхолии. Совсем недавно ко мне пришел юноша с жалобами на постоянное ощущение депрессии и неизбежной близости смерти. Непосредственно перед своим визитом ко мне, он отправился в город для прогулки в парке в надежде обрести некое облегчение тяжести, но едва войдя в парк, он споткнулся о тело бродяги, старика, который, судя по всему, умер прямо на улице. Придя ко мне на встречу, этот молодой человек был одет во все черное, черная рубашка, черные брюки, и волосы у него были черные и длинные, соединяющиеся с ниспадающей черной бородой. Планетные образы чаще всего незримы, но иногда они вопиющие, четкие и безошибочные.

Неудивительно, что металл Сатурна свинец, проверенное временем мнение о том, что когда приходит депрессия, мы чувствуем себя «тяжелыми» и придавленными. Сатурн также всегда на краю, далекий и дистанцированный, так в случае и с депрессией, наш взгляд говорит окружающим, что физически мы присутствуем, но наш дух где-то далеко, замкнут в себе. Фичино указывает на эту обособленность меланхолии в Планетах: «Сатурн не просто символизирует качества и способности, присущие человеческой расе, но и человека, отрезанного от других –

возвышенного или низменного, благословенного или одолеваемого невзгодами.»⁴ В истории Хроноса, его окончательной судьбой является правление на краю света, вдалеке от активностей обычной жизни.

Плотницкое дело и строительство

С клинической точки зрения, депрессия может сопровождаться ощущением бессилия, не только по отношению к внешнему миру, но также что касается мысли, памяти и самоанализа. По крайней мере на поверхности, кажется, что меланхолик ни на что не способен; вся его энергия и способность концентрировать внимание кажутся растраченными. Но, как обратил внимание Фрейд, меланхолия обозначает период внешней неактивности и внутренней работы.⁵ Глубоко внутри, может показаться, что что-то происходит, внимание отвлекается от внешнего мира и переносится куда-то.

Мы можем догадаться о том, какого рода работа занимает Сатурнианское сознание, либо в форме меланхолии, либо в ее менее четко выраженном проявлении, в сухом консерватизме, контроле, ригидности и упорядоченности в обыденной жизни, через какие-то сравнения с другими планетами. Фичино обращает внимание, что И Сатурн и Меркурий образуют созвездия через обучение и работу в литературе и науке, но Меркурий далеко не так сух, как Сатурн.⁶ Мы также должны отметить, что хоть Сатурн и не был славен как Бог урожая, как такового, он выглядит скорее как «Беспощадный Жнец», а его серп используется, чтобы зарубить все произрастающее к урожаю. В этом контексте, он как раз противоположен Венере по духу, еще одна планета чье безграничное плодородие легко может воспользоваться лезвием старого Сатурна. Но все, что Венера выращивает в своей влажной почве, Сатурн оставляет погибать в своей бесплодной земле. Не имея влаги, поддерживающей рост, Сатурн вынужден кормиться от того, что уже давно укоренилось и цветет.

Верный своему консерватизму и сухости, Сатурн кормиться старыми и утратившими актуальность фантазиями, которые, из-за того, что у них нет врожденных признаков жизнеспособности, он должен укреплять, восстанавливать и защищать. Итак, Сатурнианские души, подобно плотникам, являющимся его детьми на древних деревянных гравюрах, достаточно сильно вовлечены в строительство: конструирование,

упорядочение, сбор данных, анализ, планирование. Может ли это быть фантазией, стоящей за обязательным упоением, связанным с собиранием бутылок, марок, классических автомобилей, и чуть ли не всего другого, что может быть сведено воедино и объединено? Поведение, не имеющее ярко-выраженной целеустановки среди эго-ценностей, все равно должно быть исполнением серьезного явления. Не пытаются ли коллекционеры навести порядок в своем космосе и разве не Сатурн им бог? А что касается более практических строительных работ – строительство городов, это ли не жадная попытка съесть природу (Гаю), проглотить ее детей, трансформируя их в тело самого Сатурна в его собственном консервативном образе? Лишенные влаги свежей фантазии, мы вынуждены строить миры из старых и сухих идей, придавая определенный Сатурнианский склад большей части нашей культуры. Каменные здания, геометрические формы и стили из идеализированного прошлого, черты, обнаруживаемые во многих университетских городках и правительственных комплексах, выдают господство Сатурна.

Для отдельной личности внутренняя работа аналогична: попытка построить из архаичных материалов и выжить без животворящей влаги. Разворот внутрь, в меланхолию – это движение в отдаленные уголки в себе, к кладбищу души. Кладбища обычно располагаются на окраинах городов, и именно туда Сатурн ведет душу. В алхимии он представлялся в образе надгробия, а дети его были могильщиками, как мы уже увидели. Не только строительство имеет место быть «в Сатурне», но и захоронение. Меланхолик переживает неприятную задачу - обрабатывание загробных пределов, повсюду сухая почва, все живые духи залегли на дно. Фрейд считает, что меланхолия по сути своей является чувством утраты, и несмотря на то, что он заставляет пройти нас через множество искажений, чтобы выяснить, что же такое утрата, это чувство является важной частью комплекса.⁸ Пребывая в Сатурне, мы утратили контакт с движениями души: планетами, лунной реальностью, и поверхностью земли. Мы очень далеко внутри, в Сатурне, самой отдаленной и самой холодной планете. Мы не то, чтобы потеряли нечто, мы сами потерялись на краю нашего внутреннего зодиака, на краю света.

А сейчас мы можем рассмотреть, как водится, образ, который представляет Фичино, дабы обрисовать дух Сатурна более полно:

Древние, желая иметь жизнь долгую, воспроизводили образ Сатурна в камне Feuzizech, сиречь сапфире, в час Сатурна, когда он восходил и был благосклонен. И был он в образе старого человека, сидящего на троне или на драконе, голова его покрыта лоскутом темной материи, держащего в поднятых над головой руках серп или рыбу, и облаченного в темные одежды.⁹

Здесь мы видим образы всех качеств и свойств Сатурна, которые уже обсудили. Первое и самое важное, Сатурн – это старый человек, склад ума которого мы ассоциируем с пожилыми людьми. Несмотря на то, что было бы слишком буквально считать всех реальных пожилых людей Сатурнианскими, все же очень часто они подходят на эту роль. Достаточно всего лишь взглянуть на сборное фото сенаторов и конгрессменов, чтобы заметить ведущий образ нашего общества - Сатурн на своем троне, сухой и холодный. Он сидит в кресле как на троне, или драконе – оба образа символизируют мать как землю и природу. Свойства Старца Сатурна возобладают над хтоническими и более ранними силами Матери Природы; однако, как мы заметили, он без колебаний проглатывает детей природы, удовлетворяя собственные нужды и цели. Голова его покрыта лоскутом темной материи, образ смерти. Онианс, этот пронизательный и глубокий историк древних образов, донес до нас, что Римляне закрывали покрывалом свои головы, если знали, что скоро умрут, и они накрывали головы умерших тканью, полагая, что психе живет в голове.¹⁰

Потрясающий современный источник Сатурнианских образов – работа Самюэля Бекетта, который, среди прочего, отображает сухие и бесплодные свойства нашей культуры, отрезанной от питающих корней. Сцены в его романах и пьесах, часто соответствуют природе Сатурна, суровые и бледные, одинокие и по сути меланхолические. Можно взглянуть на несколько его работ с этой точки зрения, но драма «Конец игры», дает наиболее четкий портрет Сатурна. В начале пьесы, Хамм, судя по имени, древний как сын Ноя, восседает в кресле с окровавленным носовым платком, закрывающим его лицо. По ходу пьесы действия его весьма ограничены, он не покидает своего кресла, он геометрически передвигается

по сцене как по шахматной доске, давая резкие указания своему молодому компаньону и жестко разговаривая с его родителями, выпрыгивающими из мусорных баков. Он представляет это тираническое сознание, доминирующее во всех концовках – будь то конец жизненного цикла, системы убеждений, структуры ценностей, и отношения к себе. Он жаждет полного контроля над прошлым и будущим, и его первые и часто повторяющиеся слова - «это конец» - отождествляют его с умирающим богом, бесконечным мгновением смерти.

Сатурн на самом деле является богом момента окончания, конца игры, когда все, что плодотворно действовало в течение какого-то периода, должно прекратиться; но, как в пьесе Бекетта, игра никогда не заканчивается, так и в Сатурне нет окончательной точки, нет заключения, а только лишь холодное, высушенное состояние смерти.

Золото Сатурна

Сатурн и Меланхолия Саксла, Панофски и Клибанского начинается с попытки продемонстрировать, что Дюреровская гравюра *Melancholia I* выкристаллизовывает традицию, возрожденную Фичино, согласно которой нужно обнаружить сокровище в отвратительных нечистотах Сатурна и в тяжести его свинцового груза. Большинство Хиллмановских работ также показывают, что депрессия и другие проявления Сатурна играют благоприятную роль в экономике психе. Оба эти направления предвосхитил Фичино в своей работе. Его аллюзии мы сейчас рассмотрим, чтобы понять к чему приводит злонамеренность Сатурна.

Прежде всего, тем не менее, мы должны сделать акцент на упорстве, с которым Фичино настаивал на том, что Сатурна следует избегать, так как дух его иссушает душу и неблагоприятно сказывается на теле. Мы уже знаем, что он рекомендовал практику Пифагорийцев – надевать белые одежды, в особенности, когда вы увлечены учением, чтобы нейтрализовать темное влияние Сатурна. Также он предлагает развернуться к Юпитеру, богу общественной и светской жизни: «Юпитер вооружит нас против влияния Сатурна, которое является чужеродным и в каком-то смысле неподходящим для человечества».11 Напомним основной принцип, руководящий Фичино при выдаче подобных рекомендаций: определенные виды деятельности

имеют тенденцию притягивать к душе особые разновидности духа, связанные с таким видом деятельности. В первой и третьей книге De Vita Triplici, он обращается к творческой интеллигенции, предупреждая учеников и прочих, кто тратит свою энергию и время на идеи, остерегаться духа Сатурна. Им следует порой разворачиваться к более веселым занятиям и вовлекаться в общественные события в исцеляющем процессе конstellляции.

Меж тем, Фичино продолжает в своем заявлении: «Но те, кто избегает губительного влияния Сатурна и наслаждаются его благосклонным влиянием, это не только те, кто бегут к Юпитеру, но и те, кто посвящают себя всем сердцем и душой божественному созерцанию, которое обретает индивидуальность примером самого Сатурна.»¹² Таким образом, помимо того, чтобы убегать от болезненного опыта Сатурнианской меланхолии, можно с пользой оставаться в нем и обнаружить в Самом Сатурне степень созерцания равную суровости его злонамеренности. Проще говоря, Фичино рекомендует нам погрузиться в депрессию, побыть там достаточно для того, чтобы она сработала в полной мере для нас. Но все же мы должны постоянно исследовать, каким способом депрессия и меланхолия предложат помощь. Для этого недостаточно только лишь принимать легенду о том, что все великие писатели и художники были меланхоличны от природы. Что же такого есть в депрессии, что она может предложить душе помимо выгодных преимуществ, еще и нечто в высшей степени положительное?

Джеймс Хиллман как-то читал лекцию для студентов университета и его спросили о депрессии. Почему, задали вопрос студенты, его психология так часто делает отсылку к депрессии и поддерживает ее до такой степени, что некоторые критики считают его и его последователей депрессивными личностями? Хиллман ответил, что депрессия является ответом на широко распространенный маниакальный активизм и является угасанием дикой природы буквализма. Ощущая подавленность и тяжесть, мы вынуждены погружаться внутрь себя, обращаясь в большей мере к фантазиям, нежели к буквальным действиям эго. И этот разворот внутрь необходим душе, так как он создает психическое пространство, контейнер для глубинных размышлений, где душа растет, а значение поверхности событий снижается.

Этот ответ связан с его эссе о сознании сенекса, в котором он говорит, что Сатурн подталкивает нас к краю, где наш образный ряд становится первозданным, утонченным и далеким от наших обычных шаблонных размышлений, привычного ряда образов и личностных характеристик.¹³ Комментарий относительно депрессивности последователей Хиллмана напоминает любопытный факт о Фичино и его друзьях. В узком кругу они называли себя «Сатурнианцами», а место встречи Mons Saturnus – Гора Сатурна.¹⁴

Авторы Сатурна и Меланхолии кажется смогли уловить дух Фичинианского прорицания, так как они пишут: «Как враг и угнетатель любых проявлений жизни, в каком либо виде подчиненных современному миру, Сатурн порождает меланхолию; но, как друг и защитник более высокого и чисто интеллектуального существования, он способен исцелить.»¹⁵ Я бы возразил лишь миру «интеллектуальному», принимая во внимание самую первую формулировку в Планетах: интеллект без души не имеет связи с телом. Душа должна стоять посередине. Лучше сказать, по этой причине, Сатурн ведет нас в высшие сферы души.

Также и Фичино делает некоторые наблюдения, дополняющие Хиллмановскую идею о депрессии, уводящей нас от поверхностного царства частных. В книге *De Vita Sana* он пишет:

Кажется вполне естественным, что проявление интереса к сложным наукам необходимо духу [animus] для того, чтобы прийти от внешнего мира к внутреннему, продвинувшись от периметра к центру, и отражаясь в самом себе оставаться ничего не опасаясь в центре индивида. Но собрать себя из периметра и продвинуть в центр подобно земле, с которой черная желчь довольна схожа. Поэтому черная желчь провоцирует дух собраться, взять себя в руки, сохранять целостность, и неослабно разглядывать. Как и центр мира, она перемещается к центру любой вещи, которая подлежит исследованию и простирается до высот тех вещей, которые подлежат пониманию, где она весьма вероятно как Сатурн, самая высокая из планет.¹⁶

И здесь, кажется, есть противоречие: Сатурн ведет душу к краю ее внутренней тверди небесной, к краю света, от человеческой жизни; а здесь

Сатурн описывается как движение к центру. Но, разумеется, центр в данном случае не является срединной точкой психе, а скорее центром «каждой вещи, подлежащей исследованию». В Сатурнианской тяжести и глубинных фантазиях, нас затягивает на глубину к образам души – не всегда четко визуализируемым картинкам, а часто просто расплывчатым образам настроения или атмосферы. Проблематика эго и активного воображения больше не удерживает внимание. Согласно гносеологии Фичино Сатурнианское сознание соответствует *Mens* (ум, мышление, рассудок), наивысшего предела души, чья функция наиболее удалена от материального мира. Это и не духовность Солнца, ни рациональность Меркурия, а скорее функция глубинного мышления, созерцания, наблюдения, на расстоянии от конкретики, и Фичино высоко ценит это достижение сознания:

Те лунные люди, которых Сократ описывает в Федоне, обитающие на самом высоком уровне поверхности земли и еще выше в облаках, внимательно наблюдающих и в меру удовлетворенных, и преданных постижению тайной мудрости и религии, наслаждаются блаженством Сатурна. Они живут долго и счастливо, вследствие чего они не воспринимаются такими уж смертными как бессмертные демоны, которых многие зовут героями и Золотой Расой, наслаждающейся веком и царствованием Сатурна.¹⁷

Где-то еще Фичино пишет в том же духе: «Вместо земного бытия, от которого отдален сам Сатурн, он дарует небесную и вечную жизнь вам.»¹⁸ По своему Сатурн выдергивает нас из мира буквализма, подальше от монотонного жизненного опыта, в царство непреходящих шаблонов, в настоящий дом души, или если еще проще в состояние сознания при котором может быть воспринято и оценено психологическое измерение в своем чистом виде. Если избежать терзающей болезненности Сатурна, а его влияние выглядит просто как старческая сварливость и имперский контроль, нам не найти доступ к тем первозданным фантазиям и образам, настолько отдаленным от влажного переживания. И тогда Золотой Век всего лишь на всего идеализированное личное прошлое. Но когда мы обращаемся к этому богу и выдерживаем его меланхолию, тот же самый Золотой Век выталкивает личную историю в осознание более широких паттернов. Наши герои в его коллективной, архетипической памяти не просто важные

персоны из детства и юношества, а настоящие герои и прародители более масштабные, чем жизнь. Чувство меланхолии, связанное с этой фантазией вполне может быть, как интуитивно знал Фрейд, чувство потери, связанное с отказом от своей личной истории как источника смысла. Человек становится более заинтересованным образами, нежели людьми, которые их вызвали, и становится более сосредоточенным в этих образах, нежели сосредотачивая эти образы в центре себя. Это, по словам Фичино, во многих контекстах, является наивысшей точкой вовлеченности души, наивысший смысл наблюдения и созерцания, и в подлинном смысле религиозный феномен.

Награда за пребывание в чувстве меланхолии, депрессии и подавленности напрямую происходит из-за ухода из той жизни, которую эти чувства подпитывают. Это очевидно в списке переживаний, который Фичино приводит в Планетах в качестве примера условий, которые могут вызвать Сатурнианский дух. «Мы подвергаемся Сатурну,» - пишет он, «через свободное время, одиночество и болезнь; через богословие, непостижимую философию, суеверие, магические ритуалы в сельском хозяйстве и через горевание».19 Все это влечет за собой отказ от обычных дел, либо через досуг и одиночество, либо телесно через болезнь, или посредством изучения вещей, которые сами по себе очень далеки от того, что мы считаем обыденным и привычным. Сатурн ослабляет энергию и энтузиазм в обыденной жизни, чтобы высветить необычное, самые глубины души.

Когда способность обычного существования обеспечивающего ощущение смысла и жизни предает, чувство печали и искушения в отношении отказа, вторгаются в сознание. Это естественное движение психе, поворот в круге планет; так как эта печать может оказаться призывом к глубинным истокам. Юнг утверждал, что каждая значимая психологическая проблема, представленная в нынешние времена смятения и отсутствия смысла, является, по большому счету, духовным упадком.20 Во всяком случае, в некотором смысле, это может быть Сатурнианской ситуацией, религия на самой своей глубине по мнению Фичино, так как мы наконец-то сталкиваемся в своей меланхолии с конечным потенциалом обыденного и личного, и ищем чего-то трансцендентного. Это не означает, что только лишь в депрессии можно найти религиозное значение и удовлетворение, но и в ней тоже оно есть. Сатурн не просто причиняющая трудности планета,

которые нужно избегать; при непоколебимости и терпении можно обнаружить темные, тягостные, амбивалентные настроения, но и путь через и за пределы ограниченности и пустоту настоящего.

Глава 12. Юпитер

Последние две планеты, которые стоит рассмотреть, носят имена божеств с богатой историей в мифологии, но в системе Фичино требуют некоторой проработки. И Юпитер, и Марс представляют сферы психологического значения не менее важные, чем другие, однако их функции выглядят такими определенными и прямолинейными в Фичинианском круге Зодиака, что ресурса для развития воображения очень мало. Две вполне себе противоположные по своим свойствам планеты; на самом деле в Фичиновских работах, Юпитер всего лишь призван в качестве покровителя решающего любые проблемы, а Марс всякий раз представляется грозной силой, которую нужно избегать. Вследствие этого, нам не приходится ожидать слишком многого от Юпитерианской психологии в плане рефлексий.

Семена фантазии

Если в Сатурне мы находим отказ от обыденной жизни, то в Юпитере обнаруживаем вход именно туда, где все наиболее привычно и обыденно. В Фичиновской психологии, он является богом обыденной жизни, божеством, представляющим помимо всего те вещи, что поддерживают умеренную жизнь, в частности закон и правительство, поддерживает светскую и общественную жизнь. Среди писем Фичино можно обнаружить краткое описание Юпитера, достаточно интересно написанное в 1492 году. В нем он дает краткий портрет Юпитера и в этом процессе рассказывает о некоторых Юпитерианских свойствах и духах. «Юпитер это интеллект», - пишет он, «от которого произошла вселенная»;¹ в связи с этим, он может символизироваться в виде сфер или округлых форм. Или же, он может представать в образе мужчины, особенно в силу того, что он является умом, рассудком (*mens*) и «наделяет все разумными основаниями (*seminal ratio*)».

Именно разумные основания «*seminal ratio*» Фичино описывает во вступительной фразе Планет довольно-таки витиеватым языком,² и так как это понятие является базовым в астрологической теории, оно заслуживает короткого комментария. По Фичино, Мировая Душа, незаменимая на космическом уровне для объединения разума и тела, обладает стольким количеством «*seminal ratio*», скольким и идеи в божественном разуме.

Молекулы вещей приобретают форму исходя из этих оснований в душе, и на самом деле, когда случается распад всего, их можно оживить посредством семян души, а далее, этот процесс может быть завершен посредством материальных форм, в которых хранились эти дары Мировой Души. Такие материальные формы, соответствующие семенам Мировой Души, что рекомендовал нам Фичино, звались «божественными соблазнами» у Заратустры и «магическими ловушками» у Синезия. Фичино объясняет, что мы можем создавать такие «ловушки» в материальных формах, способных привлечь приток космической души; они срабатывают или как паттерны, или как образующие семена.

Один из ведущих принципов в этом исследовании – смещение перспективы: увидеть душу как качественное состояние, а не как вещественное содержание. Одно дело поместить психе внутрь метафизической схемы, и совсем другое представить душу как измерение сознания. Если это действительно верно, тогда то, что я предлагал ранее на основании теории Хилмана о том, что Мировая Душа и есть сам мир, оживленный через фантазию, тогда мы рассматриваем эти малопонятные идеи Фичино как способ обращения с этими фантазиями. На самом деле, было бы более уместно переводить «ratio» в этом контексте как «фантазия». Тогда «seminal rationes» становятся зернами фантазии, которые прорастают воображении и оплодотворяют жизнь. Назвать их космическими фантазиями значит вырвать их из личностной сферы, поместив их в циклическое астральное тело.

На самом деле Фичино будто бы сделал предположение о том, что жизнь может стать рутинной и неосознанно застрять в материалистических проектах; она вырождается потому, как отрезана от порождающих фантазий. Но, по словам Фичино, жизнь можно снова возродить и вдохнуть душу, посредством грамотного и ловкого обращения с образами; так как именно в образах мы обнаруживаем семена-фантазии. Размышляя о Юпитере мы снова возвращаемся к этому Фичиновскому лейтмотиву: душа воссоздается и питается духом, содержащемся в материальных формах, в образах, которые являются неотъемлемой частью жизни. Вещи мира, такие очевидные и незамеченные, являются «магическими ловушками», которые могут снова приманить нас к психологической перспективе, и снова свести

как раз с семенами жизни, нашими глубинными фантазиями о мире и о самих себе.

Задача Юпитера обеспечивать особую сообразительность, необходимую для создания культуры и поддержания ее в жизнеспособном состоянии. Он и есть та форма воображения, при помощи которой мы трансформируем наши видения в реальности коллективной жизни. Фичино утверждает, что наши образы о нем отражают, что его власть стабильна и неизменна, что его творческий ум видим для разумных и высших существ, но скрыт от низших существ. Его домицилий, по сути, «самый духовный [spiritualissimum] домицилий жизни».3 Как правило, мы думаем о формировании и поддержании культуры в рамках обычного бескомпромиссного прагматизма; проект физического выживания. Но, с точки зрения Фичино, культура – это источник духа и образного сотворения фантазии, и это вовсе не означает, что культура автоматически является чудесным источником психологического сотворения. Дух и фантазия могут быть вполне себе негативными и плоскими. Тем не менее, Фичино предполагает, что в Юпитере мы действительно имеем планету внутри, «оживляющий дух мира», способность создавать социальную атмосферу, которая станет психологически питательной.

Семеподобные намерения, заполняющие наши умы при строительстве городов и наций, обслуживают мировое правительство и торговую деятельность, учреждают систему образования, закон, политику, коммуникации, и другие формы обычной жизни – все это не просто «естественный» продукт убеждения людей, но также и глубинные корни в психе; следы их ведут к богу, который является абсолютным духом, рождающим культуру и поддерживающим ее.

Грация человеческой жизни

Именно в духе Юпитера Фичино увидел свой собственный век и культуру как непревзойденное достижение; в письме он назвал свою эпоху «веком золота». «Мы снова вытащили на свет божий», - хвастался он, «гуманитарные дисциплины: грамматику, поэзию, ораторское искусство, живопись, скульптуру, архитектуру, музыку и античные песни, исполняемые под Орфическую лиру.»4Бесспорно, что энтузиасты двадцатого столетия

вряд ли будут хвастаться такими вот достижениями; все эти «солярные» достижения, полны духовной значимости, питающие душу и нацеленные не просто на разум и тело, как многие достижения сегодня. Итак, по мнению Фичино это Юпитерианская невоздержанность так нахваливать эпоху; так как он считал Юпитера источником наиболее по-человечески значимого духа. Наравне с Меркурием и Солнцем, он среди самых человеческих планет, или подобных им, как Фичино говорит в Планетах. В письме Лоренцо, он добавил Венеру в этот список, и, соединяя Юпитера с Меркурием, останавливается на трех планетных «Грациях». Письмо стоит подробного цитирования:

Сначала поэты среди нас, отображали Граций в виде трех молодых женщин, обнимающих друг друга. Эта троица самая влиятельная из высших планет: Меркурий с Юпитером, говоря иными словами, склонен к дару Юпитера, Феб и Венера, объединяются парами в божественном круге с обоюдной выгодой. Имена трех Граций: Viriditas (Зелень), Lux (Свет) и Laetitia (Радость), весьма подходят для таких же звезд. Расположенные в таком порядке на небе, эти звезды особенно благоприятствуют человеческому характеру. По этой причине, они названы Грациями, не для животных, а для людей. На самом деле, они не слуги Венеры, а Минервы. Когда вам говорят, что первая Грация это Юпитер, нужно представлять не Юпитера, Меркурия-Юпитера. Так как Меркурий побуждает Юпитера на оживленную и своевременную подвижность, следует внимательно исследовать такие аспекты. Солнце делает доступным каждое открытие вам, кто пронизан его светом. И наконец, Венера всегда украшает любые находки самым благостным очарованием.⁵

Это письмо, написанное в Кареджи 18 октября 1481 года, за несколько лет до публикации Планет (1489), дает нам важное раскрытие сути Фичиновского понимания этих планет. Он особенно серьезно относился к взаимосвязям, что означает, что он знал, насколько разнообразно могут взаимодействовать паттерны сознания. Озабоченность Юпитера созданием культуры нуждается в услугах духа Меркурия, чтобы «поддерживать изменение формы», видеть то, что лежит в основе результатов культуры, чтобы не застрять в пустых структурах. Зелень Венеры, духовный свет Солнца, и оптимизм и радость Меркурия-Юпитера отлично сочетаются,

чтобы создать питающий человечество климат. Они являются тремя Грациями, танцующими вместе и обнимающими друг друга. И они слуги Минервы, как говорит Фичино, хотя и близкие к Юпитеру; что касается Минервы—Афины, являющейся интеллектом polis (города), гением города и государства, знающего как превратить и страсть и разум в цивилизованную среду, благоприятную для человеческой жизни.

По названию пятой главы Планет, Юпитер является средней сестрой Граций, Грацией наиболее подходящей для нас (*maxim nobis accommodata*).⁶ Юпитер – это тот дух, что является самым важным для человеческой жизни, потому как он и разделяет дух других питающих планет, и смягчает их до человеческой способности переносить. Например, через Юпитера, духовная интенсивность Солнца смягчается. В Планетах можно прочесть:

Несмотря на то, что Солнце реализует все вещи более эффективно, Юпитер делает их с силой Солнца. В обоих расцветает жар и преодолевает влагу, но в Юпитере эффект умеренный, а в Солнце сильный. Но в обоих эффект благотворный.»⁷

Солярные люди находят бесчисленное множество способов напрямую коснуться мира духа. Они могут уйти в монастырь или взбираться на гору, зацепится за политические мотивы, выучить систему медитаций или примкнуть к церкви. Другие предпочитают не прямые пути к духу, пути Юпитера. Восстановление старых домов в городе может выглядеть не совсем как духовная деятельность, но на самом деле эта включенность приправлена перечной мятой Юпитера. Все, что способствует грации в жизни и восстанавливает эту грациозность в психике в сущности является Юпитерианским, согласно типологии Фичино. Это тот дух, что наслаждается благоприятными «конъюнкциями» с Меркурием, самой влажной планетой. Юпитер гораздо менее опасен по сравнению с Солнцем, что касается иссушения души в своих высоких целях; Юпитер пребывает рядом с потоком жизни, воодушевлением и последствиями социальной вовлеченности, и обыденностью, конкретными подробностями формирования и моделирования культуры.

Юпитер не только обладает этими солярными способностями, выработанными в его собственном умеренном стиле, но и сдерживает

низменные стремления души. По словам Фичино, этот дух содержит в себе с одной стороны элементы Солнца, а с другой стороны элементы Венеры и Луны. В Планетах он говорит:

Пока лучи Венеры не перестают сплетаться со светом Солнца и трансформировать его, лучи Солнца, так как они теплее, нагревают ее влагу. Но лучи Юпитера не требуют нагрева; для чего же нужен Юпитер, если Солнце специально изначально нагрело на процветание дел человеческих? Или что еще кроме Луны и Венеры создано теплее и сильнее?8

Человеческая культура, обнаруженная в данном образе планеты Юпитер, нацелена на осуществление двух противоположностей человеческих интересов – тела и духа – и собирает их где-то в серединной точке, в психологической. Таким образом, «смягчение», которое выполняет Юпитер, по сути своей, является психологизацией; противоположности солярного духа смешиваются с земными, эмоционально-воспринимаемыми фантазиями Луны и Венеры. Тогда, Юпитер по-своему выполняет именно то, на что направлены большинство процессов, изученных нами: установление пространства для психе, как в алхимическом растворении и сгущении и придании треугольной формы квадрату. В случае с Юпитером, это процесс создания культуры, смесь духовных интересов с фантазией и плотью. В имажинистских формулировках Фичино, «Смешать солярные атрибуты с атрибутами Венеры, и у вас получится Юпитерианское воплощение от обоих»9.

Меж тем, решающий момент в констеллировании Юпитерианского духа – это уровень сознания, при котором формирование культуры продолжается. Ранее мы увидели, что Американский Индеец, когда благодарит землю за плоды, возможно, делает это с заботой о том, чтобы получить больше пищи для своего тела, или же, скорее всего, он совершает этот маленький ритуал, чтобы сохранить в сознании связь, которая у него есть с землей. В последнем случае, его действия психологичны, напитывают его психе больше, чем тело. Таким образом, развитие культуры – создание законов, строительство городов, культурных учреждений и тому подобное, может осуществляться с психологическим отношением, с заботой о психе на первом месте. Сейчас это достаточно редкий феномен в нашем современном мире, но такое внимание к психе несомненно напоминает о

себе время от времени. В качестве примера можно взять работу архитекторов, что строят конструкции для людей, и не просто функционально, а с человеческим чувством и ценностями в голове. Архитекторы, например, строящие хосписы для умирающих, очевидно, озабочены физическим комфортом и удобством, но, они в большей степени поглощены значимостью пространства для психик людей, для которых они работают. Они могут учесть потребность в уединении, фантазию о смерти, на которую наталкивает здание, постепенное сближение родственников и друзей с умиранием.¹⁰ Этот вид работы по заказу социальных учреждений можно выполнить в Юпитерианском духе, используя психе не только для того, чтобы мы могли воображать музыку и людей с душой, но и здания и социальные учреждения.

Функциональный, прагматичный подход так широко распространенный в наши дни, скрывает другие более важные задачи культуры. Общество – это не только сборище людей, но еще и театр образов. Когда мы воздвигаем здания или учреждаем общественную организацию, мы также создаем и образ. Я не имею ввиду тот вид образов персоны, о которых говорят рекламщики. Даже в наших функциональных подходах, вопреки самим себе, мы создаем образы везде, и эти образы до некоторой степени определяют качество психологической жизни общества. План города или его отсутствие касается не только физиологических потребностей людей, но он также добавляет или уменьшает форму жизни психе. Город, у которого есть душа, будет питать психе своих жителей, а город без души будет высасывать жизнь из людей.

Описания, которые давал Фичино «*seminal ratio*» и Мировой Душе, могут прозвучать совершенно в духе Неоплатонического мистицизма, но на самом деле его инсайты являются достаточно важными и трезвыми. Произведения культуры по сути своей являются «магическими ловушками», вызывающими дух, что попадает глубоко в психе, настолько глубоко, что они могут быть представлены культовым божеством. Образы вокруг нас в нашем вымышленном мире служат и как образцы порождающих фантазий для нашего личного сознания. Не надо доказывать, что по большому счету мы являемся интернализацией нашей культуры. Наши ценности и желания и страхи рождаются из наших образных столкновений с человеческим миром

вокруг нас. И поэтому Фичино предлагает, почему бы не развивать этот мир для души. Почему бы не признать роль планеты Юпитер в ритмах психе? Общество само по себе может являться источником психологического творчества, но как мы уже ранее заметили, чтобы достигнуть души нам нужно брать с собой душу. Чтобы добиться этого, нам нужно обладать воображением, и в этом и заключалась цель астрологической терапии Фичино: оживить воображение, чтобы мы смогли осознавать психологическое воздействие от всего, что мы делаем и создаем. Фичино называет Юпитера «помогающим отцом для всех людей, проживающих заурядную жизнь».¹¹ Он такой отец, потому как задает импульс для культурной аккомодации духа и тела в окончательной психологической среде.

В исследованиях богов Ренессанса, выполненного Жаном Сезнеком, воспроизводится образ Юпитера, картина, взятая из Тарокки Мантеньи, серии карт, выгравированных в меди. Считалось, что они были созданы в середине пятнадцатого века для группы церковнослужителей, включая Николая Кузанского.¹³ Юпитер изображается в виде короля, его орел над его головой. Вместо разряда молнии он держит стрелу, а под ним на земле лежат поверженные солдаты. Юпитер восседает в мандорле, геометрическая фигура, полученная от пересекающихся окружностей, и в этой мандорле, прямо под его ногами, находится маленький ребенок, очевидно охраняемый Юпитером.

Этот портрет Юпитера, согласно времени и месту Фичино, отображает суть Юпитерианского духа. Две сферы духа и материи встречаются в промежуточном царстве, пространстве мандорлы, что является контейнирующим пространством психе. Орел Юпитера, как сообщает нам Фичино в некоторых отрывках, представляет его тесную связь с солнцем и его власть над всеми живыми существами; но, также как и разряд молнии и стрела, орел еще и указывает на то, что Юпитер может перемещаться в пространстве между небом и землей. Благодаря этому установленной промежуточной зоне, ребенок, что является беззащитной растущей частью психе, защищен, и опасности героических фантазий отодвинуты. Этот последний пункт особенно примечателен. Если работа культуры не рассматривается в ее психологическом измерении, а именно как работа для

психики и психикой, тогда высвобождается ничем не ограниченный дух воинственности и героизма. Национализм подменяет важность человеческого общества; деньги и энергия идут на проекты, цель которых преодолеть силы или тайны природы, но без глубинной цели.

Проще говоря, социальная психология Фичино подчиняется таким принципам: Мы получаем то, что мы делаем. Если мы приступаем к задачам культуры с душой в голове (memoria), даже если нам придется нарисовать свой гороскоп на потолке нашей спальни, чтобы не забыть его, тогда душа будет напитываться «магическими ловушками», созданными нами. Если бы все, что касается культуры сбывалось как «магические ловушки» или «божественные соблазны», тогда психе была бы напитана в полном объеме и мы не страдали бы от разделенности души и тела. И возможно тогда, наши церкви и университеты - которые сейчас служат в угоду разуму как таковому или очищенному чувству духа – более плотно сцепились бы с политическими волнениями, на сегодняшний день по большей части материалистичными. Возможно, все, что нам нужно помимо процессов психе, так это мандорла Юпитера, где пересекаются эти две сферы.

Фичино предлагает в слегка прозрачной, загадочной форме Юпитера как покровителя социальной психологии, который во много раз превосходит эту дисциплину в том виде, в котором мы знаем ее сегодня. В Фичинианском контексте, социальная психология обязана каким-то образом обращаться с влиянием, которое общество оказывает на душу, а также подумать над способами, какими можно вернуть душу обществу. Последствия и того и другого для работы над формированием культуры и для психологической дисциплины колоссальны.

И в рамках этой дискуссии о роли Юпитера в цикле планет психе, мы не должны пренебрегать общепринятым значением «Юпитерианского». В вышеописанном социальном сеттинге, в обществе, у которого есть душа, можно было бы вполне надеяться обнаружить Юпитерианскую атмосферу, и, возможно, и соблазнительную и магическую.

Глава 13. Марс

Френсис Йетс, подводя итоги по труду Фичино De Vita Triplici в своей книге по герметизму Ренессанса, предлагает свою собственную фантазию о том, какой могла бы быть терапевтическая практика Фичино: «Мы должно быть в кабинете достаточно высокооплачиваемого психиатра», - говорит она с пронизательностью историка, способного ярко представлять образы, - «который знает, что его пациенты могут позволить в избытке золото и выходные за городом, и цветы не по сезону (любые цветы круглый год – как вариант перевода).»¹ Атмосфера виллы Фичино «Laetus in Praesens»(счастлив в настоящем), богатое покровительство Медичи и лекарственные средства, которые Фичино предписывает, подтверждают картину, предлагаемую Йетс. Также можно представить, что Фичино и его друзья вполне себе вписались бы в атмосферу тех западных округов Калифорнии. Окруженный художниками, интеллектуалами, путешественниками с Востока, странствующими приверженцами оккультных и мистических таинств; по любому поводу устраивающий празднества; доступный для частной психотерапевтической практики, особенно для богатых покровителей; и наконец, экипированный тем, что мы в наши дни назвали бы электронной Орфической лирой, из Фичино, при всей его физической непривлекательности, вырисовывается эффектная личность. Возможно, это обновленная картинка намекает нам, почему Марс оказался последней и наименее изученной планетой в зодиакальном круге.

Подобно некоторым современным психологическим направлениям, которые могли бы выступать под торговым знаком «цветы не по сезону (любые цветы круглый год – как вариант перевода)», Фичино нашел немного место в душе для этого бога гнева, насилия и безрассудства. Во всех его работах, будь то Планеты, или его философские труды или его письма, где он предупреждает о влиянии Марса, эта планета упоминается относительно немного раз. Он часто объединяет Марс с Сатурном, но в случае бога меланхолии он смог найти как отрицательные, так и положительные черты. Марс же остается по большей части отрицательным фактором в жизни психе, которого нужно избегать или по крайней мере смягчать.

У Фичино было достаточно причин, для того чтобы предупреждать о пагубном влиянии Марса: гнев, насилие, ненависть, война, агрессия любого рода, ожесточенность и героизм – это все проявления этого бога. Фичино отчетливо познал все это на собственной шкуре, проживая до самой смерти во Флоренции, где интриги и убийства, междоусобицы и войны были обычным делом. Его покровителя Косимо заключили в тюрьму, и ему грозила смерть, пока его не выдворили из города.

В нашем мире тоже, можно обнаружить положительные стороны Марса только столкнувшись во всей полноте с его другой стороной. Войны и насилие все также повсеместно распространены и ведутся так самоотверженно, что наше существование ежедневно под угрозой. Необузданный героизм идет настолько близко с идеологическим рвением, что религиозная подоплека поклонения Марсу деликатно скрыта, особенно в политически мотивированном терроризме. В быту тоже мы ежедневно читаем в новостных сводках о супругах, родителях, любовниках, друзьях или соседях, доведенных до безумия приступами гнева, захваченностью Марсом, и превратившихся в безумных насильников. И, в конце концов, менее явно, приходится сталкиваться со множеством примеров, где по сути человек по-настоящему воюет с собой. Сам Фичино говорил об этом: «Человек яростно борется с собой в фазе Марса».2 И это не просто давление вооруженного до зубов суперэго, истязающего эго, хотя суперэго и находится под сильным влиянием Марса, но конфликт между разными частями селф имеет привкус военных действий.

Летописи двадцатого столетия часто рассматривают как отчеты Марсианского бедлама. Репортажи и новостные выпуски, ведущие хронику прошлого века, иногда бесконечным потоком проносят перед глазами всевозможные виды военных материалов и оружия. Газеты, как я уже говорил, вещают истории об убийствах, иногда интересных словно детектив, но чаще всего обыденно изложенных фактов слепой ярости и сожалений. Даже большинство эпохальных мемуаров и дневников шокируют нас своими откровениями о ярости, кипящей внутри, вываливая наружу то, что с виду казалось благостным и смиренным. Точно также и Марс, планета, с которой нужно считаться.

В следующей главе, мы рассмотрим некоторые способы обращения с яростной негативной стороной различных планетных духов, соглашаясь с Фичино в том, что «выдержка» может стать решением. Но здесь, конкретно в случае с Марсом, позвольте напомнить основополагающее правило. Юнг придерживался того мнения, что любой бессознательный фактор, если подавляется или не учитывается, может стать настолько захватывающим, что может стереть все эго включения. Временами может казаться, что сам Марс овладевает телом и совершает убийство, или Венера захлестывает эго и приводит уважаемых сенаторов к сценам стриптиз-клубов или массажных салонов. Выход, предложенный Юнгом, это устанавливать отношения с темными фантазиями, обнаруживать этих мелких людишек – наши комплексы – населяющих ночлежку нашей души, и наблюдать, можем ли мы с ними договориться.³ Для того, чтобы сделать это, необходимо прежде всего быть знакомыми с этими внутренними персонифицированными фигурами, проявляющимися ночью в наших снах и время от времени выскакивающих в не типичном для нас поведении или действиях. Часто люди, не привыкшие к вспышкам гнева, оказываются заточенными в тюрьму собственной ярости и после неизменно говорят: «Что же нашло на меня?» Возможно, правильным был бы вопрос: «Кто нашел на меня? Кто овладел мной?»⁴ Внутренняя гневливая фигура может состоять из нескольких компонентов: прошлого опыта, отождествления с друзьями, или возможно нежданный, но полноправный жилец в доме личной психики. За пределами этих личностных факторов есть еще архитипические, по большей части – человеческие и сверхчеловеческие силы конфликта, битвы и ярости – сам Марс.

Марс является коллективной рабочей фантазией в жизни каждого из нас, совершенно естественной силой – Конфликтность, наиболее фундаментальная реальность, положенная в основу доводов ранних греческих философов натуралистов. Марс – коллективный преступник психе, сеющий хаос, но все же играющий не поддающуюся упрощению роль в общей экономике души. В работах Фичино можно найти подсказки касательно природы этой роли, однако, как я уже сказал, Фичино оставляет Марса по большей части в рядах изгнанников Олимпа, дух, который стоит избегать чаще, чем конфронтировать. Тем не менее, он предполагает некоторые важные функции этого вспльчивого божества.

Укрепитель Души

Пока мы исследуем, какую же службу служит Марс для психе среди других планет, нам бы не хотелось уклониться от рассмотрения его истинного характера и изменить его огненно-красный на нежно розовый. В Планетах Фичино демонстрирует нам, как надо. Сперва, он говорит, - «Всякое Марсианское как яд, естественный враг для духа.»⁵ Затем он предупреждает о том, что Марс способен оказывать губительный эффект на кишки; «Вам нужно избегать плохих аспектов Сатурна или Марса с Луной; первый нарушает работу желудка, а второй разрушает [dissolvit] кишечный тракт.»⁶ Обычно в случае подобных заявлений, не стоит трактовать Фичино буквально; в астрологии само тело служит метафорической системой. Но, стоило бы поисследовать возможные связи между кишечными проблемами и работой Марса. В любом случае, дух Марса – это жгучая специя, которую не просто переварить телу психе.

Затем Фичино позволяет нам оценить Марсианский дух с более привлекательной стороны: «Если некто считает, что Сатурн и Марс ядовиты от природы, я бы с этим поспорил, потому как их иногда тоже нужно использовать, точно также как некоторые лекари применяют токсичные материалы.»⁷ Однако, несмотря на то, что дух Марса по своей сути токсичен и часто вредоносен, у него тоже есть свое предназначение. Прославленная теория Юнга о «тени» проводит параллель с заявлением Фичино; например, даже если психический элемент атакован или даже находится в серьезной опасности, по крайней мере с точки зрения эго, возможно в этом заключается важная роль, которая должна быть сыграна для общей констелляции психе. Мы склоны вытеснять Марсианский дух из «характера», потому как считаем его в моральном отношении опасным и отравляющим; но, возможно, удерживая гнев за пределами господства моральных возможностей, мы создаем возможность для более суровых атак Марсианского духа. Марс содержит в себе львиную долю тени, по крайней мере, для некоторых. Это наиболее верно для тех людей, чье религиозное воспитание привело их к такому общему миролюбивому отношению, что малейший признак Марсианской багровой ярости или воинственной силы является для них совершенно четким знаком зла. Сегодня Марс сдерживают фразами типа «Я не хотел никого обидеть». Марсианский дух на самом

деле силен, и когда его дух присутствует можно ранить чувства, но часто результат поддержания чувств в благостном состоянии является всего лишь другой формой Марса, ярость, направленная на себя. Любопытно, что Марс и Сатурн часто выступают в связке, так как они соответствуют двум видам депрессии: меланхолия как проявление Сатурна, которую мы уже изучали; и ярость на себя, чувство подавления себя своей же собственной силой.

Фичино приводит соответствующий астрологический комментарий по этим вопросам: «Чтобы смягчить робость в первый час Марса, с восходящим Скорпионом, представляйте образы вооруженного и покрытого короной Марса.»⁸ Для той части населения, в ком Марс прочно конstellлирован, рекомендация овладеть навыками Марсианского духа может показаться странной и даже сомнительной. Но не у всех Марс в такой жизнеспособной форме; на самом деле, в культуре, где часто вознаграждается предельно выраженные пассивность и покорность, Марс может быть далеко отодвинут, в ущерб индивидууму и обществу в целом. Последние психологические исследования зафиксировали способность общества оставаться пассивными перед лицом дикости, преступности и насилия над личностью. Допустим, эти феномены являются комплексом, но нельзя ли допустить, что невозможность признать Марс в пантеоне психе объясняет в некоторой степени это неправдоподобное спокойствие?

Пламя безрассудства

Цвет Марса, разумеется, багровый; его металл – железо, его стихия – огонь, а температура высокая – он является самой раскаленной планетой в парадигме Фичино. Этот багровый раскаленный дух не только напрямую подразумевает воинственное отношение, побеждающее робость и пассивность, он также усиливает духи других планет. В Планетах Фичино утверждает, что «Марс согревает все самое застывшее и холодное, и заряжает энергией медлительное и инертное.»⁹ В одном из писем он пишет, что «Марс, правитель Арес, распалает дух.»¹⁰ А в своем эссе *De Amore*, Фичино приписывает Марсу способность «вызывать ветры.»¹¹ Фичино часто рекомендует сочетание духов Солнца и Марса в любом людском начинании, требующем силы и энергии. Таким образом, в большинстве случаев, нам нужно представлять мощную силу багровой

планеты, коренящуюся в том же источнике, из которого приходят наши проблемы с насилием и яростью, но если Бог признан и ему отдается должное, его пыл и энергия направляются на более творческие цели. И тогда снова мы находим у Фичино не теорию подавления и терапевтическую рекомендацию «остудить свой пыл», а скорее другой способ представлять, а впоследствии и переживать то, что легко могло быть воспринято отравляющим духом.

Во взаимодействии планет, наиболее любопытной с точки зрения Марса является Венера. Эти двое всегда считались противоположностями, и их примирение было бы вселенским чудом. В мифологии эти два божества соединяются и у них рождается ребенок – Гармония; но как мудро предупреждает Эдгар Уинд, не стоит думать, что во время этого соития Марс оказался затоплен влагой Венеры.¹² Фичино, в отрывке, упомянутом Уиндом, развивает эту тему, добавив несколько последующих озарений по Марсианскому характеру. Я привожу подробную цитату этого отрывка:

Есть ли кто смелее любовника, сражающегося за свою возлюбленную? Марс превосходит остальных Богов по силе, так как он делает людей сильными. Венера умирляет. Но когда Марс в аспекте или во втором доме гороскопа, или в восьмом, он предвещает беды и горе. Венера, часто в соединении, или оппозиции, либо рецепции или в секстиле или в трине с Марсом, можно сказать, останавливает его зловредность. Если Марс управляет рождением человека, он дарует величие духа и в равной степени гневливость. Если Венера приближается, она не нарушает величие духа, дарованного Марсом, но подавляет силу гнева. Как-будто она умирляет Марс и делает его более мягким. Но Марс не умирляет Венеру. Если она главенствует, она обеспечивает любовное влияние. Если же Марс правит неподалеку, он делает силу Венеры более обжигающей. Таким образом, если кто-то рожден в Марсе в доме Венеры, под знаком Весов или Тельца, из-за присутствия Марса каждый так рожденный будет наслаждаться дарами самой страстной любви. Но хоть Марс и следует за Венерой, Венера не следует за Марсом, так как безрассудство есть слуга любви, а любовь не служит безрассудству.¹³

Художники эпохи Ренессанса очевидно с удовольствием отображали на своих полотнах, как легко Венера умирляет Марс, но, Фичино подчеркивает,

что она не нарушает величие души, которое он дарует. Любовь Афродиты очевидно умеет обращаться с неумемной силой, зачаровывая наши чувства и души, но ей нет нужды искоренять величие души, присутствие Марса. Марс может усиливать любовь и придавать любовнику храбрости, утверждает Фичино, но Венера не служит Марсианскому духу. Учитывая все обстоятельства, тогда мы можем рассмотреть здесь благотворный дух, что «делает людей сильными», даже усиливает нашу любовь. Любовь и сила вовсе не противоречат друг другу, хотя любовь и умиряет эмоциональность Марса. На самом деле, без неприятного, недооцененного воздействия Марса, любовь вполне могла бы иссушить дух, притупляя чувство силы, даруемое Марсом и охлаждая его соблазнительные пыл и страсть. Современная психология любви и супружеских отношений могла бы с большим вниманием отнестись к этому древнему союзу, оживляя традицию, при которой первостепенное внимание уделяется Венере без утраты Марсианской напористости. Похоже, что в любовных отношениях, если необходимая роль Марса отмечается на основании морали или чувствительности, его уродливая сторона восстает и проявляется в приступах ярости, супружеских побоях и словесных оскорблениях. И все же было бы немного странно и необычно, если бы священник, благословляющий брачный союз обращался с молитвой к Марсу, или ему подобному. Кажется, осознанно мы посвящаем себя служению идеалу безмятежной жизни, а все те пары, присутствующие на бракосочетаниях, прекрасно зная об искушениях Марса, полностью его игнорируют. Не будет ли разумнее, в духе истинного политеизма, воздать ему должное в ритуале или чествовании, чтобы его неизбежное присутствие в качестве архетипа психе, не разрушило дом, построенный Венерой?

Тяга к многообразности

В заключение, в Фичиновском комментарии к Платоновскому Филебу, он выделяет Марсу роль в делании аргументации. Меркурий, говорит он, определяет, Сатурн решает, а Марс разделяет.¹⁴ Он далее не объясняет эту фразу, насколько мне известно, но в общем контексте Марсианского духа, мы можем трактовать это как его роль в принятии рациональных решений.

Несмотря на все позитивные аспекты, которые мы обнаружили, Марс все же является ядом, даже если некоторые доктора и используют для лечения

хворей. Для многих процесс разделения в мыслях и воображении, особенно, что касается психологических вопросов, является более чем сомнительным понятием. Мы охотнее присоединяемся к модной тенденции интеграции и целостности, и полностью отрицаем мощную реальность Марсианскому многообразию. Гармония, дочь Марса и Венеры, не является приятной смесью их двоих. Она, скорее, туго натянутая струна лиры, которую Рильке описывает в своих Сонетах Орфею; она напряжение между двумя полюсами, созданное из двух противоположных сил, а не в результате их смешивания. Марс все-таки обеспечивает некую гармонию, но, являющуюся по сути своей, как мы увидим в последующей главе, разбросом многообразности. Марс, в своем огненном натурализме, противодействует сентиментальным идеям об интеграции и целостности, и он же позволяет психе существовать в сиянии множества своих центров. Планеты сами по себе многообразны и отражают многие грани психе, что сопротивляются гармонизации. Кажется, чтобы утвердить этот основополагающий плюрализм психе, требуется сила Марса с его теневой природой и токсичным духом. Его сила раскалывает психе как алмаз на несколько сияющих частей, позволяя желанием, настроениям, чувствам и мыслям выдерживать их созидающий конфликт, вместо обретения усыпляющего спокойствия в гармонии.

В финальном разделе, мы обращаемся к направленному изучению психологического политеизма. Эту идею Фичино не выдвигал напрямую на уровне психологии и философии в Планетах, но она прозвучала в главе о музыке. Возможно Марс, каким-то странным образом, наводит нас на музыкальную гармонию и дискуссии богов подобно ступеням звукоряда. Марс играет важную роль в установлении этой гармонии и создании величия духа равного политеистической психе. Реальность такова, что все планеты, как мы убедились, привносят свой дар в созидание психологического отношения или души. У всех у них есть потенциальные крайности, а некоторые на поверхности зловредные, как например Сатурн и Марс. Но всем им надо отдать должное, так как благодаря им поддерживается и питается это отношение осознания души и психологическая фантазия. В представлении Фичино, психе рисуется как круг планет, одновременно делающих свой вклад в музыку души.

Глава 14. Темперированная (соразмерная) жизнь

Мы можем накапливать наши мысли на астрологическую восприимчивость и резюмировать мысли Фичино о психотерапии, уделив особе внимание метафоре музыки, приведенную Фичино в двадцать первой и двадцать второй главах Планет. Я не собираюсь эксплуатировать музыку как некий высоко романтический образ для души, превращая психотерапию в мощную оркестровку разнообразия жизни или изображая психе в виде симфонии возможностей. Искусство музыки содержит в себе некоторые точные формы и структуры, отражающие жизнь души с высокой степенью дифференциации. К этому можно добавить, что музыка в основе своей выражает динамику жизни, таким образом, метафорическая ценность музыки не является чем-то за ее пределами или надстроенным. Принимать оральное участие в сложных рисунках музыкального произведения значит глубоко входить в образ, передающий ощущения и постигаемые паттерны в самой жизни.

Эта тесная связь между живыми паттернами жизни и структурными формами музыки когда-то была признана, но эта же связь была утрачена после обращения Западной истории от мифологического к научному видению мира. Стало очевидным для многих интересующихся мифологией, искусством и религиозными системами, что в двух изученных нами областях – астрономия и химия, стало преобладать рационалистическое, научное редуцирование вплоть до конца средневековой эпохи. Астрономию выдделили из темных мифов астрологии начисто и без примесей, а химию превратили в высокоточную и математическую строгость, оставляя позади оккультные фантазмагии алхимиков. Меньшее признание получил тот факт, что музыка также претерпела подобную очистку, утратив свои религиозные и мифологические основы, стала выхолощенным искусством. С точки зрения психолога, ценящего образотворчество, конечно, такие преобразования вряд ли можно было бы назвать развитием в каком-либо положительном, прогрессивном смысле. То, что было утрачено, по крайней мере, по важности должно приравняться к тому, что было приобретено.

В случае музыки, в развитии изящных искусств, такими как, мы их знаем сегодня, мы теряем две трети общего объема, каким он практиковался и

теоретизировался в средние века и в период раннего Ренессанса. У нас уже была возможность обратить внимание на три развертывающиеся парадигмы, предложенные Боэцием в шестом веке, которых четко придерживались в музыкальных трактатах до времен Фичино и позднее. По этой схеме *musica instrumentalis* или музыка в своем звучании, каким мы его знаем в наши дни, стояла на самой низкой иерархической ступени. Более значимыми проявлениями музыки являлась *musica mundana*, музыка космоса, исполняемая по временам года и в ритмах планет; и *musica humana*, человеческая музыка или музыка души, ощущаемая в волнительных образах субъективного переживания: в настроении, чувствах, мыслях, ценностях, а в представлении средневековых священнослужителей в добродетелях – если коротко, в человеческом характере.

Естественно, Фичино выделяет *musica humana*, но есть природная и четкая связь с космической музыкой. Если в нас есть небо внутри и планеты, создающие «музыку сфер» в самой глубине наших душ, тогда музыку можно будет обнаружить и в ритмах этих планет. «Как вверху, так и внизу», – любили приговаривать алхимики. По мере того, как планеты души входят, угасают и играют в психике разнообразными контрпунктами, их движения, ощущаемые в эмоциях и фантазиях, придают музыкальную форму самой структуре нашего сознания. Увидев эту взаимосвязь планет с музыкой, Фичино всего лишь последовал за своим наставником Платоном, который в Республике (Книга 7) назвал астрономию и музыку «родственными науками». Сократ заявляет: «Также как глаза созданы для того, чтобы смотреть вверх на звезды, так и уши предназначены для того, чтобы слушать гармоничные движения; и поэтому они родственные науки». Фичино тоже извлекал выгоду из долго почитаемого случайного совпадения количества планет с количеством звуков в музыкальном строю.

Идея о том, что музыка находится в тесной связи с душой никого не пугала; музыка, очевидно, воздействует на эмоции и «приводит в гармонию свирепые сердца». Аристотель предлагает раннее подробное описание психологии музыки:

Ритмы и мелодии содержат репрезентации гнева и сдержанности, а также смелости и выдержки, и их противоположностей, и прочих моральных качеств, которые напрямую соответствуют истинной природе этих качеств (и

это ясно из фактов, которые происходят – когда мы слушаем такие репрезентации, мы меняем наши души).¹

Позднее, в шестом веке, Кассиодор говорил о таких добродетелях и моральных качествах, которые являются музыкальными сами по себе, делая природу самой психики музыкальной.² Для него музыка души состоит из гармонии хороших привычек и добродетелей – добродетельная жизнь является музыкальной жизнью.

Фичино учитывал и укреплял оба этих подхода, приводя в соответствие древнюю традицию *musica humana* с теорией духа.³ Он понимает человеческую музыку как совершенное устройство жизни, где любой конкретный опыт резонирует как обертоны, основная октава возможностей представлена планетами-звуками. Психотерапия стала бы музыкальной в той степени, в которой нужно для того, чтобы приводить в гармонию и настраивать звуки планетных центров таким образом, чтобы каждый напевал при внешних событиях жизни.⁴ Это ключевое понятие «темперирование, приведение в соотношение» призывает нас к дальнейшему анализу, но сначала необходимо будет изучить другой музыкальный термин – гармонию.

Пифагорейская Гармония

Цель теории и практики Фичино – достичь некой духовной и психологической гармонии; свойства души, равно как и тела, нуждаются в «темперировании для небесного созвучия (*ad coelestem consonantiam temperato*)»⁵ Но понятие гармонии, изложенное Фичино, отличается от воспринимаемого массами. Как правило, в музыкальной теории гармония – это смешение нескольких звуков, звучащих одновременно и формирующих созвучие. В таком смешении для большинства слушателей отдельные звуки утрачивают свою индивидуальность, так как приносят свой вклад в общее звучание. Гармонический аспект созвучия касается данного смешанного союза звуков, а не звучания или движения отдельных нот. Метафорически идея расширяется, если мы говорим об идеалах «мировой гармонии», «жить в гармонии с природой», и «быть в гармонии с самим собой». Обычно, мы имеем ввиду отсутствие конфликта или рассогласованности.

Фичинианская гармония вытекает из разных концепций, в частности музыкальная теория традиционно приписывается Пифагору.

Мы можем обнаружить суть Пифагорейского понимания гармонии, термин, который мы сегодня используем для того, чтобы отличать от популистского взгляда на гармонию, в отрывке из Одиссея (5.248). Гомер описывает как Одиссей «соединяет вместе» бревна (*harmonia*), чтобы построить платформу для своего парусника или плота. Данный образ связывания между собой нескольких бревен ближе по значению к Пифагорейской гармонии, нежели воспоминания о пятидесятиголосом хоре, звучно распевавшем приятные аккордовые пассажи. Гармония в Пифагорейском смысле состоит из продольного или горизонтального расположения звуков, хотя позже гармония стала вертикальным феноменом.

Очевидно, Фичино черпал свои музыкальные идеи из греческих литературных трактатов, нежели из музыкальной теории и практики своего времени. В Фичиновской Флоренции раздавалась звучная полифония Бургундских композиторов; например, в 1436 году на торжественном открытии собора во Флоренции распевали мотет Дюфай.⁶ Еще один великий Фламандский композитор Хенрик Изак, чей *Choralis Constantinus* учредил первый полный цикл религиозных песнопений, был при дворе Лоренцо Медичи примерно в 1480 году.⁷ Все же, старое понятие гармонии было более наглядно в текстах, которые читал, переводил и комментировал Фичино.

Открытие взаимосвязи между музыкальными интервалами - «расстояние» между звуками – и некоторые численные отношения по легенде приписываются Пифагору. Существует история о том, как он проходил мимо и услышал кузнеца молотящего по наковальне, как его вдруг посетило озарение. Еще говорят, что он экспериментировал со звуками и числами на простом музыкальном инструменте, монохорде, инструменте с одной струной. Одним словом, он открыл, что малочисленные отношения соответствуют в музыке консонантным интервалам, величайшее открытие для тех, кто склонен обнаруживать объединяющие принципы во вселенной.⁸ Общая проблема приведение в соотношение и настройки является гораздо более сложной в современной музыке, и даже разработка Пифагорейского строя и отношений не так уж проста; но, все же, основная

идея Пифагорейской гармонии основывается на простых отношениях, «звучащих» чистотой звука. Искусство создания правильных отношений является основой всех более поздних Пифагорейских систем,⁹ а мы можем видеть применение этого искусства в разных областях, например, архитектуре, письме, философии, магии и даже психологии.¹⁰

Пифагорейский строй был создан из простых отношений и их соответствия чистым интервалам; и именно этот ряд, аккуратное расположение звуков, при котором каждый настроен таким образом, чтобы отличаться от своего соседа, я и обозначаю как Пифагорейская «гармония». Несколько особых характерных черт этого строя объясняют его метафорическое значение в рамках образа для приведенной в соотношение психе: (1) каждый звук отчетлив, не потерян в мешанине звуков; (2) строй – это теория, не произведение самой музыки; (3) отношения имеют определенную или заданную чистоту; и (4) окончательный благоприятный результат достигается путем сохранения звуков ярко выраженными и многокомпонентными. Если представить изученные нами планетарные психологические процессы в виде звуков в строю, тогда эти четыре пункта можно применить и к психе: (1) каждой планете необходимо отдать должно внимание, им нельзя слиться в каком-то всеобъемлющем эго-плане; (2) по заключениям Юнга, архетипы человеческой жизни не существуют в самих себе, мы можем воспринимать их природу только из конкретных ситуаций; (3) планеты являются поэтическими образами процессов, лежащих в основе жизни, они не являются эго-производными; и наконец, (4) чтобы музыка звучала, нужно поддерживать эти процессы в настроенном, доступном и живом виде.

Многие философы и теологи средневековья и Ренессанса ухватились за это представление о мире, построенное на простых отношениях, смогли увидеть их красоту, и разработать свои собственные способы применения этой теории, всегда приписывая базовое озарение Пифагору. Это характерно для таких писателей как Афеней, Кассиодор, Боэций и Исидор Севильский,¹¹ и для последователей Фичино, в частности Роберта Фладда.¹² Сам Фичино редко признавал свой долг перед Пифагорейцами, и характерным образом классифицировал науку об отношениях в довольно любопытном иерархическом порядке: он предлагал прогрессию от арифметики до

геометрии плоскости до геометрии пространства к музыке. Музыка приходится иметь дело с цифрами и телами в движении.¹³ И, тогда музыка, в этой Фичинианской иерархии, является четвертым измерением, которое учитывает и значение пропорций и своеобразные трудности движения. В Планетах четко отображено насколько широка его концепция музыки:

Но давайте вновь вернемся к допущению о том, что музыка, прежде всего, заключается в отношениях, затем в фантазиях, и на третьем месте – в речи, следующей за песней, создании музыки при помощи пальцев, музыки всего тела в гимнастике или танце... Пифагорейцы, Платонисты, Меркурий, Аристоксен – все они утверждают, что душа и тело мира, а также всего живого заключаются в музыкальных отношениях. Даже священные письма Иудеев настаивают на том, что Бог расставлял все по числам, весу и мере.¹⁴

Музыка психе, по крайней мере, в данном Пифагорейском аспекте, создается, выделяя каждому процессу души место в строю. При настройке музыкального инструмента, каждому звуку придается точная пропорция вибраций, чтобы он звучал подлинно и четко. Также и с психикой, она раздается космической музыкой, если все планеты звучат в своей подлинной тональности в течение жизни. Если она в Сатурне, его тяжеловесность четко определяется и дается пространство и время на отклик; если давит Венера, ее голос звучит в ее собственном тембре, Венера не притворяется кем-то другим. Музыкальная душа приводится в правильное соотношение, а не изменяется.

Темперирование Инструмента Души

Чтобы достичь Фичинианского идеала, чтобы «максимально приблизиться к небесам», придется стать еще и особо музыкальным – хорошо темперированным и настроенным. Остается вопрос, как же нам настроиться таким образом, чтобы наши жизни имели резонанс и гармонию Пифагорейского типа?

Фичино дает нам несколько идей о том, как мы можем темперировать (привести в созвучие) душу:

Кто имитирует преданное служение, учение, житие и живет божественными благами, видами деятельности или порядком, в той мере, в какой он подобен небесам, получит изобильные дары. Но люди противоестественно несхожие с небесами и диссонирующие[discordes] втихомолку страдают, несмотря на то, что на публике они могут и не выглядеть несчастными.¹⁵

Все виды «имитации» заслуживают некоторого внимания, так как именно через них планеты образуют созвездия.

«Преданное служение» вновь поднимает вопрос религии. Очевидно, нет необходимости поклоняться планетным божествам, как это делали греки и римляне; хотя они и были обязаны проявлять определенную долю преданного служения и погруженности в себя. Традиционно об этих богах в отношении индивидуумов говорят, что он «в Меркурии» или «в Венере». Основная мысль состоит в том, что настроение и атмосфера, сопровождающие архетипическую позицию бога, овладевают человеком, удерживая его внимание и придавая оттенки его восприятию всего. И это не просто разбудить Меркурия в чьей-то душе, написав доггерель или изображая толкование сновидений. А Меркурий будит душу, подстегивая человека к пониманию и озарению. Боги и не видимы на небе, и они не просто поэтическое выражение личных переживаний. Это ощущает тень более укрупненного объятия бога, хотя бог и является психологической реальностью. И тогда, человек воистину способен занять религиозную позицию в отношении таких движений психе, признавая их влияние и силу, и притягивая их дух в материю жизни. По Юнговскому определению религии, религиозная восприимчивость включает в себя учитывание содержимого психической жизни, неважно как оно обозначено духами ли, богами, демонами или бессознательными фантазиями.

Второй способ темперации души через учение, простая техника, не всегда принимается всерьез, так практически шита белыми нитками. Однако, совершенно точно Фичино держал этот способ в голове и практиковал в форме обучения и терапии. Он писал: «это особое направление для того, чтобы правильно понимать какой дух, силу и влияние эти планеты символизируют». Затем он в итоге предостерегает от «обожания» звезд; скорее мы для того, чтобы «имитировать их и через эту имитацию овладеваем ими».¹⁶ В ограниченном смысле, изучение планет включает

чтение об этих семи божествах, знание о том, что они олицетворяют и на какие сферы жизни они оказывают влияние. В более широком смысле, один из способов сделать свою жизнь созвучной – это познакомиться с образами посредством чтения мифологии и религиозных традиций, уделив внимание поэзии, художественной литературе и другим видам искусства, примечая образы сновидений и пробуждающих фантазий. Целью является знакомство с имажинистическим выражением души. В нашем обществе считается ужасным, если человек не умеет читать, образовывать слово по буквам и выполнять основные математические вычисления; но даже наше старшее поколение неграмотно в плане образотворчества. Несмотря на то, что образы переполняют наше сознание днем и ночью, открывают религию и искусство большей частью своего содержания, и определяют ценности и понимание мира.

Уделяя внимание и время сновидениям еще один действенный способ сделать свою жизнь созвучной, посредством изучения образов в наших снах, наш личный миф, укомплектованный героями, злодеями, демонами и божествами, привносится в сознание. Часто пристальное наблюдение сновидений воспринимается суеверием, либо же предоставляется психотерапии, где сны обычно трактуются полностью в соответствии с личной историей. Но любой может принимать свои сны к сведению, в буквальном смысле, и обнаружить через какой-то промежуток времени, повторяющиеся образы и сюжеты. Не нужно смотреть на сон как на руководство к действию (Фичино выступал против такого поклонения) или делать какие-то однозначные интерпретации по ним; достаточно просто уделять им внимание, исследовать их, поворачивать с разных сторон в воображении, и хотя бы немного держать их в голове, в то время как занимаемся нашими ежедневными делами. Такое «служение» персонажам сновидений приводит душу в созвучие, придавая образные ориентиры нашим чувствам, фантазиям и переживаниям. Например, если нам на протяжении какого-то времени снится сюжет о том, что нас покидают, это затравочная фантазия может объединиться в воображении серией переживаний, настроений, желаний или чего-то подобного. Нам даже может «слышаться» тональность оставленности, звучащая через целый ряд при иных обстоятельствах неясных событий.

Одним из достижений внимательного отношения к снам становится обнаружение важности образов в жизненном опыте. Можно обнаружить, что разрыв между сном и реальностью не так уж и велик. На самом деле, правильное восприятие образов, формирующих жизнь, воздействует на само наше чувство собственного «я»; так как можно достаточно быстро обнаружить насколько неустойчивым является это «я», как оно довольно часто сталкивается с фантазиями, сливается с ними, отождествляется, и на внутреннем уровне и в проекциях. Фичино сделал наблюдение о том, что темперирование не только высвечивает многообразие мира и его глубинные образы, но и воздействует на личность.

Но вы можете создать более утонченный образ в своем «я». Так как вы понимаете, что нет ничего более организованного, чем небеса и ничто не может расцениваться более темперированным, чем Юпитер, тогда вы возможно станете ожидать, что в конце концов блага небес и Юпитера не заставят себя долго ждать, если вы проявите себя организованными и темперированными в ваших мыслях, чувствах, действиях и способе жизни.¹⁷

В данном конкретном примере речь идет о Юпитере и Юпитерианском духе: если имитировать характерные черты Юпитера, чувство собственного «я» перенимает на себя качества этого образа. На языке Фичино мы могли бы не почувствовать в полной мере то, что предполагает он; на этот раз мы начинаем осознавать силу образов, мы обнаруживаем, что не только мир в целом, но и сама наша личность определяется творческим воображением. Мое объективное восприятие мира и самого себя определяет, кем я являюсь, как я поступаю и значение событий, происходящих в моей жизни. Таким образом, тщательная настройка образов и процессов, составляющих мою психологическую активность, приводит в созвучие мою собственную душу.

Пример Фичино сложен, так как Юпитер Бог темперирования, приведения в созвучие. Если образ Юпитера констеллирован в психике, эго утрачивает свое архетипическое желание контролировать и защищаться, и становится более имагинальным и гибким. Оно способно выносить неопределенность, противоречие и конкретно движение, потому как именно они и являются процессами темперации. Юпитер – это измерение сознания, посредством

которого мы обнаруживаем конкретные образы для нашей жизни, не стремясь выбрать один единственный доминирующий образ. Юпитер темперирует, констеллируя все основные процессы психе, настраивая их на индивидуальность и эффективность. Темперация сознания не исключает диссонирующего трения парадокса и противоречий, которые в перспективе не могут не возникнуть из множества.¹⁸ В музыке хороший аккордовый диссонанс это всегда самый красивый отрывок на хорошо настроенном инструменте, а правильно расположенная диссонирующая нота скорее приукрасит, нежели принизит музыку. Таким образом, также и в психологическом темперировании, настройка не только не исключает диссонанс – страдания, смятение, непостижимые явления – на самом деле она даже усиливает его.¹⁹

Несмотря на то, что диссонанс желателен для психики, тем не менее, душа может быть плохо темперирована, этот разлад становится болезнью души. Разлад может оказаться просто на просто отсутствие настройки, ввиду нарушенной способности творческого воображения: жизнь не имеет смысла, низкая самооценка, интернализированные социальные ценности заменяющие личностные, и т.п. Или, возможно, более распространенное, по сути, доминирует одна точка зрения о том, что сознание можно считать монотеистическим.

Алкмеон Кротонский, Пифагрейский физик 500 года до нашей эры, придерживался того, что «равенство прав между свойствами влажного, сухого, холодного, горячего, горького, сладкого и прочего, сохраняет здоровье, но главенство одного из них [монархия] продуцирует болезнь.»²⁰ Мы видим, что все эти качества присущи на разных уровнях каждой отдельной планете, так что наблюдение Алкмеона также может быть применено к планетам. Превосходство одного сигнализирует о болезни души, известной как монархия, тирания, что служит для того, чтобы исключить многообразие точек зрения. Фичино недвусмысленно утверждал в подобной манере, что «на небесах нет ни единого лишнего природного качества.» И нет избыточного духа, исходящего от какой-либо планеты, иначе в этом случае психологическая жизнь не имела бы музыки, и стала бы непрерывным гулом одного единственного звука – одноголосием.

Политональность: Музыка Богов

Без всяких сомнений было бы полезно, но все же находится за пределами нашей задачи в этой книге, пойти глубже в психологические корреляты специфических феноменов в музыкальной истории и теории. Например, любопытно, что в Западной истории, в век просветительства и рациональности, почти все музыкальные произведения создавались в так называемой теоретиками «функциональной гармонии». Каждая фраза и нота в произведении, вне зависимости от ее долготы, слышалась и интерпретировалась как «функция» звуков первой ступени. Все приходящее в музыкальной симфонии в ноте «до» интегрируется посредством взаимосвязей с этой нотой. В двадцатом веке, во времена переворота в социальном и личном понимании, Арнольд Шюэнберг разработал «атональную» музыку и свою систему «серийных» композиций. В этой музыке, строго следовали правилам и инструкциям во избежание преобладания какой-либо ноты над другими. Музыка Шюэнберга по-настоящему политональна: каждый звук является центром в самом себе.²¹

«Политональность» Шюэнберга отражает Фичинианскую темперированную психику лучше, чем традиционная ладовая система; каждому звуку (богу) отдается должное, и именно соотношения и интервалы предкомпозиционного строя определяют развертывание произведения. С точки зрения некоторых современных композиторов, двенадцати-звучная система Шюэнберга породила сухую, интеллектуальную музыку, столь же лишенную экспрессивности, сколь и приобретающую техническую сложность. Но она может быть в высшей степени выразительна, и это качество кто-то захотел бы перенести по аналогии в музыку психе.

Одним из преимуществ политеистической/политональной психики является многообразие психологического переживания, которое она дает. Как отметил Фичино на языке астрологии и естественной магии: «Так как разные звезды обладают разными силами, излучают они также разное. Когда лучи падают, оказывая воздействие там и сям, создаются определенные силы.»²²Темперированная, политеистическая психика, содержащая в себе все планеты и их излучения/духи, обладают разнообразием сил, в противном случае пресекаемых самодержавным сознанием или проще говоря отсутствием образной глубины. Все рассмотренные нами процессы,

связанные с планетами, доступны в такой констеллированной, темперированной душе, что восстанавливают различными способами саму душу. От влажных удовольствий Венеры до сухой интенсивности Марса, душа процветает благодаря разнообразию чувств и открытых им горизонтов.

Еще одно преимущество, встретившееся нам мимоходом несколько раз, это свобода от любого рода морализма. Религиозный и этический морализм часто перекрывают воздух душе, если она ригидна и ограничена, но современные формы психологической морали могут оказаться еще вредоносней. На сегодня, индивидуумы с пробуждающимся сознанием, переживают необычайный напор в отношении роста, самореализации, выпускания чувств наружу, наслаждение сексуальной жизнью без предрассудков, не замалчивать что-либо, всегда быть счастливыми и активными, производить нечто творческое, растить детей без «комплексов» и т.д. Политеистическая психология, в которой все боги и все их стороны, темперированы и со-настроены, не выглядят настолько невероятно целостными и позитивными, и собственно не навязывают эту блестящую, но тем не менее такую взыскательную мораль. Джеймс Хиллман кратко сформулировал ценность политеистического подхода, подчеркивая присущее ему качество терпимость:

Политеистическая психология обязывает сознание возвращаться в поле сил. Каждому богу воздается должное, равно как и каждый комплекс сам по себе заслуживает уважения. В этой цикличности нет предпочтительных положений, нет безапелляционных утверждений по поводу позитивного или негативного, и таким образом нет необходимости исключать какие-то события как «патологические». Если отложить идею развития по иерархическим стадиям, возникнет больше терпимости к не развитию, направленных вверх и неупорядоченных составляющих психики.²³

Возможности терапии громадны. Если не зацикливаться на созревании, развитии в соответствии с какими-то нормами, иерархии психических ценностей, ожиданий успеха и перемен, проектов и целей по самоусовершенствованию, и глубоко укорененной фантазия приспособления к сенексному обществу, тогда терапевт беспрепятственно дает волю воображению. Бог темперирования Юпитер, глубинная внутренняя терпимость и способность ценить множественность, с большим

успехом привнесет порядок в образы, фантазии и чувства, нежели пациент, терапевт или общество. Фичино был довольно-таки посредственным терапевтом, мягко говоря. Он играл на своей лире, готовил специи и духи, направлял своих клиентов на прогулки по сельской местности, и подбирал для них подходящие амулеты и камни. Даже если вполне буквально воспринимать, его пример достоин подражания; так как он интуитивно и в теории знал, что психика нуждается в создании образов. Посредством естественной магии - этот канал духа перетекает между объектами и сознанием – психика утрачивает свою расстроенность.

Современный терапевт Фичинианского толка вполне может последовать примеру мастера и найдет любые способы, которые включают воображение в психологическое проживание. Все считается: душистые травы, фотография, музыка, танец, путешествие, растения, духи, все виды художественного творчества, музеи, полеты на самолете, новеллы, медитация, массаж, уединение, учеба, чтение, драма, актерское мастерство, строительство, спорт, астрономия и астрология. Все это и ничего из этого можно использовать для темперирования психики, при условии наличия воображения и искреннего интереса к душе. Вне зависимости от того, что представляет психика во сне, фантазии, пожелании, вождлении, страхе, страстном стремлении, ужасе, сожалении или любви, можно облечь в образы и тем самым обратиться в глубины. Таков процесс темперирования, и таково значение психотерапии, забота о душе, в Фичинианском контексте.

Психотерапевт способный воображать заглядывает вместе со своим клиентом в моток образов, содержащихся в поверхностном слое событий. Он может разыгрывать алхимика, помогающего своему клиенту состряпать полусгнивший мусор, накопившийся за годы. Он может быть астрологом, составляющим карту планет и наносящим на карту созвездия. Он может быть магом, практикующим некие древние или современные виды мнемоники, при помощи которых «сакральное раскрывает тайны», сокрытые в образах, пронизывающих жизнь, и сознание толпы остается демаскированным.

Большинство психологов радеют, разумеется, за хорошо интегрированное эго и жизнь без недоработок; некоторые критикуют политеистическую психологию считая ее безответственным, попустительским отношением к

психологическим мукам. Ее истолковывают как проповедующую нарушения личности, шизофрению, и все другие формы «свихнутости».24 Но имагинальное²⁵ или чувственное эго обитает в золотой середине, обычно обесцененное, между волевым эго и эго, захваченным разрозненными фантазиями. Многие фантазии, предъявляемые людьми во время терапии, являются точными симптомами ригидного эго, типичное и ожидаемое в древней культуре как наша. Поверхностные ценности нашего общества требуют порядка и соответствия и блюстители нормальности могут даже госпитализировать тех, кто не соответствует уровню этой нормальности. Терапевтические подходы, помешанные на силе воли, силе эго и социальной приспособлении только лишь блокируют проблему, добавляя еще один слой сопротивления стремлению к полимодальному выражению психики.

Терапевт более увлеченные творческим воображением, глубинное и истинное понимание поведения и фантазии, может способствовать гибкости и смягчению самооценки, что способствует и увеличению сознания и осознанию наплывающих фантазий. Простой процесс знакомства с силами, движущими нами и провоцирующими на импульсивные действия и тяготеющими над нашими душами, снижает их разрушительную силу. Зная демонов, населяющих задворки нашего сердца, мы можем двигаться вместе с ними, вместо того, чтобы вовлекаться в бессмысленную борьбу с ними. До тех пор, пока мы не вступим в некий диалог с этими внутренними демонами, у нас нет возможности отделить их и договориться с ними. Без воображения эго слишком отдалено от этих внутренних фигур, чтобы отличить угрозу от потенциала.

Темперирование тем не менее требует осторожности, несмотря на то, происходит он в формальной или неформальной терапии или же в процессе обращения с собственными фантазиями. Не в пример большей части психологических подходов, данный Фичинианский подход не пропагандирует вытеснение, равно как и не рекомендует компенсацию, обе меры устаревшие и консервативные. Столкнувшись с многообразием динамик в психике, она стримится обрести все блага. Фичино поощрял эту принимающую позицию, ссылаясь несколько раз в в жтой работе на историю суда Париса.

По мифу, Парис должен был выбирать из трех богинь: Гера, Афродита и Афина. Когда Афродита всего лишь ослабила пряжку на своей тунике, ему хватило и этого. Он выбрал ее и завоевал Елену и победил в Троянской Войне. Фичино интерпретировал богинь как аллегория мудрости, удовольствия и силы, и предупреждал своего друга и покровителя Лоренцо, о том, что тот кто предпочитает одно божество другим, в итоге заплатит по счетам. Сам Сократ, говорит Фичино, выбрал Минерву и добился своей смерти. Но Лоренцо «не пренебрег этими высшими созданиями. Он лицезрел троих и поклонялся трем за их дары.»²⁶ Если вы выбираете кому из богов поклоняться, выбирайте всех. Таков был Фичиновский практический, политеистический совет. Смиритесь с двойственностью, смятением и нелогичностью политеистического воззрения; так как можно обрести ясность и контроль, интеграцию и ощущение целостности за счет психологической энергии.

Нотки сопереживания

Больше в духе современной психологии, Фичино направляет свое музыкальное внимание к эмпирическим наукам. В Планетах он рекомендует осторожно использовать музыку в качестве формы лечения, практику, которую он не только пропагандировал, но и сам применял, используя свою лиру. Определенные виды музыки, считал он, смогут уловить дух определенной планеты и сделают его доступным человеку, нуждающемуся в духе. Он предлагает три правила для определения планетной природы музыкального произведения: (1) найти характерные черты планет и вставить их в текст песни; (2) выяснить какая планета управляет определенной зоной, изучить музыку этой территории и включить эти элементы в нужное музыкальное произведение; (3) выяснить как отражаются на людях различные астрологические модели и включить эти выводы в песни.²⁷ Здесь представлена ранняя форма музыкальной терапии, действенное искусство запоминания, при помощи которого дух планет будет внедрен в психику слушателя, темперируя его душу своими сдержанными мелодиями.

Musica instrumentalis служит при использовании данного метода, способом налаживания *musica humana*, и ее теоретическая основа глубоко политеистична. И теперь, если перейти к метафорической точке зрения, мы сможем увидеть терапевта в качестве *musicus*, музыканта души, который

должен чрезвычайно хорошо быть знаком с богами – их характерами, их воздействием на людей, их ритмами и паттернами. Тем самым, терапевт становится проводником музыкальной психики, особо чувствительным к сложности ее глубинных конструкций.

Еще один «музыкальный» талант требуется Фичинианскому терапевту: у него должен быть слух к трудно уловимым звукам психики. После того как он предложил три правила астрологической музыкальной терапии, Фичино делает следующее наблюдение:

Обеспечивая одну из четырех (четыре музыкальных планеты) его или ее песнями, в особенности, если использовать музыку соответствующую песне, таким образом, что обращаясь через пение или игру в их стиле, они будут тут же отвечать, как Эхо, или как некоторые струны ситары, что вибрируют от удара по соседним струнам и настроены одинаково.²⁸

Разумеется, Фичино здесь имеет ввиду акустический феномен, известный как «ответная резонансная вибрация», и использует его в качестве еще одного примера природной магии – способность вызывать духовное воздействие через материальные средства. Ответная резонансная вибрация возникает, когда две струны настроены на одну высоту звука, или же одна настроена так, чтобы вместить в себя сильные обертоны другой. И тогда, когда ударили только по одной струне, другая вибрирует «в ответ, за компанию». По мнению Фичино, когда звучит музыкальная характеристика определенной планеты, запускается ее планетный дух, прокладывающий дорогу к слушателю.

Роберт Фладд развивал метафору обертонов и дальше, и, объединившись с образом Фичино об ответной резонансной вибрации, он предложил трудное для понимания, но по-настоящему важное понятие сродни с психотерапией. В одной из Фладдовских карт «По Внутренним Числам и Гармонии Человека», человеческое тело располагается внутри круга с надписью «Земля». Над ним три других стихии – вода, воздух, огонь, вмещающие все то, что Фладд называл «diapason materiale» - материальной октавой. Это уровень материи, арена физических событий, воспринимаемых органами чувств. Вторая октава, как бы то ни было, простирается выше первой, словно серия едва звучащих, но различимых на музыкальной шкале

обертонов. Это и есть, если верить Фладду, «diapason medium» или «опосредованная октава», царство души. Фладд делит ее на семь планет, звезды и Движущую Силу. Итак, здесь у нас есть соответствие между этим образом и теорией Фичино о музыкальных планетах. Наконец, существует и третья, еще более трудная для восприятия октава – “diapason spirituale», духовные обертоны, что исходят из физических событий еще слабее. Здесь Фладд упоминает о девяти чинах ангельских. Существует следующая формула, чтобы охватить все три октавы: «Жизненно необходимая гармония, посредством которой, человеческая душа принимает за свою собственную структуру, участок трех регионов мира.»²⁹

Диаграмма Фладда в полном соответствии с точкой зрения Фичино относительно души и ее музыкальной структуры, и это дает осмысленный образ для психотерапии. Можно увидеть некоторые трудности, с которыми может столкнуться Фичинианский психотерапевт, при взаимодействии с клиентом. В данном контексте, предполагается, что терапевт должен обладать «слухом» к обертонам вопиющих фактических поступков. В своей роли музыканта души и мага, он должен не только видеть проблему, предъявленную ему, но и с особым талантом слышать обертоны психики и духа. Эти обертоны практически такие же, как изученные нами ароматы и запахи среди стихий души, и сублимированные пары, высвобожденные во время алхимических процессов. Обертоны дополняют щедрую музыкальную аналогию и возвращают нас к основополагающему принципу психологии Фичино: душа является сокрытым, но восприимчивым измерением материального бытия. Душа кроется в этих сильных вибрациях, обертонах материального мира, опосредованной октаве. Настроенные на эти умеренно различимые обертоны, мы слышим музыку сфер, семи планет, воплощающих многообразие способностей психики, и достигающих степени психологической восприимчивости.

В музыке звуки строя утрачивают свою строгую упорядоченность, и поворачиваются и вращаются в разных направлениях, по мере того, как они соединяются для создания мелодий, благозвучий и противозвучий. В сериальной музыке (более поздняя форма двенадцатиладной системы композиции), еще более ясно, что основные лады вращаются вокруг нескончаемой вариации, создавая уникальное экспрессивное свойство

музыки и свою собственную внутреннюю логику. В музыке психе также, вариация продолжается, не прекращаясь. Многие планеты и их сочетания дают неисчислимы перспективы, таким образом, в политеистической психологии не может быть конечной точки зрения, ни одного аргумента для чего бы то ни было, не может быть окончания терапии и какой-либо достигнутой цели. Поэтому труднее всего для сенекского (контролирующего, заскарузлого) эго принимать подобные продолжающиеся вариации, ведь имагинальное эго находит и логику, и красоту именно в многообразии.

Многообразие конечно в самом себе, как и в случае с одним из животных Юпитера, павлином. Бога темперирования можно узнать в образе многоцветного павлиньего хвоста, который, по сведениям Юнга, является алхимическим образом весны, *primavera*, прихода новой жизни.³⁰ Этот *cauda pavonis* появляется в результате воздействия зачернения (*negredo*) темной ночи, и радугой возвещает о плодородии земли. Юнг также отсылает нас к классиическим трудам по зоологической мифологии Анджело де Губернатиса, в которых образ павлина связан со свечением неба:

Безмятежное звездное небо и сверкающее солнце есть павлины. Темно-синий небосвод, сияющий тысячами сверкающих глаз, и солнце, насыщенное красками радуги, дают нам образ павлина во всем великолепии его усеянных глазками перьев.³¹

Глаза небес, такие значимые в природной магии Фичино, проявляются и здесь на хвосте Юпитерианской птицы. Юнг связывает это все воедино, напоминая нам о том, что в алхимии цвета павлиньего хвоста соответствуют семи планетным сферам.

Как только индивид начинает думать политеистично, слова, когда-то использованные в контексте интеграции и целостности, обретают новую диафановую жизненную силу. Тоже происходит и с температурой. Термин, скорее обозначающий процесс сужения и строгого упорядочивания, температура становится выкладкой павлиньего хвоста, обнаружением красоты многообразия. Жизни, иначе однообразной, мрачной и лишенной образов, придается цвет и звучание. Если бы психология как дисциплина предполагала окончательную оценку многообразия психологической жизни,

воплощенной в образе павлина, тогда, возможно, мог бы быть найден этот желанный эликсир «жизни без предрассудков».

Аналогичную проблему нужно решить в контексте данной книги, так как есть небольшое сомнение в том, что лучи, изливаемые на ее страницы, исходят от Сатурна и Меркурия, предоставляя, по крайней мере, пять разных способов вообразить аптеку Фичино, и, минимум пять разных духов приобрести через его слова. С некоторыми из этих иных божеств нелегко встретиться на печатных страницах, но у них есть свои сферы жизни, свои планетные дома, где можно впитывать их лучи. В конечном итоге, потребуется огромное множество путешествий, экспериментов и поисков, чтобы темперировать богов таким образом, чтобы их высокие обертоны заблистали в лад и их низменные основы дрогнули под воздействием чистых нот и на солидной глубине.